

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда.

Глава 1. Описание добродетелей Рама

С радостным сердцем Бхарата вместе с Шатругхной, победителем своих врагов, отбыли в дом своего дяди по матери, где дядя окружил их вниманием и заботой, проникшись любовью к сыну сестры. Хотя их малейшая прихоть не оставалась без внимания, братья постоянно вспоминали старого царя Дашаратху.

Монарх во всем своем великолепии также не забывал отсутствующих сыновей – Бхарату и Шатругхну, подобных Махендре и Варуне. Более того, он любил чetyрех своих мальчиков, они были его руками. Но среди всех наибольшую радость доставлял отцу знаменитый Рама, подобный Сваямбху среди всех живых существ, славный своей великой доблестью. Это был Сам вечный Вишну, родившийся по просьбе богов, которые хотели сразить Равану, врага целого мира.

Глава 2. Советники и старейшины охотно принимают Раму царем

Царь Дашаратха громко обратился ко всему собранию, и его звонкий голос был глубоким и напряженным, подобно удару гонга. Это был голос царственной особы, неподражаемой, спокойной и пронизательной. Царь обратился ко всем со словами, исполненными глубокого смысла, которые принесли радость их сердцам:

Вам хорошо известно, что эту огромную империю поддерживали мои предшественники, индры среди монархов, потомки династии Икшваку. Идя путем, проложенным моими предками, я все свои силы положил на защиту подданных, вопреки собственному счастью. Прошло шестьдесят тысяч лет моего царствования, тело мое состарилось, ослабло и ищет покоя. Бремя правления стало слишком тяжелым для меня, я чувствую утомленность. С одобрения собравшихся здесь туров среди дваждырожденных я надеюсь передать заботу о подданных своему старшему сыну и отдохнуть. Мой сын с рождения обладает всеми достоинствами, которые есть у меня. Равный Пурамдаре, Рама, разрушитель вражеских крепостей, подобен богу луны в соединении со звездой Пушья. Его, самого достойного из людей, я желаю завтра провозгласить Ювараджей (сноска 1, 161). Этот тур среди людей будет достойным правителем; он – старший брат Лакшманы, все три мира еще не видели более великого покровителя! Поэтому без лишних отлагательств я желаю передать бразды правления государством этому знаменитому царевичу; сын мой будет коронован, и все беспокойства покинут меня. Столь благоприятная мысль созрела у меня в ходе серьезных размышлений. Я ожидаю вашего одобрения, а также предложений наилучшего исполнения этого решения. Хотя приказ этот нравится мне таким, как я изложил его вам, в интересах государства обдумайте его и посмотрите, возможно ли что-либо еще.

В случае возражений будет принято мнение тех, кто беспристрастен!

Присутствующие цари слушали царя Дашаратху с великим удовлетворением, и были подобны павлинам, которые своими криками приветствуют грозовые тучи; поднялся радостный гул, вызванный их восторгом, подобный отдаленным раскатам грома, он заставил трепетать землю. Монарх, знавший свои обязанности и интересы людей, провозгласил свое решение, и тогда брахманы и старейшины главных городов и деревень собрались на совет и после обсуждения пришли ко всеобщему согласию.

О могущественный государь, – обратились они к царю Дашаратхе, – ты правил тысячи лет и теперь состарился. Поэтому сделай Раму своим преемником; мы жаждем увидеть доблестного потомка Рагху, знаменитого Раму восседающим верхом на огромном слоне, дабы лицо его прикрывал царский полог! Царь, желая постичь всю глубину их намерений, ответил:

Действуя согласно моему совету, вы выразили готовность видеть Раму на троне, и все же у меня остались некоторые сомнения; скажите откровенно, почему вы хотите короновать Раму? Я ошибался, или вы желаете видеть могущественного Раму на троне империи несмотря на мое справедливое управление землей?

Великодушные монархи и жители городов и стран отвечали:

Редки и бесчисленны добродетели твоего сына, о царь, и в этом собрании мы должны назвать все добрые и вдохновляющие таланты, которыми наделен Рама, подобный богу. Будь милостив, выслушай нас! Своими божественными качествами Рама равен Шакре, героизм – это его природа; среди всех потомков

Икшваку он – самый знаменитый, о властелин людей! Рама – человек истины, он добродетельный и высшая в мире обитель благочестия. Праведность и процветание исходят из него! Он – радость для людей, он равен Чандре; терпеливый, как земля, мудростью он напоминает Брихаспати, а энергичностью – супруга Сачи! Сведущий в законе, утвердившийся в истине, приятного расположения, чуждый зависти, учтивый, мягкий, ценящий любое искреннее расположение, хозяин чувств, терпеливый, твердый в своих решениях, легкодоступный, чуждый ревности, со всеми доброжелательный и искренний, глубоко почитающий просвещенных, старших и брахманов – таков Рагхава! Все эти достоинства преумножают его могущество и непревзойденную славу.

Искусно владеющий оружием богов, асуров или людей, сведущий в духовной науке и практике, познавший отрасли знания, описанные в Ведах; старший брат Бхараты более остальных в мире искусен в музыке. Рама необычайно одаренный и добродетельный, в душе его нет места мелочности, он открыт всем благородным чувствам, будучи воспитанным брахманами, опытными в исполнении долга, целесообразности и искусствах; сопровождаемый сыном Сумитры, он никогда не покидает поля битвы, защищая деревню или город и не ищет в этом выгоды! На слоне или колеснице возвращаясь домой, он спрашивает о благополучии жителей, словно это его родственники, интересуется их детьми, женами, слугами, жертвоприношениями и их учениками. Он расспрашивает со всеми подробностями, словно отец – своего сына. “Ученики твои послушны?” – говорит он брахманам; “Все твои слуги обеспечены доспехами?” – спрашивает он воинов; так обычно общается этот тур среди людей!

Сердце его полно сострадания к чужой боли, точно так же он радуется чужому счастью, словно отец в кругу своей семьи. Искренних речей, он искусный стрелок из лука, преисполненный почтения к старшим, владеет собой, говорит со сладкой улыбкой на устах, со всей душой исполняет свои обязанности, уверенно направляет ко всему, что несет благо, не ищет удовольствия в унижении других, красноречив, как Вачаспати; с чарующими бровями и медного оттенка глазами он напоминает Самого Вишну, Рама – это радость миров. Наделенный доблестью и силой, способный защитить людей, он никогда не позволяет, чтобы страсть завладела его чувствами; он достоин править тремя мирами, не только землей!

Ни гнев его, ни милость не изливаются напрасно, потому что он наказывает тех, кто заслуживает наказания, а невинные не трепещут перед ним в страхе; по доброй воле он приближает к себе тех, кто заслуживает похвалы. Благодаря своим возвышенным качествам Рама сияет славой подобно солнцу в ореоле лучей и помимо всего является совершенным защитником всех миров. Вселенная жаждет увидеть его своим повелителем. Рагхава, возлюбленное дитя, родился ради всеобщего процветания, и, счастливо наделенный всеми достоинствами, каким только может обладать достойный сын, он равен Кашьяпе, сыну Маричи. Сила, здоровье и жизненная энергия Рамы не имеет себе равных даже среди богов, асуров, людей, гандхарвов и урагов, и все жители этой империи великолепных городов прославляют те достоинства. Обитатели твоего дворца, жители города и всей страны, женщины, дети и старики день и ночь с преданностью молятся Богу за Раму. О великий монарх, прими нашу просьбу с благосклонностью! Мы хотим, чтобы ты возвел на трон Раму, цветом тела подобного голубому лотосу, одерживающего победы над врагами, лучшего из сыновей! Твой сын равен Богу богов, этот царевич наделен всеми добродетелями, пусть же он станет нашим царем! Сделай это безотлагательно, с радостным сердцем, о великодушный государь.

Глава 3. Приготовления к коронации

Царь отвечал тем, кто молил его со сложенными ладонями, исполняя их желание:

Сегодня я обрел полноту счастья, удача моя безгранична, потому что вы хотите возвести на трон моего старшего сына! Почтив собрание такими словами, монарх тут же обратился к брахманам и Васиштхе с Вамадевой:

Сейчас благоприятный и священный месяц Чаитра, когда деревья покрываются цветами; О святые люди, пожалуйста, приготовьте все необходимое для коронации Рамы! Толпа с ликованием приветствовала эти слова и, когда шум постепенно затих, царь сказал Васиштхе, тигру среди аскетов:

О благословенный, проследи сегодня за приготовлениями к коронации Рамы!

Вняв словам защитника земли, Васиштха, знаменитый муни, отдал приказы служителям, что стаяли пред монархом со сложенными ладонями, и наказал им собрать золото и другие металлы, драгоценные камни, притирания, гирлянды из свежих цветов, травы, жареное зерно, молоко и масло, новые одежды, колесницу, все виды оружия, армию из четырех воинских соединений, слона, лишенного малейшего изъяна, с богатым паланкином, двойными опакалами из хвоста яка, обычный белый полог, сотни золотых сосудов, сияющих, как огонь, быков с позолоченными рогами, и целую тигровую шкуру. Все необходимое приготовьте к завтрашнему дню и положите в этой части дворца, в стороне от жертвенного огня. Шри Васиштха повелел им далее:

Украстье все ворота дворца и города сандалом и гирляндами, зажгите благовония. Приготовьте достаточно сладкого превосходного риса с молоком и творогом для удовольствия сотен тысяч брахманов. С завтрашнего дня обеспечьте главных дваждырожденных превосходным маслом, йогуртом, жареным зерном и обильной милостыней.

С восходом солнца нужно будет провести церемонию свасти-вачана (сноска 1, 165) и собрать брахманов, приготовив для них места. Повсюду развесьте стяги, сделайте цветочные арки, главные улицы обрызгайте водой; пусть все певцы и музыканты нарядно оденутся. Во всех храмах и на алтарях должны быть готовы рис и милостыня. Гирлянды развесьте особенно красиво. Воины, вооруженные длинными копьями, с натянутыми луками и в новых одеждах должны с почетом вступить на царский двор! Двое аскетов, отдав приказания, остались пронаблюдать их исполнение, а потом вернулись к царю, повелителю мира, и сказали:

– Все готово!

Выслушав тех знаменитых аскетов, преисполненных радости, сияющий монарх обратился к Сумантре:

– Поскорее приведите сюда добродетельного Раму!

Повинуясь приказу, Сумантра, самый сведущий среди советников, привез Раму на огромной колеснице.

Царь Дашаратха, окруженный правителями земли, которые прибыли к его двору с востока, запада, севера и юга, арьяны и не арьяны, спустившиеся с холмов и вышедшие из лесов, напоминал Индру среди марутов! Из дворца Дашаратха увидел своего сына Рамачандру, шедшего подобно царю гандхарвов! Он не мог отвести взор от возлюбленного сына, славного своей добродетелью, огромной силой, могучерукою, с походкой опьяненного слона и лицом, прекрасным, как луна, невозмутимого, чарующего сердце каждого своей красотой, с достоинством Парджаньи, дарующего желанную прохладу тем, кто пылает в жару. Дашаратха наблюдал, как Рама вместе с Сумантрой приблизились ко дворцу, Сумантра помог ему сойти с колесницы и последовал за ним, когда Рама со сложенными ладонями направился к отцу.

Потомок Рагху ступил во дворец, сиявший подобно вершине горы Кайлас, дабы вместе с Сумантрой подойти к государю. Со сложенными ладонями он распростерся пред отцом, произнес свое имя и с почтением коснувшись его стоп, а монарх, глядя на Раму, который, сложив ладони, лежал перед ним, взял его руки в свои, притянул к себе своего дорого сына и обнял. По приказу царя для Рагхавы принесли великолепный и сияющий трон, украшенный драгоценными камнями и золотом. Сияющий Рама еще более усилил его великолепие, подобно восходящему солнцу, рассеивающему туманы на горе Меру; своим присутствием он освятил все собрание, подобно луне, светом заливающей осеннее в звездах небо.

Увидев дорогого любимого сына, подобного его собственному отражению в зеркале, царь засиял радостью. Наисчастливейший из отцов, он обратился к нему, восседающему на великолепном троне, подобно Кашьяпе, обращавшемуся к Индре, царю богов:

О сын мой, ты – потомок благороднейшей из моих супруг, и ты достоин своей матери! Наделенный всеми добродетелями, ты самый любимый среди моих сыновей. Своей добродетелью ты завоевал любовь всех людей; поэтому под благоприятной звездой Пушья прими высшие бразды правления государством. Несомненно, ты обладаешь всеми необходимыми для этого достоинствами, но несмотря на это я даю тебе совет ради твоего блага.

Будь свободен от влияния любви и гнева, на людях и в уединении. Вместе со своими министрами до краев заполните амбары и сараи подданных, дабы они любили вас. Если царь правит государством в благополучии и пользуясь любовью своих людей, он приносит радость друзьям, подобно нектару бессмертия, возрадовавшему богов. Поэтому, о дитя мое, веди себя, полностью обуздав свой ум.

Выслушав речь монарха, друзья Рама поспешили рассказать Каушалье о случившемся, и царица, преисполнившись радости, приказала одарить посланцев золотом, коровами и всякими драгоценностями за столь счастливое известие.

Покинув царя, Рагхава снова сел в колесницу и, провожаемый толпой, вернулся в свой роскошный дворец. Жители, услышав речь царя и видя, что исполнилось из заветное желание, проводили Индру среди людей и, ликуя, вернулись в свои дома, чтобы выразить благодарность и почтение богам.

Глава 4. Рама посещает мать, царицу Каушалью

Когда горожане откланялись, царь снова обратился к советникам с благоразумным решением:

Завтра под звездой Пушья состоится посвящение моего сына; Рама, чьи глаза огромны, как лепестки лотоса, станет царем.

С такими словами Дашаратха удалился в свои покои и повелел своему возникшему Сумантре сходить и снова пригласить Раму. Сумантра тут же отправился исполнить царскую волю и, когда стражник сообщил о приходе Сумантры, Рама почувствовал озабоченность и повелел безотлагательно впустить его.

Что привело тебя ко мне? – обратился к нему Рама. – Скажи все, не скрывая.

Царь желает видеть тебя, – отвечал Сумантра, – сейчас ты узнаешь его волю; поступи согласно истине!

Рама поспешил во дворец увидеть монарха, и Дашаратха, услышав о приходе Рама, сразу велел его принять, желая поведать ему что-то особенно приятное. Удачливый Рама вошел во дворец и, издали увидев царя, распростерся перед ним в поклоне со сложенными ладонями. Монарх поднял его, предложил сесть и сказал:

О Рама, я дождался до старости и правил долго, вкусив всех радостей жизни. По собственной воле я провел сотни жертвоприношений, щедро раздавал рис и милостыню. О не имеющий равных на земле, в твоём лице я обрел наследника, которого страстно желал, о лучший среди людей; я проводил жертвоприношения и изучал Веды, и все мои начинания венчались успехом. Из уважения к богам я вел себя безукоризненно (сноска 1, 168), и я вижу, это приблизило нынешний день, когда ты принимаешь трон. Ты должен исполнить то, о чем я хочу попросить тебя. Все мои подданные надеются завтра увидеть тебя увенчанным короной. Я также жажду короновать тебя, как своего преемника, о дорогое дитя! И все же, о Рама, устрашающие сны пригрезились мне этой ночью: разразилась страшная буря, небеса содрогались от ударов грома и извергали метеоры! Потом, о Рама, звезда, под которой я родился, оказалась во власти страшных планет, таких как Солнце, Марс и Рагху; сведущие астрологи сказали, что это зловещее предзнаменование пророчит смерть царя или ужасное бедствие. Посему я желаю видеть тебя коронованным, о Рагхава, дабы чувства мои и ум обрели покой! Сегодня луна вошла в положение Пунарвасу и вслед за нею взойдет звезда Пушья. Астрологи провозгласили, что завтра начнется стояние звезды Пушья, и под этой звездой я желаю возвести тебя на трон, как моего преемника. Завтра я провозглашу тебя регентом, о победитель врагов. Поэтому теперь иди и вместе со своей юной супругой проведи ночь постясь, возлежа на ложе из травы дурба. Пусть друзья следят за тобой каждое мгновение вплоть до завтрашнего дня, подобное событие может возыметь множество препятствий. Пока Бхараты нет в городе, я думаю, благоприятно начать церемонию. Несомненно, брат твой исполнен добродетели и почитателен к тебе, своему старшему брату, владеющему чувствами, и все же ум человека непостоянен и неустойчив, по-моему, и даже воистину добродетельные могут иногда поступить неожиданно, о Рагхава!

Отпуская Раму, отец сказал:

Завтра ты будешь возведен на трон, а теперь иди! Рама, поклонившись, вернулся к себе. Обсудив с отцом свою коронацию, он сразу направился к матери во внутренние покои. Он увидел ее облаченной в шелковые одеяния и распростертой в храме богов в молчаливой молитве за него; там же он нашел Сумитру, Лакшмана и Ситу, которые стали расспрашивать его о коронации.

В то время поодаль от Сумитры, Лакшмана и Ситы, зная о коронации сына под звездой Пушья, Каушалья с закрытыми глазами медитировала на Господа Нараяну, задержав дыхание. Она была погружена в молитву, когда Рама подошел и обратился к ней с словами, преумножившими ее счастье:

Возлюбленная мать, отец мой поручил мне защиту людей; завтра состоится моя коронация, такова его воля. Эту ночь я проведу с Ситой в посте, как велят мои духовные наставники, а также отец. Сегодня нужно позаботиться о благе царевны Ситы и моем, дабы завтрашняя церемония состоялась!

Услышав об исполнении давно лелеемого желания, Каушалья со слезами радости на глазах отвечала сыну:

О мой возлюбленный Рама, живи долго и повергай своих врагов! Будь счастлив и даруй радость своим близким. Несомненно, я дала тебе жизнь под благословенной звездой, о мой дорогой сын, твои бесчисленные добродетели радуют твоего отца Дашаратху. Моя преданность лотосоокому Господу была не напрасной; процветание царства Икшваку – в тебе одном!

Рама улыбнулся брату и увидел, что тот кланяется ему со сложенными ладонями.

О Лакшмана, – сказал он, – вместе со мной правь землей! Ты – мое второе “я”, и мое счастье зависит от тебя. О сын Сумитры, вкуси желанных наслаждений и плодов царствования. Я ценю жизнь и трон только разделив их с тобой!

Сказав это Лакшману, Рама поклонился ему и покинул всех, вместе с Ситой вернувшись в свои покои.

Глава 5. Мудрец Васиштха посещает Раму

Царь, предупредив Раму о завтрашней коронации, позвал к себе Васиштху, своего духовного учителя, и сказал ему:

О верный религиозным обрядам, пойдя к Какутстхе и его юной супруге и посоветуй им принять на себя пост, чтобы подготовиться к благоприятному вступлению на престол!

Быть тому! – отвечал счастливому монарху Васиштха, лучший среди толкователей Вед, и отправился к Рама. Аскет, приверженный своим обетам, взошел на превосходную колесницу и поехал к тому воину, сведущему в мантрах, известных также и ему, дабы посоветовать ему держать пост. Достигнув обители Рамы, напоминавшей огромное белое облако, знаменитый мунд на колеснице миновал три ряда ограждений. Узнав о приходе Васиштхи, Рама поспешил навстречу выразить почтение. Быстрым шагом он приблизился к колеснице и помог мудрецу сойти, подав руку, затем священнослужитель, отметив про себя оказанное уважение, обратился к Рама со сладкими речами, которых тот был достоин и которые доставили ему радость:

Твой возлюбленный отец, о Рама, желает, чтобы ты вместе с Ситой принял на себя пост до коронации. Завтра ты будешь провозглашен царем, отец одарит тебя радостью, подобно Нахуше, благословившему Яати.

Так сказал чистый и святой аскет, сведущий в традиционных мантрах, наставив Раму и Вайдехи относительно поста. Потом духовный наставник царя, приняв знаки почтения от Рамы, потомка Какутстхи, покинул его и отправился к себе. Рама еще некоторое время пробыл с друзьями, которые развлекали и почитали его, после чего удалился в свои покои, простившись со всеми.

Обитель Рамы была полна веселых мужчин и женщин и напоминала озеро, поросшее лотосами и часто посещаемое многочисленными счастливыми птицами.

Васиштха, покинув обитель Рамы, подобную дворцу, увидел, что дорога, ведущая к нему, полна людей. Все улицы Айодхьи оказались слишком узкими для

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
теснившихся толп, повсюду с нетерпением ожидающих завтрашнего праздника. Радостный гул стоял на улицах, напоминая ревущее море. Вся столица была чисто выметена, полита водой и украшена гирляндами, на домах красовались цветущие ветки, развевались флаги и стяги. Мужчины и женщины, дети и старики – все с волнением ожидали утренней зари, когда они станут свидетелями священной церемонии, сулившей им счастье.

Священник Васиштва, с трудом пробравшись сквозь толпы, заполонившие дорогу, вошел во дворец, напоминая вершину белого облака, и обратился к царю, как Брихаспати обращался к Шакре.

Увидев вернувшегося Васиштху, монарх сошел с трона и стал расспрашивать о беседе с Рамой, на что аскет ответил:

Я исполнил твою просьбу!

В этот момент все присутствующие на собрании поднялись со своих мест, отдавая дань почтения Пурохите.

С позволения гуру царь распустил совет и удалился в свои покои, подобно льву, входящему в пещеру. Там было множество пышно одетых женщин, словно во дворце Махендры, и государь появился среди них, напоминая бога луны среди звезд, усеявших небосвод.

Глава 6. Радость жителей Айодхьи

Как только Васиштва ушел, Рамачандра и его большеглазая супруга совершили омовение и с кроткими сердцами начали поклоняться Господу Нараяне. По традиции принесся на голове сосуд с жидким топленым маслом, Рама вылил очищенное масло в жертвенный огонь и выпил остаток во имя грядущего блага, затем, прочитав молитвы Господу Нараяне, возлег рядом с царевной Видехи на подстилке из травы куша. Храня молчание и полностью владея своими чувствами, сын лучшего среди людей уснул в древнем храме Вишну.

На исходе ночи он поднялся, повелев начинать украшать его обитель, и скоро услышал радостное пение птиц, певцов и поэтов. С первыми лучами солнца он с глубокой сосредоточенностью исполнил свои религиозные ритуалы и, облаченный в безупречное полотняное одеяние, со склоненной головой совершил поклонение Мадхусудане, повелев дваждырожденным читать Молитву Мира и другие молитвы. Голоса тех людей, звучавшие глубоко и слаженно в сопровождении музыкальных инструментов, наполнили Айодхью.

Народ возликовал, услышав, что Рагхава постился вместе с царевной Видехи. Все знали о предстоящей коронации и ждали, когда ночь уступит место рассвету, дабы начать украшать город.

На белых храмах, сверкающих, как груды облаков, на величественных домах, монументах и террасах, на торговых прилавках, ломящихся от товаров, на домах почтенных семей, залах собраний и на всех высоких деревьях развевались разноцветные флаги и знамена. Труппы актеров и музыкантов развлекали народ сладкими песнями, подыгрывая себе на музыкальных инструментах. На базарах, в домах и на улицах только и говорили о предстоящей коронации, даже дети в своих играх болтали о том, что скоро Шри Рама станет царем.

В честь предстоящего события дороги, устланные цветами и благоухающие курящимися благовониями и фимиамами, освещались огромными, как деревья, факелами, дабы с наступлением ночи все могли насладиться зрелищем.

Украсив город, жители в ожидании воззвания собирались на перекрестках и других местах собраний, обсуждая и прославляя царя:

Несомненно, царь, радость династии Икшваку, – великая душа!

Чувствуя, что стареет, он решил назначить Раму своим преемником! Мы очень удачливы, раз Рама, столь сведущий в законе кармы, станет править нами и будет защищать землю еще много-много лет. Лишенный гордыни, знающий, добродетельный, любимый своими братьями и отвечающий им такой же глубокой любовью – таков Рагхава. Долгой жизни этому безгрешному и безупречному монарху Дашаратхе, по чьей милости мы увидим сегодня Раму на троне!

Таковы были речи жителей города, нечаянно услышанные чужеземцами, которые во множестве поспешили сюда со всех уголков страны, заслышав о приготовлениях к великому празднику, и заполнили Айодхью.

Огромные толпы, гудевшие подобно бурлящим водам океана в день прилива, сделали город похожим на обитель Индры, все жители царства хотели принять участие в коронации, их гул был подобен грому и напоминал волны, в которых играют морские чудища.

Глава 7. Горбунья Мантхара сообщает царице Кайкейе о приготовлениях к коронации Рамы

Царица Кайкейи имела служанку, которая сопровождала ее из родительского дома и была ее постоянной спутницей; звали ее Мантхара. Поднявшись на дворцовый балкон, напоминавший полную луну, она увидела, что столица Айодхья сияет гирляндами лотосов, главные улицы политы водой. Красочные стяги и знамена развевались под крышами высоких домов, дороги были выровнены и полны людей; почтенные брахманы с букетами цветов и сладостями в руках издавали возгласы радости; двери храмов были ярко освещены, звучали все музыкальные инструменты; народ теснился в радостной толпе, со всех сторон раздавались речитативы Вед; играя, гарцевали превосходные слоны и кони, мычание коров и быков слилось в единый гул.

Увидев Айодхью в убранстве гирлянд и флагов, глядя на ее ликующих жителей, Мантхара крайне удивилась и, увидев кормилицу Рамы, одетую в белое полотно, с огромными от радости глазами, она спросила:

Почему мать Рамы так щедро раздает сегодня милостыню? Почему весь народ ликует от радости? Скажи мне, что сделало царя таким счастливым? Счастливая кормилица рассказала горбунье об оказанной Рагхаве высокой чести:

Завтра, когда взойдет звезда Пушья, царь Дашаратха возведет на трон Раму, потомка Рагху, этого безупречного царевича, обуздавшего гнев, он унаследует царство!

Лишь та ушла, горбунья поторопилась спуститься с балкона, который напоминал вершину горы Кайлас. Охваченная гневом Мантхара, одержимая злобой, вошла в спальню Кайкейи и, подойдя к ней, сказала:

Поднимись, о обманутая, почему ты спишь? Величайшая опасность нависла над тобой, неужели ты не понимаешь? О несчастная, твоя благая удача ускользает от тебя подобно реке, пересыхающей в летнюю жару!

Кайкейи глубоко обеспокоилась, услышав яростную тираду горбуни, которая в злобе задумала коварный план.

Что случилось, Мантхара? Почему я вижу тебя такой удрученной, в великом горе?

В ответ на мягкий тон царицы, хитрая Мантхара под видом заботы о Кайкейи стала усиливать ее беспокойство и пробуждать в ее сердце враждебность к Рагхаве.

О знаменитая царица, – сказала она, – близится твоя гибель; царь

Дашаратха хочет провозгласить Раму наследником престола! Я охвачена бесконечным страхом и горем, я сгораю в огне беспокойства и потому поспешила найти тебя! О Кайкейи, твоя неудача ввергает меня в бездну печали; несомненно, твое благополучие – это и мое благополучие! Рожденная в царской династии, ты являешься супругой царя; неужели ты не сознаешь привилегий царицы? Твой муж говорит с тобой красиво, но он хитер, слова его подобны меду, но поступает он неискренне! Твоя бесхитрость не позволяет тебе различить его двуличие! Он ласкает тебя, но сегодня он показал свое истинное отношение к Каушалье! Коварный, он отослал Бхарату к родственникам, чтобы в его отсутствие без помех возвести на престол Раму. Это твой враг в облике мужа, и с материнской нежностью ты пригрела змею на своей груди. Царь Дашаратха сегодня отверг тебя и твоего сына, словно врага или змею. Ласки этого негодяя обманчивы, потому что сегодня он разрушил твое счастье, возведя Раму на трон, о Кайкейи, до сих пор привыкшая быть счастливой! О недоверчивая, скорее предприми что-нибудь ради своего блага,

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
ради спасения своего сына, себя и меня!

Слова Мантхары заставили прекрасную ликом Кайкейи подняться со своего ложа. Она была полна радости, словно прибывающая осенняя луна, в счастливом изумлении одарила горбуню чудесным драгоценным камнем и весело сказала:

Что ты говоришь, о Мантхара, как ты обрадовала меня! Это лучшая из новостей! Что я могу сделать для тебя? Я не вижу разницы между Рамой и Бхаратой, и счастлива, что Рама будет править миром. Ни одно известие не было бы для меня столь приятным, ты заслуживаешь всех благ. Слова твои подобны нектару, поэтому скажи, чего бы ты хотела, я с радостью награжу тебя!

Глава 8. Мантхара убеждает царицу в том, что Бхарата должен стать царем, а Рама – изгнанником

Мантхара яростно и разочарованно отшвырнула от себя подарок и сказала:

Как ты можешь радоваться, о бесчувственная? Ты не осознаешь нависшей над тобой великой опасности? С глубоким страданием, о царица, я вижу твою радость, когда тебе следовало бы скорбеть. Я сожалею о твоей простоте; какая женщина будет радоваться возвышению врага ее сына, словно триумфу смерти? Бхарата станет для Рамы источником страха в его стремлении к царскому успеху; эта мысль приводит меня в сильное беспокойство, потому что страх порождает тех, кто боится. Могучерукий Лакшмана целиком предан Раме; с другой стороны, Шатругхна питает к Бахарате такие же чувства, как Лакшмана – к Какутстхе! Бхарата с рождения имеет право на трон, о прекрасная царица, но он и Шатругхна, как младшие, остались в стороне. Это опасение Рамы, столь сведущего в воинском долге и умеющего воспользоваться моментом, очень беспокоит меня, я думаю о твоём сыне. Удачливая Каушалья, чей сын завтра под звездой Пушья унаследует престол знаменитого дваждырожденного, достигла вершины успеха, в великой радости она избавится от своих соперниц; ты станешь ее служанкой, рабой, и будешь выражать ей почтение, сложив ладони. Несомненно, ты станешь ее служанкой, как и все мы, а твой сын будет служить Раме. Все женщины из окружения Рамы будут счастливы, зато твоя сноха будет проливать слезы о потерях Бхараты.

Выслушав Мантхару, охваченную великой печалью, Кайкейи стала прославлять добродетели Рамы:

Сведущий в законе, набожный, уравновешенный, милостивый, верный и безгрешный Рама, старший сын царя, достоин помощи в управлении государством! Всю свою жизнь – пусть она будет долгой – он будет покровительствовать своим братьям и слугам, словно отец, поэтому зачем ты скорбишь, о Кубиджа (сноска 1, 177), узнав о коронации Рамы?

Через сто лет Бхарата, тур среди людей, несомненно, сменит Раму на троне отца, принадлежащем его предкам. Почему накануне церемонии, которая всем нам сулит благую удачу, ты предаешься печали, о Мантхара? Бхарата достоин почитания, но Рагхава еще более заслуживает его, и Каушалья оказывает мне величайшее уважение. Если Рама станет царем, Бхарата тоже будет царствовать, потому что Рама относится к братьям как к равным.

Эти слова Кайкейи причинили Мантхаре ужасную боль, издав долгий и глубокий вздох, она отвечала:

В своей глупости ты не видишь истины и не понимаешь происходящего, потому что в действительности погружена в океан печали и трудностей. Рама станет царем и его сын сменит его на троне. Его династия будет только презирать Бхарату. Без сомнения, не все сыновья царя получают трон, о прекрасная. Что плохого, если бы ты правила? Цари передают свои троны и царские привилегии старшему сыну, какими бы добродетелями ни обладали остальные, о царица безупречной красоты! Поэтому твой сын полностью лишится царских привилегий, подобно отвергнутому, дорогая моя. Я пришла сюда ради твоего блага, но ты не понимаешь меня и еще думаешь наградить по случаю успеха соперника! Несомненно, Рама вступит на престол без помех, сошлет Бхарату или приготовит его к смерти! Пока Бхарата юн, ты отслала его к своему брату; люди тянутся друг к другу, словно растения, и потому Шатругхна связал свою судьбу с Бхаратой, а Лакшмана – с Рамой. Говорят, что дерево, которое лесники выбрали для повала, спасают колючие кустарники, что плотным кольцом поросли вокруг него. Таким образом сын Сумитры защищает Раму, точно так же

как Рагхава покровительствует Лакшману; своей любовью друг к другу они известным всему миру и напоминают Ашвинов. Поэтому Рама не обидит Лакшмана. Зато Бхарату он без сомнения будет притеснять, заставит покинуть дворец и уйти в лес, это вернее всего. Ты обеспечишь счастье своей семьи, и Бхарата законно унаследует трон. Твой юный сын, привыкший к удаче, – соперник Рама, как он будет жить нищим в доме того, кто наслаждается процветанием? Спаси Бхарату от притеснений Рама, он подобен слону, на которого лев напал в лесу! Мать Рама, твоя соперница, будет враждебна к тебе, поскольку прежде ты усмирила ее гордыню перед царем. Разве может быть иначе? Когда Рама станет правителем земли со всеми ее морями и высокими горами, о прекрасная и неудачливая царица, ты и Бхарата будете очень несчастны. Поверь, если Рама взойдет на престол, Бхарата погибнет, поэтому сделай все, чтобы Рама был изгнан, а Бхарата получил трон.

Глава 9. Царица Кайкейи входит в залу гнева

Царица Кайкейи слушала Мантхару, и лицо ее покраснело от гнева, с глубоким вздохом она сказала:

Я сделаю все, чтобы Раму немедленно сослали в лес, а Бхарату возвели на трон! Но ты должна подумать, как это сделать.

Лишь царица сказала это, как Мантхара со злобой на лице, одержимая идеей погубить Раму, прошептала Кайкейи:

Слушай меня, о Кайкейи, и я объясню, как сын твой Бхарата обретет трон, а Рама уйдет в лес. Ты забыла, Кайкейи, напряги память, или ты желаешь сокрыть, что прежде было сказано тебе на благо? Если ты хочешь услышать это из моих уст, о прекрасная, тогда слушай, я повторю это тебе, а услышав, принимай решение.

Кайкейи, приподнявшись с роскошной постели, сказала:

Скорее подкажи мне, как Бхарата может занять трон, а Рама уйти в изгнание, о Мантхара!

Когда-то в битве между богами и асурами, – начала злобная

Мантхара, жаждавшая низвергнуть Раму, – твой супруг в сопровождении царских риши отправился на помощь богам и взял тебя с собой. На юге, о Кайкейи, близ леса Дандака есть известный город Ваиджаянта, которым правит монарх по имени Тимидваджа (сноска 1, 179).

Могущественный асура по имени Шамбара, владеющий сотнями магических трюков, принимал участие в битве с Шакрой и сонмами богов. В той страшной битве на раненных воинов ночью напали ракшасы и принялись их истреблять.

Царь Дашаратха с пылом вступил в сражение и, непобедимый герой, был пронзен стрелами асуров. И тогда ты, о божественная царица, вынесла супруга, потерявшего сознание, с поля битвы и тем самым спасла ему жизнь. В благодарность он пообещал тебе два благословения, о прекрасная, и ты отвечала: “Я скажу тебе о них, когда наступит время, и ты их немедленно исполнишь, о мой господин!” “Быть тому!” – отвечал тебе великодушный герой. Я не знала об этом, но ты сама впоследствии рассказала мне этот случай, и я сохранила его в своем сердце. Теперь потребуй остановить приготовления к коронации Рама и проси супруга об исполнении двух желаний – коронации Бхараты и изгнании Рама на четырнадцать лет! За это время люди проникнутся любовью к твоему сыну и власть его укрепится. Сегодня же войди в Залу Гнева, о дочь Ашвапати, и, бросившись на голую землю в испачканной одежде, не поднимай глаз на царя и не говори с ним, но в его присутствии лежи на голой земле, продолжая рыдать в горе. Ты всегда была дорога своему господину, в том нет сомнений; ради тебя великий монарх войдет в огонь; он не станет возражать тебе, дабы сделать тебе приятное, царь пожертвует жизнью. Он ни в чем не может тебе отказать; узнай могущество своих чар! Он станет предлагать тебе драгоценности, камни, золото и жемчуга, но отвергни их. Напомни ему о двух благословениях, которые он обещал тебе в битве между девами и асурами, о удачливая царица, и не забудь о своем намерении! Когда государь, потомок Рагху поднимет тебя, пообещав исполнить все, что ты хочешь, скажи ему:

“Пусть Рама на четырнадцать лет уйдет в лес, а Бхарата унаследует престол,

о тур среди царей!” По истечении четырнадцати лет, что Рама проведет в лесу, твой сын завоеует любовь народа и утвердится на троне. Настаивай на изгнании Рамы, о прекрасная царица, это в интересах твоего сына. В изгнании Рама не сможет более поддерживать привязанность к себе в сердцах людей, тогда как Бхарата, избавившись от соперника, вкусит высшей власти. Когда наступит время Рама возвращаться из леса, твой сын утвердится, правя государством и за его пределами, и завоеует любовь людей; он увидит себя в кругу друзей, хозяином своей судьбы. На мой взгляд, пробил твой час! Без тени волнения заставь царя переменить решение короновать Раму.

Кайкейи, убежденная в столь зловещем замысле, сулящем ей удачу, с радостью вступила в сговор с Мантхарой, чьи слова увели ее, подобно жеребенка, с пути истины. Прекрасная царица, полная восхищения перед горбуньей, сказала:

О лучшая среди советниц, я не стану пренебрегать твоими словами. В этом мире тебе нет равных в настойчивости и разуме. Ты говоришь мне во благо, я и не предполагала об истинных намерениях монарха. Большинство калек отвратительны, но ты подобна лотосу, склоненному ветром и приятному взору. Ты кажешься стройной, словно исчезла робость, стеснявшая твою грудь.

Твои бедра и груди налиты и лицом ты подобна безукоризненной речной лилии – так ты прекрасна, о Мантхара! Твой безупречный стан перетянут поясом, у тебя сильные ноги, а стопы большие с крепкими лодыжками. О Мантхара, одетая в полотно, войдя ко мне, ты сияла, о любимая, твое сердце полно магии, подобно той, что обладает Шамбара, повелитель асуров, и даже больше. Великолепный горб, высокий, как колесо воинской колесницы, исполнен красоты и ловкости всего сословия воинов и кажется проявлением волшебства. О Кубиджа, я дам тебе корону, когда Бхарата вступит на трон, а Рама уйдет в лес; она сделана из чистейшего золота, о прекрасная. Достигнув желанной цели, я разотру твой горб сандаловой пастой и золотом нанесу изумительную драгоценности и вышитые одежды, ты станешь подобна богине. Твое лицо соперничает с луной, никто не сравнится с тобой; ты всюду будешь первой, затмив своих сестер. О лучшая из горбуний, сверкающая драгоценностями, за свой совет ты непременно обретешь все блага.

Льстивая Мантхара отвечала Кайкейи, возлежавшей на роскошном ложе, подобно пламени, горящему на алтаре:

О удачливая, нет смысла предаваться мечтам, когда вода убегает, поэтому поднимись и исполни задуманное; предстань пред царем!

Большеглазая царица вместе с Мантхарой направилась в Залу Гнева. Опьяненная гордостью прекрасная царица сняла с шеи ожерелье из сотен жемчугов и великолепные, редкие драгоценные камни. После этого златокожая Кайкейи, послушная Мантхаре, легла наземь и сказал:

О Кубиджа, сообщи царю, что я здесь, и что я готова расстаться с жизнью, пока Рама не будет изгнан в лес, а Бхарата не получит царство; мне не нужно золото, драгоценности или пиршества; если Рама вступит на трон, я умру!

Горбунья еще раз усердно наставила царицу относительно интересов ее сына Бхараты и свержения Рамы:

Если Рагхава получит империю, ты и твой сын будете страдать, и потому, о прекрасная царица, не пренебрегай ничем, что поможет твоему сыну Бхарате стать царем!

Царица, подстрекаемая горбуньей, возложила руки себе на грудь и в сильном волнении, снова и снова настаивая, словно это было ее собственное желание, воскликнула:

Передай царю известие о моей смерти или дай мне знать, что Рама изгнан в лес и исполнилось мое желание относительно Бхараты! Я не желаю ни ковров, ни корон, ни сандаловой пасты, ни притираний, ни питья, ни еды – ничего! Мне не нужна сама жизнь, если Рагхава не уйдет в лес!

Произнеся эти ужасные слова и сорвав с себя все украшения, разгневанная, она лежала на голой земле (сноска 1, 182), словно низвергнутая киннари. Лицо ее потемнело от неистового гнева, без гирлянд и драгоценных камней, бросившая вызов, царица напоминала небеса, лишившиеся звезд.

Глава 10. Царь Дашаратха разыскивает царицу Кайкейи

Подстреканная Мантхарой, Кайкейи, подобная киннари, продолжала кататься по земле, словно раненная ядовитой стрелой, и, обдумывая, что ей дальше делать. Под впечатлением слов Мантхары царица в негодовании издавала, словно змея, горячие вздохи и мечтала о своей благой удаче.

Мантхара, твердая в своих намерениях, ликовала, воображая, что уже достигла желанной цели, пока царица, охваченная завистью и настаивая на своем, лежала на полу Залы Гнева, разорвав свои любимые гирлянды и драгоценные украшения, которые теперь украшали землю, словно звезды на небе. Катаясь по полу в Зале Гнева в испачканных одеждах, с волосами, спутавшимися в одну коосу, она напоминала нимфу, упавшую с небес.

Тем временем царь, отдав необходимые распоряжения относительно коронации Рамы и завершив все приготовления к церемонии, вернулся во дворец. «Пусть коронация состоится сегодня, Кайкейи еще не знает об этом», – думал он, входя в пышные покои Кайкейи, подобно богу Луны, который под влиянием Рагху плывет в небесах среди белых облаков.

Дворец этот был полон попугаев и павлинов, крики журавлей и лебедей сливались со звуками музыкальных инструментов, туда-сюда ходили горбуны и карлы. Виднелись прекрасные беседки из лиан и вьюнов, арки из магнолий и деревьев ашока, чьи ветви склонились под тяжестью плодов; цветы и живописные пруды с их щедро украшенными словной костью, золотом и серебром скамейками делали это место еще прекраснее; повсюду ожидали рис и разнообразные напитки для утоления жажды; воистину, со всеми украшениями все здесь напоминало рай.

Войдя в восхитительные внутренние покои, царь не увидел на ложе царицы и принялся повсюду искать и звать ее. Никогда прежде Кайкейи не пропускала такого часа, никогда еще монарх не находил покои пустыми. Не подозревая о коварном замысле бессердечной царицы, Дашаратха, желая найти ее, спросил стражника, который отвечал со сложенными ладонями и дрожа:

Господин, в крайнем возбуждении царица вошла в Залу Гнева.

От этих слов сердце государя затрепетало, острая боль пронзила его, он разволновался и поспешил в Залу Гнева. Старый монарх увидел Кайкейи лежащей на полу в совсем неподходящем виде и очень расстроился.

Безгрешный государь, видя злобную Кайкейи, всегда нежную свою супругу, которую он любил больше жизни, лежащей на полу, словно сорванная лиана, низвергнутая с небес богиня или нимфа, словно исчезнувший мираж или пленный молодой олень. В эти минуты Дашаратха напоминал великого слона, увидевшего в диком лесу слоницу, раненную ядовитой стрелой охотника и охваченного горем. Собственными руками он обласкал эту женщину, чьи глаза были огромны, как лепестки лотоса, и сказал:

О деви, почему ты в печали, кто оскорбил тебя? Скажи мне! Что вызвало твой гнев, о добродетельная царица, почему ты лежишь в пыли? Почему ты на земле, когда всего происходит согласно моей воле? Тобой завладел злой дух, и сердце мое обеспокоено. У меня есть много знаменитых лекарей, которые видели от меня много милости, они излечат тебя. Скажи, что волнует тебя, о любимая. Одарила ли ты кого-то своей благосклонностью или кто-то вызвал твоё неудовольствие? Кого я должен наградить сегодня или наказать? Не плачь, не расстраивай себя, о царица! Или я наказал невинного, или помиловал злого негодяя, я ни в чем не могу тебе отказать. Нужно одарить богатствами нищего или наоборот, лишить богатства богатого? Ты можешь располагать мной и моими родными, я ни в чем не могу тебе отказать, ты должна стать счастливой даже если это будет стоить мне жизни. Скажи мне, что у тебя на сердце, ты знаешь о моей глубокой любви к тебе, поэтому ты должна доверять мне. Я сделаю все, что ты пожелаешь, клянусь тебе всеми своими заслугами.

Царство мое велико, как далеко солнце; дравиды, синдху, саувиры, соураштры, дакшинатхи, банги, анги, манадхи, катсьясы, процветающие каши и кошалы – все это мои подданные, живущие в процветании, обладающие несметными богатствами, золотом и стадами. О Кайкейи, скажи, что принесет тебе радость, что печалит тебя, о застенчивая и прекрасная царица? Поднимись,

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
поднимись, чего ты боишься, скажи мне правду, о царица. Я рассею твою печаль, как солнце разгоняет утренний туман!

Ободренная такими речами, Кайкейи отвечала царю, еще больше показывая свою обиду и мучая супруга.

Глава 11. Кайкейи требует благословений, обещанных царем

Царь, пронзенный стрелой бога любви и покоренный страстью к Кайкейи, услышал ее жестокий ответ:

Меня никто не оскорбил, о царь, и не выражал почтения, но у меня есть желание, и я хочу, чтобы ты его исполнил. Однако прежде дай слово, и тогда я раскрою его тебе.

Великодушный монарх с мягкой улыбкой отвечал возлюбленной Кайкейи, глядя ее по голове и волосами, пока она лежала на земле:

Глупая, разве ты не понимаешь, что никто кроме Рамы, этого тигра среди людей, не дорог мне так, как ты? Непобедимым, лучшим среди людей, великодушным Рагхавой, который является самой моей жизнью, я заклинаю тебя, поведай, что томит твое сердце! Не видя его даже мгновенье, я не в силах жить; поэтому именем Рамы, о Кайкейи, я призываю тебя говорить. Именем Рамы, этого тура среди людей, которого я люблю более, чем себя самого и всех своих сыновей, о Кайкейи, я прошу тебя, говори! О царица, сжался надо мной и освободи от печали, в которую повергла меня; скажи, чего ты хочешь.

Подумай о власти, которой я обладаю и не медли; Я исполню все, что доставит тебе удовольствие, клянусь всеми своими достижениями!

Одержимая царица, почувствовав, что подходящий момент настал, с пылом и радостью произнесла свои жестокие слова. Радуюсь речам монарха, она раскрыла ему свой ужасный план, который прозвучал для Дашаратхи смертельным приговором.

Снова и снова ты клянешься исполнить мое желание! Пусть боги во главе с Индрой, луна, солнце, пространства и планеты, ночь и день, четыре стороны света, земной мир, гандхарвы и ракшасы, ночные бродяги, бхуты, обитатели каждого дома и остальные живые существа станут свидетелями обета этого знаменитого государя, верного своему долгу, справедливого и святого! Он пообещал исполнить мое желание. Я призываю богов в свидетели!

Польщенная великим лучником царица обратила к щедрому правителю, ослепленному страстью значительную речь:

О царь, ты помнишь битву между девами и асурами, когда враг сразил тебя и ты упал без сознания? В тот роковой час я спасла тебя, о царь, и в благодарность за мою заботу ты пообещал два благословения. О великий царь, радость династии Рагху, теперь настало время дать обещанное. Если ты не исполнишь моих законных просьб, я скорее расстанусь с жизнью, чем перенесу это оскорбление!

Царь, очарованный словами Кайкейи, оказался в губительной ловушке, словно газель, и царица обратилась с постыдными словами к этому щедрому монарху, опьяненному страстью:

Ты даровал мне два благословения, ты обещал, о великий царь.

Услышь же, чего я желаю. Ты готовишься к коронации Рагхавы, так пусть же церемонию проведут для моего сына Бхараты! Настало для тебя время исполнить и второе благословение, которое ты из любви даровал мне во время войны между девами и асурами, о царь! Пусть безгрешный Рама, облачившись в древесную кору, совершает аскезы в лесу Дандака в течение четырнадцати лет. Сегодня Бхарата без помех станет царем – вот выбранное мной благословение, и позволь мне в этот же день помочь Раме уйти в лес. О царь царей, будь верен своему слову, сохрани свой род, доброе имя и традиции семьи. Мудрецы говорят, что в ином мире нет выше заслуги, чем с верой исполненный обет.

Глава 12. Плач царя Дашаратхи

Жестокие слова Кайкейи пронзили сердце царя острой болью и горем, он

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
подумал: “Это сон или разум мой помутился? нависла страшная беда или эта тревога из-за какой-то болезни?”

Занятый своими мыслями, он не мог уловить смысла слов Кайкейи и упал без чувств. Придя в себя и весь дрожа, он вспомнил слова царицы, и погрузился в бесконечную печаль, подобно оленихе, увидевшей тигра. Тяжело дыша и сидя на земле он напоминал ядовитого змея, оказавшегося в кругу силоу заклинаний. В негодовании он крикнул: “Стыдно!” – и снова в муках потерял сознание. Медленно придя в себя, монарх оказался добычей беспредельного одиночества, и в гневе, который жег его, как огонь, обратился к Кайкейи:

О злобная разрушительница династии, чем обидели тебя я или

Рамачандра? Какое несчастье, что я привел тебя в этот дворец! По невежеству я принял тебя за дочь царя, но ты оказалась ядовитой змеей! Весь мир прославляет добродетели Рамы; разве я был столь расстроен, даже когда отверг любимую Каушалю и удачливую Сумитру? Нет, я никогда не изгоню Раму, которого родил, моего самого дорогого сына! Счастье мое полно, когда я вижу своего первенца. Когда бы он ни сокрылся с моих глаз, жизнь теряет для меня всякий смысл. Мир будет существовать без солнца и урожай родится без дождей, но я не смогу жить вдали от Рамы. Довольно, оставь эту злобную затею, о грешница! Как ты могла задумать столь губительный план, о негодная!

Без сомнений, ты хочешь узнать, люблю ли я Бхарату, но я помню, что прежде ты говорила о Рагхаве: “Он – мой старший сын, он красив и лучший среди верных своему долгу”. Такие сладкие речи ты прежде говорила мне в угоду, не забывай! Услышав, что ты пребываешь в печали, я глубоко обеспокоился; злобный дух посетил тебя, пока ты была одна в своих покоях. Твой зловещий замысел – это бедствие для рода Икшваку, о прозорливая. Никогда еще ты не была несправедливой или не желала порадовать меня, о царица с большими глазами. Я не верю, что сейчас ты поступаешь столь ужасно. Разве Рагхава не дорог тебе так же, как великодушный Бхарата, как ты часто говорила, дорогая моя? Неужели ты хочешь, чтобы добродетельный Рама, такой благородный, четырнадцать лет прожил в лесу, о дорогая моя жена? Сын мой, всегда верный своему долгу, выросший во царском дворце – неужели ты хочешь, чтобы он жил в ужасном лесу? Этот чарующий Рама, всегда почтительный к тебе – неужели его изгнание доставляет тебе радость, о прекрасная царица? Рама всегда был к тебе еще более внимателен, чем Бхарата, и я никогда не замечал, чтобы ты как-то различала их. Никто в этом мире не выразит тебе такого уважения, повиновения и почитания, как этот тур среди людей. У нас тысячи слуг и служанок, но ни один из них ни разу ни в чем не упрекнул Рагхаву; искренняя душа, он доброжелателен ко всем живым существам и примиряет их своими мудрыми решениями, это тигр среди людей, питающий любовь ко всем.

Этот герой, потомок династии Рагху, своей добродетелью покорил подданных, дваждырожденных – своей щедростью, духовных наставников – послушанием, а врагов – могуществом своего лука. Благодать, щедрость, аскетизм, отречение, любовь, чистота, честность, благоразумие и повиновение своим гуру – все это достоинства Рагхавы. О царица, ты подобна богине, неужели ты желаешь зла верному Раме, напоминающему великих риши? Я не помню, чтобы сладкоречивый Рама когда-нибудь произнес резкое слово; могу ли я в угоду тебе дать ему столь безжалостный приказ? Что будет со мной без него, отмеченного аскетизмом, отречением, благодатью, чувством долга и жалости? Я стар, о Кайкейи, мой конец близок, я страдаю, нет никого несчастнее, пожалей же меня! Земля, омываемая морями со всеми ее богатствами будет принадлежать тебе, но не толкай меня на край темной смертельной бездны! Со сложенными ладонями, о Кайкейи, я в поклоне касаюсь твоих стоп, даруй прибежище Раме, нетронутому грехом!

Великий царь плакал и продолжал стенать, обезумев от горя и дрожа в невыносимых муках, но жестокая Кайкейи отвечала ему безжалостно:

Если, дав слово, ты сожалеешь, доблестный монарх, то о какой жестокости ты можешь говорить? Что ты ответишь великим риши, когда они спросят тебя об этом, о добродетельный? “По милости Кайкейи я остался жив, но я нарушил данное ей слово”, – вот что ты скажешь. Ты несомненно станешь клеймом знаменитой династии Икшваку, если дав мне обещание, сегодня не исполнишь его. В истории стервятника и голубя царь Шивья отдал свою плоть во исполнение данного обета; Аларка выколол себе глаза и достиг вершин! Дав слово богам, Сагара, чьи границы были крепки, не выходил в море. Помни об

этих случаях и не отказывайся от своего слова. О бесчувственный, неужели ты, поправ истину, возведешь Раму на трон и в конце жизни будешь наслаждаться с Каушалей? Будь то справедливо или нет, хорошо или дурно – ты не в силах отречься от своего слова. Если Рама будет коронован, я в тот же миг приму яд и умру у тебя на глазах. Смотреть, как мать Рамы пользуется всеобщим почитанием? Нет! Уж лучше умереть! Клянусь Бхаратой и собственной жизнью, о лучший среди людей, кроме изгнания Рамы меня ничто не удовлетворит.

Сказав так, Кайкейи замолчала, безразличная к стенаниям царя. Монарх от бездушного и жестокого ответа Кайкейи, требовавшей изгнания Рамы в лес и коронации Бхараты, онемел на мгновение. Взволнованный, он пристально смотрел на возлюбленную царицу, чьи слова причиняли ему такую боль. Эта жестокая и грозная речь ранила его сердце и лишила надежды на счастье. Обдумывая решимость царицы и страшаясь обета, который она дала, он издал глубокий вздох и упал, как подрубленное дерево.

Чувства его были в замешательстве, как у безумца, черты исказились, как у больного, лишённого сил, или как у змеи, оцепеневшей силою заклинаний. В таком состоянии пребывал монарх. С презрением в голосе он обратился к Кайкейи:

Кто навязал тебе этот злобный план, убедив, что тебя в его пользе?

Ты говоришь, словно одержимая злым духом; тебе не стыдно? Я не знаю, кто извратил тебя, но вижу, что ты не в себе. Чего ты боишься, что пробудило в тебе такое желание? Ты требуешь коронации Бхараты и изгнания Рамы в лес!

Отставь этот злобный замысел, если сердце твое ищет блага твоему мужу или Бхарате и всему миру. Отвратительная негодяйка, что тебе за радость в таком злодеянии? В каком грехе, в какой ошибке ты упрекаешь Раму или меня? Бхарата не сможет занять трон без Рамы, но при поддержке Рамы, по-моему, он законно обретет величайшее могущество. Как я могу сказать Раме: “Уходи в лес!” – и смотреть ему в лицо, потускневшее и пораженное, как луна во время затмения? Как отменю я это решение, принятое на совете с моими министрами и друзьями, которые желают мне добра, и вызову тем самым смущение и растерянность, словно при неожиданном нападении врага? “Почему ты не коронуешь юного потомка Икшваку?” – спросят цари, съехавшиеся сюда со всего света. Что я отвечу старейшинам, исполненным добродетели и почета, когда они спросят меня о том, где Какутстха? “Я сослал его по настоянию царицы Кайкейи!” Если я скажу эту правду, люди сочтут меня лжецом. Что скажет Каушалья, когда Рагхава уйдет в лес? Что я ей отвечу, нанеся такую рану? Каушалья, выразившая рабскую преданность мне и пользовавшаяся моим доверием, не только моя супруга, это моя сестра и мать, которая всегда желала мне блага, которая родила мне столь дорогого сына и которая никогда не обращалась ко мне иначе чем со сладкими словами. Из-за тебя я никогда не оказывал ей милости, которой она заслуживает; теперь я страдаю за доброту к тебе, подобно калеке, который наелся риса с испорченным соусом. Какое доверие ко мне будет у Сумитры, когда, ошеломленная, она увидит оскорбительное изгнание Рамы в лес? Увы! Вайдехи умрет, если я причиню ей такую боль, подобно нимфе, которая, лишившись мужа, рассталась с жизнью на гималайских склонах. Нет, я не в силах пережить горе Вайдехи, которая увидит Раму, изгнанного в великий лес! Оставшись вдовой, наслаждайся царством со своим сыном! Я думал, ты добра, но теперь я вижу твою черноту, ты подобна прекрасного цвета вину, смешанному с ядом! Увы, убедительными и вероломно сладкими словами, ты погубила меня, словно оленя, который поверил медоточивому голосу охотника. Люди непременно скажут про меня: “Он неблагороден, раз он продал своего сына!” Они будут сторониться меня на улицах, словно хмельного брахмана! Горе мне! Горе мне, твои вероломные слова обрушили на меня бедствие, словно искупление прежде свершенного преступления. Долгое время, о негодная, я по глупости и невежеству покровительствовал тебе, словно веревке на моей шее, которая удавит меня. Я играл с тобой, словно со смертью, и ласкал тебя, как детеныша ядовитой гадюки во тьме. Мир живых осудит меня, лишившего моего великодушного сына наследства. “Ах, – скажут они, – какое еще безрассудство совершит царь Дашаратха в своей безумной страсти, и еще к такой неверной женщине, если он сослал своего любимого сына в лес?” Изнуренный изучением Вед, соблюдением обета брахмачари, служением гуру, мой сын, когда судьба уже сулила ему счастье, будет снова терпеть лишения. Ему нечего будет ответить мне, когда я скажу: “Уходи в лес!” Он скажет: “Быть тому!” Я был бы счастлив, чтобы сын ослушался моего приказа, но дорогое дитя мое, он никогда не сделает

этого! Весь мир проклянет меня, когда Рама уйдет в лес и, отвергнутого всеми, Мритью заберет меня в обитель смерти. Когда я умру, и Рама, этот тур среди людей, уйдет в лес, какое зло ты причинишь тем, кто дорог мне, оставшимся без защиты? Утратив меня, Раму и двух других моих сыновей, не в силах вынести этих мук, Каушалья последует за мной в погребальный костер. Будь счастлива, низвергнув Каушалью, Сумитру, меня и моих сыновей в ад!

Оставленная мной и Рамой династия Икшваку, славная своей непоколебимой добродетелью, разрушится под твоим правлением. Если Бхарата одобрит изгнание Рамы, пусть он не совершает погребального обряда, когда я умру. После моей смерти и ухода Рамы в лес правь царством вместе со своим сыном, как вдова. О царица, злой рок привел тебя в мой дом! Невиданное прежде презрение всего живого уготовано мне, словно злодею.

Мой дорогой возлюбленный Рама, привыкший с царским удовольствиям и ездивший верхом на слонах и конях, теперь пешком отправится в бескрайний лес. Мой сын, во время трапезы осаждаемый поварами и слугами, которые старались перещеголять друг друга, готовя для него изысканные блюда и напитки, как будет он питаться дикими фруктами и кореньями, едкими и горькими? Рама, всегда носивший дорожные одежды и привыкший к роскоши, как наденет он на себя шафрановые одежды монаха? Кто издаст этот жестокий приказ, что Рама должен уйти в лес, а Бхарата принять трон? Горе мне!

Женщины порочны по природе и во всем ищут только свою выгоду. О безвестная негодяйка, кто надоумил тебя?! Как я несчастен, что привел тебя во дворец! Какой изъян ты нашла в Раме или во мне, которые так преданы благу других? Отцы отвергнут своих сыновей, жены – мужей, и мир будет негодовать, я обреку Раму на это страдание! Видя своего дорогого сына, прекрасного, как Бог, я радовался и становился снова молодым. Может быть, природа в силах выжить без Солнца или Громовержца, насылающего дожди, но никто не вынесет того мгновенья, когда Рама уходит отсюда, я убежден в этом. О разрушительница, изощренная в своей злобе, в твоём лице я привел в дом самую смерть! Много лет я ласкал тебя, как ядовитую змею на своей груди, я заплачу за это жизнью! Вдалеке от меня, Рамы и Лакшманы пусть Бхарата правит городом и государством, а ты, став причиной смерти родных, вступи в союз с моими врагами! О несущая бедствие, изгнавшая мысли о родстве, в котором все мы состоим, забывшая об узах мужа и жены, ты посмела изречь сегодня такие слова! Как зубы твои не рассыпались на тысячи кусочков?! Никогда Рама не позволял себе резкого слова или возражения, он не умеет говорить жестоко; как можешь ты так оскорблять его, всегда доброго и почтительного ко всем?

Изнуренная яростью, истребленная своей горечью, брызжа ядовитой слюной, иди по земле и погружайся в самые ее глубины, но я никогда не исполню твоего жестокого приказа, о ты, позор дома Кекайи! О та, чья речь подобна острому мечу, изрекающая лживые слова, чья природа порочна, о губительница рода, я не смогу жить, жестокая негодяйка, жаждущая разорвать мне сердце, лелеявшая эту мечту! Я не в силах долгие жить; может ли быть человек счастливым без своего сына? Те, чьи сердца ищут справедливости, извлекут ли из этого радость? Не повергай меня в печаль, о царица! Я готов припасть к твоим стопам! Сжался надо мной!

Стеная, царь, словно человек, лишившийся опоры под ногами, чье сердце во власти женщины, упал перед царицей, которая стояла в отдалении, и не смог коснуться ее стоп; в эти мгновенья он был похож на безумца.

Глава 13. Кайкейи пренебрегает безграничным горем царя

Царь Дашаратха, величайший монарх, не заслуживший пощады, лежал на земле обесчещенный, словно царь Яяти, низвергнутый с небес. Жестокая царица роковой красоты, не достигнув цели и ничего не страшась, стала снова настаивать на том, чтобы царь исполнил данный обет.

О великий царь, – заговорила она, – ты хвастал, что искренен и верен своему слову! Почему же ты пытаешься уклониться и не исполнить моего желания?

От этих слов Кайкейи царь Дашаратха, дрожа в гневе, отвечал:

Я буду мертв, а Рама уйдет в лес, и только тогда ты, низкая женщина, враг мой, вкусишь полное счастье! Увы! Что отвечу я богам на небесах, когда они спросят меня об изгнании Рамы? Если я скажу им правду, что я сделал это по

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
прихоти Кайкейи, они сочтут меня лжецом. Ценой величайших трудностей я обрел добродетельного и знаменитого Раму. Как же могу я теперь прогнать его? Как пошлю я в изгнание Раму, мудрого, терпеливого, обуздавшего гнев, чьи глаза напоминают лепестки озерной лилии? Рама, цветом тела подобный голубому лотосу, могучерукий, безмерной силы, очаровательный, как сошлю я его в лес Дандака? Он привык к удобству и роскоши и никогда не ведал страданий, как мне вынести его страдания? О, если бы я умер, не причинив этого зла Рама, который ничем его не заслужил, я обрел бы счастье на небесах.

О злобная негодяйка, порочная сердцем, Кайкейи, зачем ты навлекаешь этот злой рок на моего любимого Раму, героя? Несомненно мир перестанет уважать меня за это!

Пока Дашаратха, разбитый горем, сокрушался и плакал, солнце сокрылось за горами Ашта, уступив место звездной ночи. Но у царя, терзаемого горем и тоской, ясная луна на небе не вызвала радости. Престарелый монарх продолжал непрерывно вздыхать и стонать, как больной, обратив глаза свои к небесам.

О Ночь в одеждах из звезд, – говорил он, – я не желаю видеть света, пусть не наступит утро! Я не хочу видеть неумолимую и злобную Кайкейи, которая стала источником всех моих бед!

Добродетельный монарх, кланяясь со сложенными ладонями, снова и снова пытался тронуть сердце Кайкейи:

Твоему нежному супругу, всегда покорному твоим желаниям и теперь разбитому горем, мало осталось жить! О удачливая царица, будь милостива ко мне, правящему над всеми царями! Несомненно, я смущен, говоря это тебе, о прекрасная! Доставь мне эту радость, о юная дева, сердце твое так добро.

Сжался, о царица, пусть Рама получит из моих рук нерушимую империю! О темноглазая, ты обрешь безграничную славу за свою милость ко мне, Рама, людям, гуру и даже самому Брахме, о дева с тонким станом и чарующими глазами!

Слушая стенания добродетельного монарха, разбитого горем, чьи глаза покраснели от слез, царица, столь жестокая к своему господину, не произносила ни слова.

Монарх, при мысли об изгнании сына, трепетал и снова обращал глаза свои к возлюбленной супруге, которая с недовольным видом изрекла те безжалостные слова, пока в беспредельном горе не упал на землю, потеряв сознание.

В таких муках и стенаньях проходила ночь этого благородного мудреца. На рассвете прославления певцов заставили его прийти в себя. Он поднялся и жестом приказал им замолчать.

Глава 14. Царица Кайкейи остается непреклонной и вызывает Раму к себе

Кайкейи, злобное создание, с презреньем глядя на потомка Икшваку, в печали о сыне потерявшего сознание и едва различимого на полу, сказала:

Почему, услышав мой ответ, ты разбитый лежишь на земле, словно свершил злодеяние? Поднимись, поднимись!

“Поступать правильно – это высшая обязанность человека” – так говорят сведущие мудрецы. Я указала, в чем твой долг! Потомок Шивья, дав обет, не пожалел отдать стервятнику свою плоти, дабы исполнить слово, и обрел высшее спасение. Подобным же образом знаменитый Аларка по просьбе брахмана, необычайно сведущего в Ведах, без промедленья вырвал себе глаза и отдал ему их. Повелитель рек (сноска 1, 195), верный своему слову, никогда не выходит из берегов, какими бы пологими они ни были. Истина – это Брахман, истина – это поддержание справедливости, нетленные Веда – тоже истина, истина позволяет достичь духовную цель. Раз твой дух тверд в исполнении долга, почитай истину. О знаменитый монарх, воистину щедрый, пусть исполнится благословение, которое ты дал мне; во имя долга и по моей воле сошли Раму – в третий раз я повторяю тебе это. О царь, если ты не исполнишь слова, которое дал мне, обманутая, я покончу с собой у тебя на глазах!

Подстрекаемый безжалостной Кайкейи, монарх не мог разорвать сети, в которые попал, словно старый Бали, обманутый Махендрой. Бледный и обезумевший, словно вол, неверно ступающий меж древками, с изможденными глазами, полуослепший, с великим трудом царь поднялся и сказал Кайкейи:

Твою руку, о злобная, которую я прежде держал у священного огня, читая традиционные молитвы, теперь я отвергаю, так же как и сына, рожденного тобой. День сменяет ночь, о царица, и люди, без сомнения, будут ждать, когда я начну коронацию Рамы, уже все готово для церемонии. Когда я умру, пусть Рама совершит по мне погребальный обряд. Ни ты, ни твой сын не должны приближаться к нему, о порочная, потому что ты не желаешь коронации Рамы. Я уже слышал рев одобрения моих людей и не смогу теперь видеть их горя и оцепенения! Пока монарх говорил с женой, ночь, освещенная луной и гирляндами звезд, прошла, и Кайкейи, не отказавшаяся своих злобных намерений и наделенная красноречием, в ярости и желчно отвечала царю:

К чему эти резкие и ядовитые слова, о царь? Призови своего знаменитого сына Раму и, возведя моего сына на трон, сошли Раму в лес! Изгони моего соперника! Этим ты исполнишь свой долг.

На это царь, как хорошо обученный конь, страдающий от плети, сказал:

Я попался в сети долга и ум мой в замешательстве! Я желаю видеть моего старшего сына, моего любимого и добродетельного Раму.

Тем временем солнце взошло, планеты заняли самое благоприятное положение. Добродетельный Васиштха, окруженный учениками, собрал все необходимое для церемонии и вошел в лучший из городов. Улицы были политы и выметены, повсюду развевались огромные флаги; радостные толпы ходили туда-сюда, прилавки и базары ломились от товаров и были полны торговцев. Айодхья праздновала великое событие и была необычайно счастлива за Раму. Все дома благоухали ароматом тлеющих сандала и алоэ.

Почтенный аскет прошел через весь город, напоминая столицу Индры Амаравати и увидел дворец, украшенный бесчисленными флагами. Полный людей город казался еще краше от многочисленных брахманов и вооруженных конников с древками и пышно оседланными конями.

Минуя толпы, Васиштха в великой радости вошел во дворец, сопровождаемый знаменитыми риши. У двери увидел Сумантру с добродушным лицом, министра Дашаратхи, льва среди людей. Знаменитый Васиштха сказал разумному сыну Суты:

Скорее оповести царя о моем приходе. Здесь кувшины, полные воды из

Ганги и морей, скамья из дерева удамбара, приготовленная для коронации, хлебные злаки всех видов, благовоения, жемчуга, мед, творог, масло, жареное зерно, трава дурбха, цветы и свежее молоко; готовы также восемь (сноска 1, 197) прекрасных девушек, огромный слон, опьяненный соком мада, колесница, запряженная четверкой коней, великолепный меч, чудесный паланкин с носильщиками, роскошный полог, подобный луне, два белых опахала из хвостов яка, золотой сосуд с узким горлом, белый горбатый бык, связанный золотой цепью, слон с четырьмя бивнями, превосходный боевой конь непомерной силы, трон, тигровая шкура, топливо, жертвенный огонь, оркестр из всех видов музыкальных инструментов, духовные наставники, брахманы, коровы, олень и птицы, старейшины города и страны, торговцы со своими повозками – все готово. Люди, радостно переговариваясь, уже здесь, так же как и цари, прибывшие к нам на коронацию Рамы. Поэтому сообщи царю, что наступил благословенный день, когда взошла звезда Пушья, и Рама может вступить на престол.

Сын Суты, обладавший немалой силой, громко прославляя царя, вошел во внутренние покои. Стражники, хорошо знавшие почтенного министра, пользовавшегося дружбой царя, и преданные ему, не подумали остановить его. Сумантра, приблизившись к царю, обратился с поздравлениями, сложив ладони:

Как могучий океан радуется восходящему солнцу, так и мы радуемся счастью, которое принесет твоей душе сегодняшней день! В тот момент, когда Матали (сноска 1, 198) своими гимнами пробудил Индру, тот победил данавов. Точно так же я пробуждаю тебя! Как Веды, анги и видьи пробуждают Атмабху, Господа Брахму, сегодня день я пробуждаю тебя! Как Адитья и Чандра поднимают

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
удачливую землю, что поддерживает все живое, я сейчас поднимаю тебя! О могущественный царь, радость твоя полна, пусть ложе твое засверкает, подобно горе Меру под лучами солнца! Все готово для коронации Рамы.

Жители города и страны, бесчисленные торговцы – все кланяются тебе со сложенными ладонями. Пришел благословенный Васиштва со всеми брахманами; о царь, скорее отдай приказ о коронации Рагхавы! Царство без царя подобно стаду без пастуха, армии без генерала, ночи без луны, коровам без быка!

Исполненные счастья прославления Сумантра повергли великого монарха в еще большее горе и, охваченный безграничной тоской о сыне, подняв глаза, красные от слез, почтенный и добродетельный царь отвечал Сумантре, сыну колеснического:

Увы, речи твои разрывают мне сердце!

Траурные слова и удрученный вид царя заставили Сумантру еще раз поклониться со сложенными ладонями и отойти. Тогда хитрая Кайкейи сказала:

О Сумантра, царь почти не спал эту ночь, радуясь за Раму; он слаб и хочет спать. Уходи, о Сута; разыщи знаменитого царевича Раму и, не мешкая, приведи сюда; блага тебе, поторопись!

Но как я пойду без приказа царя? – отвечал Сумантра.

Тогда монарх сказал своему министру:

О Сумантра, я хочу увидеть Раму, поскорее приведи ко мне моего любимого сына!

Сын колеснического подумал, что все благополучно, и с радостным сердцем поспешил исполнить волю царя. Подгоняемый царицей, Сумантра подумал:

«Несомненно, добродетельный монарх желает провести коронацию Рамы». От этой мысли сердце его радостно забилося.

Желая порадовать Раму, Сумантра покинул царские покои, подобные морскому озеру (сноска 1, 199). Выйдя из дворца, он взглянул на всех, кто стоял у ворот, жителей Айодхьи и достойных внимания гостей, обремененных дарами, отовсюду съехавшихся на коронацию.

Глава 15. Сумантра разыскивает Раму

Лишь ночь уступила место рассвету, брахманы, глубоко сведущие в Ведах, вместе с царскими священнослужителями пришли во дворец. Министры, военачальники и самые богатые торговцы, радостные, собрались, чтобы увидеть коронацию Рамы.

Солнце сияло, на чистом небе возшла звезда Пушья, появилась планета Каррата (сноска 2, 199), под которой родился Рагхава. Для коронации дваждырожденные приготовили золотые сосуды, чудесно украшенный трон, колесницу, покрытую тигровой шкурой, воды священных рек Ганги, Ямуны и других священных ручьев, озер и прудов с востока, запада, севера и юга, и все они, так же как воды различных морей, были мягкими, как молоко. Были готовы мед, творог, масло, жареное зерно, трава дурбха, цветы и свежее молоко, а так же восемь прекрасных девушек, огромный слон, опьяненный соком мада, золотые и серебряные сосуды с голубыми лотосами, среди которых проглядывались ветки гулар (сноска 1, 200), и белые опахала из хвоста Яка, напоминавшие лучи луны, украшенные изумительными драгоценными камнями – все было готово для Рамы, в том числе и полог, ослепительный, как полная луна. Все это увеличивало величие предстоящей церемонии: белый бык, белый конь, всевозможные оркестры и превосходные певцы. Все лучшее в царстве Икшваку было собрано согласно царскому приказу и ожидало начало церемонии. Однако, не видя монарха, люди говорили:

Кто сообщит царю о нашем приходе? Солнце уже поднялось, но мы не видим его; все готово для коронации Рамы!

Сумантра, любимый слуга царя, сказал присутствующим монархам и всем остальным:

По воле государя я отправляюсь за Рамой, и как можно скорее. Царь окружит вас почетом, не говоря о Раме. Сейчас я вернусь и от вашего имени спрошу царя о благополучии, о удачливые. Если поднимется, он раскроет причину, почему до сих пор еще вышел к вам!

С этими словами Сумантра, сведущий в Пуранах, снова направился к личным покоям Дашаратхи, прославляя царскую династию. Здесь он на минуту остановился, а потом вошел в спальню с задней стороны и обратился к потомку Рагху с молитвами и пожеланиями по случаю предстоящего события:

Пусть Сома, Сурья, Шива и Вайшравана, Варуна и Агни благословят тебя победой, о Какутстха! Ночь прошла, будь счастлив наступившему дню! Поднимись, о тигр среди царей, безотлагательно исполни свой долг! Брахманы, военачальники и торговцы уже собрались и жаждут увидеть тебя; поднимись же, о Рагхава!

Слушая поздравления Сумантры, сведущего в Пуранах, царь открыл глаза и сказал:

Скорее приведи Раму, о Сута, я отдал приказ, почему он еще не исполнен? Я не сплю, приведи Раму немедленно!

Царь Дашаратха повторил Сумантре свое желание, и колесничий, внимательно выслушав его, поклонился и покинул дворец в радостном состоянии духа, предаваясь самым возвышенным мыслям. Через минуту он уже вышел на дорогу, ведущую из царского дворца и украшенную флагами и знаменами. Преисполненный радости Сумантра быстро зашагал к своей колеснице и отправился к Раме, разглядывая украшения города и слушая говор толпы, которая обсуждала коронацию Рамы. Скоро Сумантра увидел дворец Рамы, который сиял, подобно обители Индры, с тяжелыми, на петлях, закрытыми дверями; от многочисленных террас дворец этот казался еще прекраснее. Золотые статуи подпирали террасы, арки были усеяны бриллиантами и кораллами и сияли, словно груды осенних облаков, напоминая сверкающие пещеры горы Меру. Их украшали удивительные нити крупного жемчуга, алмазы и драгоценные камни, панели были сделаны из сандала и алоэ, и ветер разносил вокруг их изысканный густой аромат, словно с вершины горы Дардура. Повсюду гуляли сибирские журавли и павлины, издавая резкие крики, везде можно было заметить искусно вырезанные изображения волков и другие произведения; великолепие дворца поражало глаз и ум, он сиял, как луна или солнце и напоминал обитель Куверы. Слово обитель Махендры, он был полон птиц всех видов и походил на вершину горы Меру – таким увидел дворец Рамы колесничий царя Дашаратхи. Вокруг толпились люди, среди них было много чужеземцев из дальних земель, которые со сложенными ладонями желали увидеть коронацию Рамы и пришли в Айодхью, обремененные бесчисленными дарами. Огромный дворец, сиявший, словно большое облако, несравненного великолепия, переливался драгоценностями. Множество горбунов служили там.

Сумантра в колеснице, запряженной конями, радовался толпе, запрудившей подъезд ко дворцу, тогда как эскорт царских слуг, сопровождавший его, радовал сердца жителей. Приблизившись к великолепному дворцу и дрожа от радости, колесничий подумал, что обитель эта с многочисленными оленями и павлинами принадлежит супругу Сачи. Миновав ворота и двор, сверкавший красотой и богатством, как гора Кайлас, Сумантра увидел многих близких друзей Рамы. Оставив толпу позади, он вошел во внутренние покои дворца. Здесь он услышал веселые голоса сотен людей, которые, искренне радовались коронации царского сына Рамы и желали ему счастья.

Сумантра увидел, что восхитительный дворец Рамы, напоминающий обитель могущественного Индры и полный поющих птиц и оленей, сверкает, словно вершина горы Меру. У входа толпились люди с полными даров руками, сотни и тысячи сходили со своих колесниц. Он увидел также удивительного слона Шатрумджаю, неукротимую гору Рамы. Слоны были громады, словно большие облака, нависшее над высокой горой, по его вискам, которые никогда не знали прикосновения стрекала, бежала сукровица. Колесничий увидел придворных и друзей Рамы, одетых в праздничные наряды и отовсюду прибывших сюда на своих конях, колесницах и слонах. Миновав и эту толпу, он вошел в роскошные покои, подобные облакам на вершине горы. Сойдя с колесницы, Сумантра вошел во дворец, словно великое морское чудовище, погружающееся в океан, богатый жемчугом.

Сумантра, сведущий в Пуранах, прошел внутренние покои, полные людей, и приблизился к отдельному двору, где стояли юноши с великолепными серьгами в ушах, вооруженные луками и копьями. Проворные, бдительные и верные своему господину, они усердно выказывали свою преданность. Он также увидел седовласых воинов с оружием в руках, облаченных в красные одежды и разные украшения и сидевших у двери; это были стражники, охранявшие женские покои и собравшиеся здесь. Заметив колесничего, они в угоду Раме поспешно поднялись со своих мест. Сын Суты, выразив им почтение, сказал:

Скорее сообщите Раме, что Сумантра ожидает у двери!

С любовью служа своему господину, они поспешили к Раме, который пребывал в обществе своей супруги, и сказали о приходе Сумантры. Услышав о царском колесничем, Рама с сыновней преданностью велел им пригласить его.

Сумантра увидел Рагхаву, подобного богу сокровищ, великолепно одетого и сидящего на золотом ложе с богато раскрашенными покрывалами. Этот герой, победитель своих врагов, был украшен сандаловой пастой, красной, как медвежья кровь, редкой, ароматной и необычайно ценной. Около него стояла Сита с опухавшим из хвоста белого яка в руках, подобная планете Читра (сноска 1, 203) близ Луны.

Сумантра с величайшим почтением и благоговением поклонился великодушному царевичу, который сиял, как полуденное солнце. Глядя на этого героя с благородным ликом, который отдыхал в своих покоях, Сумантра с почтительно сложенными ладонями сказал:

О Рама, удачливый сын царицы Каушалы, отец твой и царица Кайкеи желают тебя видеть. Отправляйся безотлагательно!

Слова эти обрадовали льва среди великих. Преисполненный почтения к отцу, он сказал Сите:

О Видехи, царь и царица, очевидно, обсудили и приняли какое-то решение относительно моей коронации! Добродетельная и темноокая Кайкеи, так преданная монарху, наверное, надумала что-то новое, сулящее мне благо, и торопит царя приступить к церемонии. Дочь Кекайи, исполненная счастья и уважения к царю, относится ко мне как мать. Несомненно, это счастье, что царь и его возлюбленная супруга послали именно Сумантру. Каков посланник, таково и послание! Конечно же, царь передаст сегодня мне трон. Я сейчас же отправляюсь увидеть монарха! Ты же оставайся и будь спокойна, развлекайся со своими служанками!

Темноглазая Сита проводила до двери заботливого супруга и, отдаваясь счастливым грезам, сказала:

Сейчас царь торжественно возведет тебя на трон этого царства, покровительствуемого дваждырожденным, подобно создателю этого мира, наградившему царством богов на Васаве! Глядя на тебя, получившего престол, твердого в своих обетах, облаченного в изумительные шкуры, с рогами антилопы в руках, я почтительно склонюсь перед тобой. Пусть Громовержец защитит тебя с востока, а Яма защитит тебя с юга, пусть Варуна защитит тебя с запада, а бог здоровья – с севера!

Простившись с Ситой, Рама, преисполненный счастья, пошел вместе с Сумитрой. Проходя через дворец, словно лев, покидающий свою горную пещеру, он увидел у двери Лакшмана, который выражал ему почтение, сложив ладони. Во дворе он встретил своих друзей и разделил их радость, подойдя к ним. Затем он взшел на роскошную колесницу, сиявшую как огонь, покрытую тигровой шкурой, сверкающую и достойную царского сына. Огромная колесница, чье громыхание напоминало удары грома в небесах, украшенная жемчугами, сиянием притягивала пристальные взгляды и напоминала гору Меру. Запряженная великолепными конями, похожими на молодых слонов, она была подобна блистательной колеснице Индры с ее гнедыми лошадьми.

Рама, сидя в своей сияющей колеснице, ехал быстро под громовой шум, все вокруг одаривая счастьем и напоминая луну, проходящую по небесам. За спиной у Рама стоял Лакшмана с опухавшим из хвоста яка в руках и служил своему брату.

Отовсюду раздавались возгласы приветствия. Лишь только Рама отправился, люди со всех сторон вскочили на своих коней и слонов, похожих на высокие горы, и сотнями, тысячами последовали за ним. Другие предваряли его, неся сандал и алоэ или вооружившись копьями и луками и издавая радостные крики. Звуки труб, пение бардов, крики воинов, напоминавшие львиный рев, весь путь сопровождали Раму. Со всех сторон прекрасные женщины в праздничных нарядах, выйдя на балконы домов, осыпали этого героя, победителя врагов, цветами. Другие, не покидая домов и террас, для удовольствия Рамы пели ему хвалу чудесными голосами: “Как счастлива сегодня Каушалья, о Ты, увеличивающий ее радость!” Глядя на него в триумфе коронации, женщины вспоминали Ситу, самую прекрасную во вселенной возлюбленную Рамы и думали: “Несомненно, эта царевна прежде совершала великие аскезы, раз она встретила с Рамой подобно Рохини (сноска 1, 105) с Луной”.

До Рамы, лучшего среди людей, доносились хвалебные речи женщин, опьяненных радостью и не покидавших высоких балконов своих домов, когда он направлялся к царскому дворцу.

Рама также слышал, о чем говорили люди, толпившиеся вокруг.

Счастливая толпа обменивалась дружескими мнениями:

Сегодня потомок Рагху по милости царя обретет безграничное богатство и могущество! Мы предвидим вселенское процветание, поскольку он станет нашим государем. Правление его – пусть оно будет долгим – всем принесет благо. Без сомнения, под его властью никому не будут грозить горе и бедствия!

Продолжая путь среди ржания коней и подобных трубному призыву криков слонов, окруженный слугами и бардами, поющими ему хвалу, Рама напоминал бога сокровищ! Слоны и слонихи, колесницы, кони вместе с людьми толпились вдоль дороги, груженные драгоценными камнями и дорогими товарами. Продолжая путь, Рама наблюдал за городом.

Глава 17. Люди шумно приветствуют Раму

Из колесницы, украшенной флагами, благоухающей фимиамом, окруженный друзьями и радостной толпой, Рама с удовольствием рассматривал город, чьи дома напоминали груды облаков, кишашие толпами людей. Он продолжал путь по большой царской дороге, где горели алоэ вместе с кучами сандала и ароматных деревьев великой ценности и редких ароматов, богато украшенной шелковыми и полотняными знаменами, безупречными жемчугами и кораллами. Эта большая и великолепная дорога была усыпана цветами, повсюду стояли освежающие напитки.

Словно бог богов в раю, царевич наслаждался этой картиной, проезжая мимо. На каждом перекрестке стояли творог, рис, жертвенные возлияния, жареное зерно, палочки благовоний. Рама, с достоинством кланяясь людям, слышал ответные благословения и молитвы, сходявшие с уст каждого:

Вступив сегодня на трон, иди путем своих отцов, их отцов и дедов и поддерживай нас, как это делали твой отец и его предки! Дай Бог всем нам великого счастья под правлением Рамы! Мы будем счастливы и достигнем цели жизни, увидев Раму, возвращающегося с коронации. Несомненно, нет большей удачи, чем увидеть коронацию благословенного Рамы!

Люди радовались всем сердцем, и речи их слышал Рама невозмутимого и ясного ума, проезжая царской дорогой. Никто не мог отвести пристального взора или сердца от этого царевича, лучшего среди людей, даже когда он почти уже скрылся из виду. Те же, кого не коснулся его мимолетный взгляд или кто не смог поймать его, сокрушались о своей участи и слушали слова сожаления от остальных.

Добродетельный царевич обращал свой снисходительный взгляд к людям всех четырех каст, всем сочувствовал согласно их возрасту, и люди были преданы ему.

Проезжая мимо храмов, священных рощ и монументов, Рама почтительно объезжал их и продолжал свой путь, пока наконец не увидел царский дворец, сияющий, как груды белых облаков, украшенный бесчисленными башенками и балконами, напоминающими вершины горы Кайлас и достигающими небес, словно сверкающие колесницы богов. В этот дворец с его залами, украшенными драгоценными

камнями, в обитель своего отца, напоминая обитель Индры, Рама вступил во всем своем великолепии. Сначала лучший из героев на колеснице миновал три двора, охраняемые лучниками, а затем пешком проследовал через еще два и все заграждения. Пройдя сквозь расступившуюся толпу, сын Дашаратхи вошел во внутренние покои.

Глава 18. Царица Кайкейи сообщает Рама, что он изгнан в лес

Рама увидел царя Дашаратху, который восседал на своем сверкающем троне рядом с Кайкейи. Он выглядел глубоко несчастным, черты его исказились.

Царевич в почтении сложил голову у стоп отца, затем с глубоким уважением поклонился Кайкейи. Монарх, чьи глаза были полны слез, не в силах был взглянуть на сына или произнести хоть слово.

Рама, охваченный страхом, словно змея, на которую случайно наступили ногой, смотрел на царя, смущенного, отмеченного страданием, стонущего и обезумевшего, напоминая океан, или Солнце, сокрытого Рагху, или великого риши, произнесшего ложь и лишившегося своих заслуг. Видя необычайное горе монарха, Рама заволновался, словно океан на полную луну, и с сыновней любовью подумал: “Почему отец сегодня не рад мне? Почему мое появление причиняет ему такую боль?” Опечалившись, с потухшим лицом, он обратился к Кайкейи:

Почему царь обеспокоен, видя меня, столь дорогого ему? С удрученным лицом и глубокой скорбью он не говорит мне ни слова. Он испытывает телесную боль или страдает душой? Поистине трудно всегда быть веселым. Какое несчастье случилось с Бхаратой, этим юным царевичем с чарующим лицом, благородным Шатругхной или моими матерями? Если я чем-то расстроил великого монарха или повел себя непокорно, я не желаю жить ни мгновенья дольше, видя его недовольство. Возможно ли послушаться своих родителей, которые дали жизнь и которые являются живыми богами? Или может быть ты обратилась в гнев к моему отцу с резкими и надменными словами, которые так ранили ему душу? О царица, скажи мне правду, прошу тебя. Что так повлияло на настроение государя?

Без тени стыда Кайкейи с уверенностью отвечала великодушному Рагхаве, преследуя свои цели:

Царь не расстроен, о Рама, с ним не случилось никакого несчастья, но у него есть желание, которое он хочет поскорее выразить тебе. Ты очень дорог ему, и потому ему кажется невозможным сказать тебе нечто неприятное, что он вынужден сделать по моему настоянию. Некогда он даровал мне два благословения, которые теперь не хочет исполнить, словно обычный человек.

Царь говорил: “Я исполню, чего бы ты ни пожелала”, – а сейчас, хотя ручей еще не пересох, он собирается сломать мост! О Рама, мудрость говорит, что верность долгу выражается в исполнении данного слова. Следуя этому закону, царь не нарушит своего обета относительно тебя! Если ты согласен склониться перед любым приказом царя – нравится он тебе или нет – я раскрою его тебе. Я посвящу тебя в него, ибо сам он не сделает этого!

Речь Кайкейи глубоко обеспокоила Раму. В присутствии царя он отвечал ей:

Стыдись, о деви, не пристало тебе говорить мне такие слова! По приказу царя я готов войти в огонь, выпить смертельный яд или броситься в море. Я сделаю это, будь то воля духовного учителя, царя или друга. Поведай мне желание государя, о царица. Чего бы он ни пожелал, я исполню. Обещаю тебе, Рама не изрекает лжи!

Тогда Кайкейи обратилась к правдивому и верному герою с жестокими словами:

Во время войны между девами и асурами, о Рагхава, отец твой был ранен в ужасной битве. Обязанный мне жизнью, царь даровал два благословения. Теперь я хочу, чтобы он их исполнил, о Рагхава. Царь должен отдать трон Бхарате, а тебя изгнать в лес Дандака. Если ты дорожишь словом царя и собственным словом, о лучший среди людей, послушай меня! Смирись перед волей царя и четырнадцать лет проведи в лесу! Все, что приготовлено для твоей коронации, будет использовано для коронации Бхараты, о Рагхава! Отказавшись от трона, четырнадцать лет ты будешь в лесу, собрав волосы и надев одежды из древесной коры. Бхарата будет править землей со всеми ее несметными

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
сокровищами драгоценных камней, конями и колесницами. Вот почему царь, исполненный сострадания и бледный от горя не может смотреть на тебя. Почитай обет царя, главы людей, о Рама, радость династии Рагху, будь верен слову и сохрани свое доброе имя.

Жестокие слова Кайкеи не вызвали на лице Рамы и тени печали, не беспокоили его великую душу. Но царь, понимая несчастье, обрушившееся на его сына, преисполнился глубокого горя.

Глава 19. Рама безмятежно готовится к изгнанию

Выслушав жестокие, как внезапная смертельная боль, слова Кайкеи, Рамачандра, победитель своих врагов, несколько не потревоженный, ответил:

Быть тому! Во исполнение царского слова я уйду в лес, собрав волосы в одну косу и облачившись в одежды из древесной коры! Но все же мне хотелось бы узнать, почему неукротимый монарх, победитель своих врагов, не рад был, увидев меня? Не страшись царица, в твоём присутствии я провозглашаю, что буду жить в лесу. Ликуй же, я надену одежды из древесной коры и соберу волосы. Какого служения я не совершил своему гуру, отцу, другу или тем, перед кем я в долгу? Одно лишь печалит меня и разрывает сердце. Почему монарх сам не сообщил мне о коронации Бхараты? Я с радостным сердцем отдам брату Бхарате мою Ситу, царство, жизнь и все, чем владею, если он попросит меня об этом. Все что угодно я готов оставить ради царя, моего отца, и исполнить его обещание, это мне приятнее более остальных. Утешься же царь! Почему, опустив глаза, он молча плачет? Пусть гонцы на быстрых конях сегодня же отправятся за Бхаратой и от имени царя привезут его из царства Кекайи. Я же безотлагательно отправлюсь в лес Данадака и проведу там четырнадцать лет, не спрашивая более о воле моего отца.

Крайне обрадованная словами Рамы, потомка Рагху, царица Кайкеи подтвердила его изгнание, понуждая не медлить:

Ты прав, пусть гонцы на быстрых конях отправляются за Бхаратой и привезут его домой. Тебе же, о Рама, я полагаю, не стоит откладывать. Чем скорее ты уйдешь в лес, тем лучше! Если царь в смущении не скажет тебе ни слова, это неважно, о лучшей среди людей, не обижайся. Пока ты не покинешь город, о Рама, царь не совершит омовения и не примет пищи.

Горе! Увы! – крикнул царь и, охваченный скорбью, без сознания повалился на золотое ложе. Подняв его, Рама, подгоняемый Кайкеей, словно конь ударами плети, решил поскорее удалиться. Не обращая внимания на жестокие и постыдные слова царицы, он спокойно ответил:

О деви, я лишен мирского честолюбия. Знай, я готов свершить все, что доставит царю удовольствие, даже если это стоит мне жизни. Нет большей добродетели, чем послушание отцу и исполнение его воли. Даже если царь не произнесет этого приказа, я буду жить в лесу четырнадцать лет. Несомненно, о Кайкеи, ты не видишь во мне добродетели, и потому навязала царю это решение; ты имеешь власть надо мной, и потому твоего слова достаточно.

Теперь я пойду проститься с матерью и сказать Сите о моей отставке. С этого дня я живу в великом лесу Дандака. Пусть Бхарата правит царством, опекаемый отцом; и ты должна позаботиться об этом. Дашаратха слушал сына в великом отчаянье. От горя не способный вымолвить ни единого слова, он только громко стонал.

Знаменитый герой, отдал дань почтения стопам отца, который лежал без чувств, и поклонился злобной Кайкеи. На прощанье Рама обошел вокруг царя и его супруги и покинул их. Выходя, он улыбнулся своим спутникам, которые ожидали его у двери. Следом за ним шел Лакшмана, любимый сын Сумитры, чьи глаза были полны слез, а сердце – гнева.

Рама почтительно обошел все священные предметы, приготовленные для его коронации и, не оглядываясь, молча удалился.

Потеря царства не лишила Раму безмятежности, его великая слава осталась прежней, подобно луне, которая неизменно прекрасна даже в период убывания. Отрекшись от короны и уходя в лесное изгнание, Рамачандра напоминал великого Йогина. Никто не замечал в нем и тени перемены.

Отказавшись от царского полога и других предметов роскоши, он с любовью прощался с друзьями, людьми, посланцами и гостями, заботясь о причиненной им печали. Невозмутимый, владея своими чувствами, он направился в покои матери сообщить ей печальное известие о его изгнании. Никто из членов древней царской семьи, к которой принадлежал правдивый Рама, не замечал в нем каких-либо перемен. На лице у него как всегда были покой и радость, как лунный свет, сопутствующий луне даже осенью. Добродетельный и знаменитый Рама сладостным голосом говорил со всеми, а потом вошел в покои матери, царицы Каушалы вместе с Лакшманой, сыном Сумитры, который благодаря своей добродетели обрел хладнокровие души и благородно сдерживал свое горе.

Войдя во дворец, где все сияло безграничным счастьем, Рама подумал о печали, которая скоро придет ему на смену. Но сам он не проявлял ни единого признака волнения относительно настигшего его злого рока, о котором сокрушались все его друзья.

Глава 20. Плач царицы Каушалы

Понимая, что этот тигр среди людей покидает дворец и его сложенные ладони означают жест прощания, женщины во внутренних покоях стали громко плакать:

Неужели Рама, который не дожидаясь указа отца, исполнял все наши желания, который является нашим прибежищем, теперь уходит? Невозмутимо выслушивающий оскорбления и мягко разрешающий все распри, утешающий разгневанных Рама сегодня покидает город. Увы, наш государь безумно пытается убедить мир в своей правоте, хотя при этом отвергает Раму, который отказался ото всего.

Словно коровы, лишившиеся своих телят, служанки царицы с упреком обсуждали случившееся со своими мужьями и громко плакали. Царь слышал их горестные слова и, преисполненный печали, неподвижно лежал на своем ложе, словно разбитый параличом.

Тем временем Рама, глубоко печальный и вздыхающий как слон, вместе с братом приблизился ко дворцу своей матери. Там он увидел пожилого и почтенного человека, который сидел у входа в окружении толпы. Увидев Раму, люди стали приветствовать его: “Слава Рагхаве, самому доблестному среди победителей!”

Далее он увидел множество брахманов, сведущих в Ведах, которые служили царице и пользовались милостью царя. Отдав им дань почтения, Рама вошел в следующий зал, где молодые и седовласые женщины охраняли вход. С великой радостью они приветствовали царевича и поспешили к его матери с доброй вестью о его приходе.

Царица Каушалья всю ночь провела в медитации, поклоняясь Вишну и моля о благе своего сына. Облаченная в полотно, радостная и преисполненная веры с свою молитву, она вызвала к Агни, повторяя мантры. Рама появился в роскошных покоях матери и увидел, как она взывала к богам, предлагая священные подношения. Он увидел все необходимое для священных ритуалов, творог, нелущеный рис, масло, а также сладости, сок сома, жареное зерно, гирлянды белых цветов, свежее молоко, семена сезама, приготовленные бобы и рис в молоке, топливо и сосуды, полные освященной воды. Прекрасная царица в белых одеяниях была изнурена суровым постом и почтительно кланялась со святой водой.

Увидев сына, Каушалья в материнской радости бросилась к нему, как кобыла к своему жеребенку, и Рама приветствовал мать, подбежавшую к нему, заключив ее в свои объятия и поцеловав в лоб. Преисполненная любви к своему сыну, неукротимому Рагхаве, Каушалья обратилась к нему с доброжелательными и нежными словами:

О сын мой, стань подобен древним, добродетельным, знаменитым и царственным риши, будь справедлив, чем славилась вся твоя династия! О дорогой царевич, теперь иди к отцу, сегодня царь, всегда верный своему долгу, возведет тебя на трон.

Мать предложила Раме сеть и подала еду. Рагхава склонил перед нею голову и выразил почтение со сложенными ладонями. Скромный царевич, стоя перед матерью в почтительной позе, решил исполнить свой долг и испросить позволения отправиться в лес Дандака.

О царица, – сказал Рама, – ты не знаешь еще о злой судьбе, настигшей

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
несчастную царевну Видехи, Лакшмана и тебя саму! Я отправляюсь в лес Дандака. Зачем мне это роскошное сиденье? Мне надлежит теперь пользоваться плетеной подстилкой (сноска 1, 214) четырнадцать лет я буду уединенно жить в лесу, питаюсь кореньями и фруктами и отрекшись от всякой плоти, подобно отшельникам. Царь отдает трон Бхарате, а меня отправляет аскетом жить в лесу Дандака. Четырнадцать лет я буду жить в диком лесу, предаваясь аскезам, питаюсь фруктами и кореньями и делая все, что надлежит лесному жителю.

От этих слов царица упала на пол, словно пихтовая ветвь, неожиданно срубленная топором, или богиня, низвергнутая с небес. Видя, что Каушалья, необычайно страдающая, лежит без чувств, словно ветвь дерева кадали, Рама поднял ее и, мягко стряхнув руками с несчастной пыль, помог сесть. В эти мгновенья она казалась конем, павшим под тяжестью ноши. Охваченная горем, Каушалья ничего более не сознавала. В присутствии Лакшманы она заговорила с Рагхавой, тигром среди людей, который сидел около нее:

О сын мой Рагхава, несомненно, если бы, будучи бесплодной, я не выносила тебя, я не страдала бы так сейчас. Бесплодные сокрушаются лишь об одном: “У меня нет ребенка!” Больше их ничего не заботит. Я не знаю иной радости и счастья в жизни. “Только сын мой дарует мне счастье!” О Рама, с этой мыслью я терпеливо ждала. Я, старшая царица, теперь услышу бесконечные неприятности, которые будут говорить мои соперницы в женских покоях, разрывая мне сердце. Какое еще бедствие может обрушиться на женщину? Мое горе не выразить словами и не развеять. Даже в твоём присутствии они презирали меня, что же будет со мной, когда ты уйдешь? О мое дорогое дитя, несомненно, я расстанусь с жизнью. Супруг пренебрегает мной и держит вдали от себя, я стану служанкой Кайкеи и даже ниже. Все, кто сейчас почитают и служат мне, увидев сына Кайкеи на троне, отвернутся от меня. Как смогу я, о сын мой, такой же несчастный, как и я, вынести пренебрежительный тон Кайкеи? Семнадцать лет прошло со дня твоего рождения, о Рагхава, и я надеялась, они увидят конец моих страданий. Но злой рок продолжает преследовать меня, и старея, я не в силах более выносить презрение соперниц. О дитя, не видя твоего лица, светлого, как полная луна, как смогу я, несчастная, влачить свою жалкую жизнь? Я растила тебя ценой изнурительных постов, следуя духовным обрядам и терпя многочисленные лишения, но все напрасно, потому что ты так же неудачлив, как и я. Мое сердце должно стать каменным, чтобы вынести эту боль, подобно берегам великой реки во время сезона дождей, размываемым ее могучем течением. Несомненно, смерть отвернулась от меня, мне нет места в ее обители. Антака не хочет забрать меня сегодня, словно лев, безразличный к бляню газели. Сердце мое, тяжелое как железо, не разрывается, и под ударами судьбы тело мое не погибает. Увы, смерть не придет в час рокового удара. К сожаленью, моя духовная практика оказалась тщетной, так же как истязания плоти и благотворные дары. Аскезы, которым я предавалась ради сына, оказались бесплодны, как семя, посеянное в соленую почву. Если бы с бедствием пришла скорая смерть, я, лишившись тебя, как корова, потерявшая своего теленка, сегодня же отправилась бы в ее обитель. К чему мне жить вдали от тебя, о сын мой, чей лик сияет, как луна? Я последую за тобой в лес, как несчастная корова, в своей любви идущая за теленком.

Царица Каушалья горестно размышляла о размерах обрушившегося на нее несчастья и, глядя на Рагхаву, беспрестанно сокрушалась, словно киннари, чей потомок оказался в плену.

Глава 21. Решительные возражения Лакшманы. Рама утешает свою мать

Лакшмана, преисполненный горя, обратился к матери Рамы:

О благородная Каушалья, мне невыносимо, что Рагхава по приказу женщины должен отречься от царства и уйти в лес. Старость повлияла на царя, который стал подвержен своим страстям. Каких еще слов он не произнесет? Я не знаю за Рамой ни одного недостатка, ни единого проступка, за который его можно было бы изгнать из царства в лес. Кто в этом мире дает клятвенное слово врагу или презренному негодю, который посмел предстать с каким-то обвинением. Кто еще так пренебрегает своим долгом, отвергнув сына, подобного Богу, покорного, правдивого, почитаемого даже врагами? Слова старого царя – это ребячество, кто будет придавать им смысл, помня истории прежних монархов?

Обратившись к Раме, Лакшмана сказал:

Почему люди до сих пор не осознают этого? Возьми бразды правления государством с моей помощью! О Рагхава, кто посмеет восстать против тебя, когда я буду стоять рядом, вооружившись своим луком и поддерживая тебя? О тур среди людей, своими острыми стрелами я уничтожу этот город Айодхью, если они посмеют восстать против тебя. Я истреблю всех сторонников Бхараты и всех, кто разделяет его интересы. Дело не в отставке, наш отец стал нашим врагом, его нужно заточить в темницу или даже убить. Если духовный учитель, одержимый гордыней, забывает о том, что справедливо, а что не справедливо, и отступает от пути истины, нужно ли повиноваться ему? Что это за царь, передавший Кайкейи царство, твое по праву, о добродетельный герой? Разве это не оскорбление тебя и меня? Какое право он имеет возводить Бхарату в столь высокое положение, о победитель врагов? О царица, глубокие узы дружбы связывают меня с братом. Воистину, своим луком, силой розданной милостыни и проведенных жертвоприношений я клянусь тебе, войдет ли Рама в пылающий огонь или в лес – я последую за ним! О царица, как солнце на рассвете разгоняет тьму, я развею твои страдания. Пусть царица и Рагхава узрят мою доблесть! Я убью своего старого отца, увлеченного Кайкейи, чьи старческие привязанности ввергли его в достойное порицания слабоумие. От этих слов великодушного Лакшманы Каушалья, терзаемая горем, со стоном сказала Рама:

О сын мой, ты слышишь, что говорит Лакшмана? Если ты согласен, исполни это немедленно! Не слушай враждебного голоса моей соперницы, не уходи, покинув меня в горе! Ты знаешь, в чем твой долг, ты самый доблестный из людей, исполни необходимые обязанности, останься, повинуйся моей воле!

О дитя мое, послушавшись матери, оставшись дома и приняв на себя суровейшую из епитимий, Кашьяпа достиг небес. Царь достоин почитания, так же как и я. Я не позволяю тебе уходить в лес. Вдали от тебя я не смогу жить, но рядом с тобой я буду счастлива, даже питаюсь травой. Если ты уйдешь в лес, я, терзаемая горем, буду поститься и расстанусь с жизнью, потому что не смогу жить. И тогда ты, сын мой, будешь виновен в убийстве брахмана и пойдешь в ад, подобный Самудре (сноска 1, 217), который является супругом всех рек.

Так сокрушалась несчастная Каушалья, и добродетельный Рама отвечал ей:

О богиня, я не могу пренебречь волей моего отца, поэтому почтительно кланяюсь тебе и прошу позволения удалиться в лес. Знай, что мудрец Канду, живя в лесу по воле своего отца, убил корову, хотя знал, что это незаконно. В давние времена в нашем роду сыновья Сагары, роя землю, допустили великое избиение всего живого, послушные воле своего отца. О мать, все эти люди и многие другие, подобные богам на небесах, исполняли безжалостные приказы своих отцов, и я не исключение. О царица, не я один послушен воле отца, все, кого я назвал тебе, вели себя так же. Этот обычай все еще в силе, и поэтому, вопреки твоему желанию, я буду следовать ему. Наши предки прежде нас с верой прошли этим путем. Я буду поступать согласно долгу, не отказываясь от своих обязанностей в этом мире; человек, послушный отцу, не узнает горя.

Сказав это матери, самый красноречивый из людей и искусный среди лучников, обратился к Лакшмане:

О Лакшмана, я знаю, что твоя любовь ко мне не имеет себе равных, а доблесть, верность и сила неотразимы, и все же страдания моей матери безмерны, о знаменитый, ее невозможно успокоить или вразумить. В мире главное – это наш долг. Исполнение долга поддерживает истину. Слова моего отца проистекают из чувства долга. О герой, человек не должен пренебрегать волей отца, матери или брахмана, если верен своему долгу. Я не могу противиться воле отца, по его приказу Кайкейи изгоняет меня.

Откажись от своего позорного замысла, он попирает долг кшатрии!

Почитай свои обязанности и не прибегай к насилию, – вот мой тебе совет!

Затем старший брат Лакшманы снова обратился к Каушалье, сложив ладони и опустив голову:

О царица, теперь позволь мне уйти в лес и благослови. Клянусь, я исполню свой обет и вернусь из леса, подобно Яяти, благородному мудрецу, который в давние времена достиг небес после того как пал на землю! О мать, будь великодушна, обуздай печаль в своем сердце и не плачь; я вернусь из лесного

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
уединения, когда исполню волю отца. Я, а также Ваидехи, Лакшмана и Сумитра должны подчиниться желаниям моего отца. Это наш неписанный долг. О мать, забудь о приготовлениях к моей коронации и подави горе в своей душе; смирись так же с моим пребыванием в лесу, это мой долг.

Решительные, спокойные слова сына словно вернули царицу к жизни.

Устремив на него пристальный узор, она сказала:

О сын мой, в своей материнской любви я для тебя такой же духовный учитель, как и отец, и я не позволю тебе уйти. Не покидай меня в великом несчастье, не уходи. Зачем мне жить в этом мире без тебя? Зачем мне Питрилока или Дева-лока? (сноска 1, 219) Одно мгновение с тобой стоит целого мира!

Рама перед лицом страданий матери казался слонем, который, ища темного угла во время ночной охоты с факелами, освещен еще больше. Верный долгу, он снова с достойными словами обратился к Каушалье, которая от горя лишилась чувств, и к Саумитри, охваченному печалью:

О Лакшмана, я почитаю твою любовь и доблесть, но не принимая мое решение и соглашаясь матерью, ты жестоко терзаешь меня. Долг, личные интересы и удовольствие почитаются в мире; несомненно, если я буду действовать согласно им, долг, личные интересы и удовольствие станут мне как верная и преданная жена, но они не позволяют нам свершить то, что выходит за их пределы, и в конце концов ту справедливость, к которой мы должны стремиться. Недостоин похвалы тот, кто преследует лишь удовольствие. Раб своих желаний ни у кого не вызывает восхищения. Что бы ни повелели гуру или престарелый отец, даже в гневе, приятно это или нет, человек добросовестный и мирный примет как долг. Поэтому я не могу не исполнить обещание, данное отцом, целиком и достойным образом. Дорогой мой, он – наш гуру, он – супруг божественной Каушальи, поэтому она должна следовать за ним и слушаться его. Пока этот справедливый монарх жив, и главное, пока он идет своим путем, царица, отправившись со мной, станет подобна чужестранке или вдове. О царица, позволь же мне уйти в лес и дай свои благословения, и, когда придет время, благодаря твоей преданности, я вернусь подобно старому яяти, который вновь обрел небеса силою истины! Я никогда не отрекнусь от того, что принесет благо всему царству; жизнь коротка, о царица, и я не дорожу этой жалкой землей ценой покаяния долга!

Так этот тур среди людей успокоил царицу, настояв на своем решении отважно уйти в лес Дандака. С твердостью выразив свои намеренья младшему брату, Рама с любовью простился с матерью, почтительно обойдя вокруг нее.

Глава 22. Рама пытается успокоить Лакшману

Лакшмана, преисполненный горя и негодующий, был подобен великому слону с глазами, сверкающими гневом, опьяненному кровью. Владея собой, Рама приблизился к сыну Сумитры, любимому брату и другу, и с твердостью в голосе раскрыл ему свои мысли:

Усмири свой гнев и стань уравновешен. Оставь эту слабость и преисполнись великой радости. Немедленно забудь обо всех приготовлениях к моей коронации и исполни свой долг. О Саумитри, нужно забыть о моей коронации столь же поспешно, как она была подготовлена. Поступай как царица, чей дух измучен мыслями о моей коронации, и стань умиротворен; я не в силах видеть мгновенья страданий моей матери, о сын Сумитры, и я не могу сознательно или бессознательно стать причиной малейшего неудовольствия всех матерей или отца. О Лакшмана, давай облегчим страдания нашего благородного отца, справедливового и доблестного. Сейчас главное, чтобы его жизни не грозила опасность. Если я не оставлю стремление к короне, я разделю с царем нужду, заставившую его нарушить свой обет. Поэтому отложи приготовления к моей коронации, о Лакшмана; более того, я намерен покинуть город и как можно скорее уйти в лес. Мой уход позволит царице Кайкеи, матери Бхараты, исполнить свое желание короновать сына, цель ее будет достигнута. Кайкеи будет счастлива, когда я в одеждах из древесной коры и шкуры антилопы, собрав волосы в одну косу, удалюсь в лес. Я не должен сопротивляться тому, кто вдохновляет и содействует моему решению. Поэтому я отправляюсь немедля. О сын Сумитры, в моем изгнании и последующем возвращении утраченного царства узри мою судьбу. Как Кайкеи причинит мне боль, если это не велено судьбой? Воистину, все матери мои отмечены любовью ко мне, мой друг, никогда прежде Кайкеи не видела разницы между мной и своим сыном. Я

убежден, что ее жестокие слова против моей коронации, так же как требование моего изгнания были продиктованы Провидением (сноска 1, 221) и ничем больше. Могла ли иначе столь благородная и добродетельная царица вести себя со мной подобно сварливой бабе в присутствии своего супруга? Этой неведомой силой, именуемой Провидением, не могут пренебречь даже Бхуты; неизменный и твердый указ судьбы лишил меня удачи и изменил отношение Кайкеи ко мне. Зачем сражаться с Провидением, о Саумитри, если исход заведомо известен? Добро и зло, страх и гнев, приобретения и потери, бытие и небытие и все с этим связанное – все это удел судьбы. Риши, которые умерщвляют свою плоть в суровых аскезах, волею Провидения отступают от избранного пути и впадают в гнев или страсть. Не рука ли судьбы препятствует людям в их начинаниях вопреки их знанию и воле? Эта истина не позволяет мне горевать о несостоявшейся коронации; поэтому со своей стороны даруй мне помощь и поскорее отмени приказы, отданные в связи с этой церемонией. Кувшины, полные святой воды, послужат моему очищению, когда я буду давать обет аскетизма, о Лакшмана. Как еще мне использовать воду, приготовленную для коронации? То, что я зачерпну своими руками, станет символом моих новых обязанностей – будь то коронация или изгнание в лес, неизвестно, что сулит большее счастье. О Лакшмана, не мешай матери принять свою судьбу, не хули моего младшего брата за то, что я отказался от трона, не ругай отца или кого бы то ни было еще; тебе хорошо известна неумолимая десница Провидения!

Глава 23. Лакшмана собирается сразить всех, кто препятствует коронации Рамы

Лакшмана слушал Раму, опустив голову, погруженный в свои мысли, мечущиеся между горем и радостью. Нахмутив брови и насупившись, этот тур среди людей вздыхал словно огромный змей, в гневе сокрывшийся в норе, и был ужасен с виду, как возбужденный лев. Он был хмур, члены его дрожали, руки двигались взад-вперед, словно бивни слона. Качая головой и отводя взгляд, он обратился к Раме:

О брат, не ко времени эта неуверенность в своей добродетели и странный страх поступить непочтительно! Что! Достойно ли лучшего среди воинов, бесстрашного, способного управлять судьбой, говорить, подобно тебе, что Провидение неизменно и страдания неизбежны? *who would not distrust those two perverse being?* Кто поверит этим двум негодьям (сноска 1, 222)? Разве ты не знаешь, что обманщики часто скрываются под маской добродетели? Желая низвергнуть тебя, они притворяются благочестивыми, преследуя собственные цели. Даже если история с благословениями Кайкеи истинна, почему о ней ничего не было известно до того, как начались приготовления к твоей коронации? Это вызывает возражения людей; как может младший сын взять первенство над старшим в делах государственного управления? Мне нестерпимо это, о великий герой, прости меня! Это так называемое чувство долга, заставившее тебя колебаться (сноска 2, 222), ненавистно мне, о великодушный, потому что оно смутило тебя. Как можешь ты, всемогущий, подчиниться несправедливому приказу отца, который находится под влиянием Кайкеи? Разве не заметил ты их двуличия, когда они под этим предлогом отменяли твою коронацию? Я вижу злой умысел в их поведении, достойном осуждения, и это очень печалит меня! Кто кроме тебя поддерживает царя и Кайкеи, которые пытаются причинить тебе зло, эти рабы своих страстей и враги, сокрывшиеся под именами родителей? Если ты это относишь к воле судьбы, то я никогда не соглашусь с тобой. Слабость и малодушие – это удел судьбы, но доблестные души, владеющие собой, не склонятся перед нею.

Герой, который своими духовными достижениями способен превзойти судьбу, не отказывается от своих начинаний; судьба бессильна перед ним. Сегодня станет ясно, как незначительна судьба для того, кто отважен сердцем. Сегодня обозначится разница между человеком и Провидением, люди увидят Провидение, покоренное моей доблестью. Они помогут коронации, которой препятствует Провидение. Своей доблестью я превзойду Провидение, словно слон, сбросивший оковы под влиянием Мады и более не замечающий стрела. Ни объединенные монархи, ни три мира не способны помешать коронации Рамы, которая состоится сегодня *how mach less* независимо от нашего отца. Те, кто задумали изгнать тебя в лес, сами будут жить в лесу четырнадцать лет. Я разрушу замысел отца и Кайкеи, которые, лишив тебя царства, пытаются короновать Бхарату. Покоренный моей доблестью царь не найдет достаточно силы помешать мне изгнать зло. Спустя тысячу лет правления, когда ты удалишься в лес, о благородный герой, твой сын унаследует трон, не прерывая преемственности. В давние времена царственные риши установили традицию, согласно которой цари уходят в лес, передав заботу о подданных сыновьям, которые покровительствуют им, как собственным детям. Если из-за царской нерадивости

ты не хочешь принимать правление государством, о добродетельный Рама, и опасаясь вызвать беспорядки, клянусь тебе, о герой, я защищу царство, как берега – море. Поэтому согласишься принять корону ко всеобщему благу и готовься к церемонии; я один без посторонней помощи своею доблестью разгону всех царей; эти две руки предназначены не для драгоценностей, а лук и меч – не для украшения; мои копья предназначены не для того, чтобы собирать хворост, а стрелы – не для того чтобы его переносить. Все это оружие необходимо для победы над врагами. Своим острым сверкающим мечом я не только рассеку своего врага, я истреблю его, будь то даже сам громовержец Индра. Под ударами моего меча земля, потемневшая и усеянная трупами слонов, коней и головами воинов, станет непроходимой! Вооруженные мечами, сверкающими как огонь, сегодня враги мои падут на землю, как облака, разорванные светом! В годхе (сноска1, 224) и ангудитране (сноска 2, 224), со своим луком в руках я предстану перед ними, и кто среди храбрых осмелится блеснуть передо мной своей доблестью? Я изрешечу всех противников своими стрелами, каждая из которых пронзит бесконечное число воинов; своими стрелами я разнесу их коней и слонов.

Силой своих рук я лишу царя его власти и отдам эту высшую власть тебе, мой повелитель. Сегодня эти две руки, привыкшие к сандаловой пасте и браслетам, всегда раздававшие милостыню и защищавшие друзей, разгонят тех, кто препятствует твоей коронации. Скажи, какого врага мне лишит сегодня жизни, почета или друзей? Одно твое слово – и я покорю эту страну! Я – твой раб! (сноска 3, 224)

Рама, радость династии Рагху, слушал Лакшмана, вытирая слезы. Снова и снова он пытался успокоить его:

Друг мой, пойми, я решил подчиниться воле отца. Это истинный путь!

Глава 24. Рама наставляет свою мать

Видя, что сын решил почитать волю отца, Каушалья, разразилась слезами и сказала добродетельному Рамачандре:

Никогда не знавший нужды, как сможет добродетельный и ко всем благожелательный царевич, которого я подарила царю Дашаратхе, жить на горсти зерна? Неужели Рама будет есть коренья и лесные фрукты, тогда как слуги его питаются лущеным рисом? Кто поверит и не задрожит, узнав, что добродетельного и прекрасного Какутстху царь изгнал в лес? Несомненно, могущественное Провидение правит миром, но неужели несмотря на всеобщую любовь, о Рама, ты сейчас уйдешь в лес! О дитя, дыхание разлуки раздувает огонь моего горя, добавляя топливо скорби. Когда я лишусь тебя, священные возлияния моих вздохов и слез, столбы дыма моих страхов и стоны, вызванные твоим уходом, своей необыкновенной силой, без сомнения, опалят и уничтожат меня, подобно лесному пожару в конце зимы, уничтожающему подлесок! Куда бы ты ни пошел, я последую за тобой, как корова, которая неотступно идет за своим теленком.

Рама, тур среди людей, отвечал матери, охваченной печалью:

Обманутый Кайкейи царь непременно умрет, если бросишь его после моего ухода. Для женщины очень неблагоприятно покидать своего супруга, лучше не совершай такого греха; выброси эту мысль из головы. Пока царь, потомок Какутстхи, мой отец, жив, будь покорна ему; это неписанный закон.

Прекрасная и мягкая Каушалья отвечала:

Пусть так и будет! И тогда Рама, лучший среди верных своему долгу, снова обратился к матери, разбитой горем:

О богиня, мы должны подчиниться воле отца. Он – наш царь, муж и гуру, он – первый из людей, наш господин и повелитель. Проведя четырнадцать лет в лесу, я с великой радостью вернусь и исполню твою волю!

Царица слушала любимого сына, и глаза ее тонули в слезах. Глубоко страдая в своей материнской любви, она сказала:

О Какутстха, я не знаю, как жить среди своих соперниц; возьми меня с собой в лес, словно дикую газель, если уж ты решил из почтения к отцу уйти отсюда.

Сдерживая рыдания, Рама ответил своей плачущей матери:

Пока женщина жива, ее повелителем и богом является муж; царь – твой абсолютный господин, так же как и мой. По милости царя мы не без хозяина; он – мудрый повелитель своих людей. Более того, добродетельный Бхарата, благожелательный ко всему живому, всегда будет предан тебе, потому что в этом его долг. Не отвергай ничего, что поддержит царя в его родительском горе, избавит от страданий, чтобы он пережил свое неистовое горе. Собери все силы и не прекращай служить старому монарху. Даже благочестивая женщина, склонная к посту и духовной практике, лучшая среди добродетельных, вступает на пагубный путь, будучи невнимательной к своему повелителю.

Повинуясь мужу, женщина достигает небес, даже если была недостаточно почтительна к богам. Быть покорной мужу и искать его расположения – это строжайшая обязанность женщины, установленная Ведами и признанная во всем мире. О царица, поддерживая жертвенный огонь с помощью фимиама, ради меня призови богов и окружи брахманов вниманием. Так ты скоротаешь время, ожидая (моего возвращения). Целомудренная, безмятежная, целиком преданная своему супругу, ты дождешься моего возвращения, только выжил бы самый добродетельный из царей!

Каушалья с полными слез глазами горестно отвечала:

О дорогое дитя, я не в силах изменить твое твердое решение уйти; несомненно, судьба неумолима. Иди, мой сын, поскольку ты решил сделать это, и будь счастлив, о доблестный герой! Страдания мои закончатся с твоим возвращением. Ты вернешься преисполненный радости, достигнув цели и исполнив свой обет, свободный от упреков отца, и тогда я усну в полной радости. В этом мире ход судьбы непредсказуем; сердце мое плачет, но уста велют тебе идти, о Рагхава! Иди с миром, о могущественный воин, вернувшись, ты снова будешь радовать меня своим мягким голосом, исполненным сладости. О, почему еще не настал этот час твоего возвращения из леса со спутанными волосами, в одеждах из древесной коры, о дорогое дитя?

В святой покорности царица смотрела на Раму, решившего удалиться в лес и говорила с прекрасным юношей, одаривая его всеми благословениями.

Глава 25. Царица благословляет Раму

Преодолев горе, престарелая мать Рамы, побрызгала на него святой водой и благословила такими словами:

О добродетельный сын династии Рагху, я не могу удержать тебя, и потому иди, но возвращайся как можно скорее! Иди путем добродетели! О тигр в роду Рагхавы, пусть долг, которому ты следуешь с радостью и благочестием, покровительствует тебе! Пусть боги, которым ты каждый день поклоняешься в храмах, перед чьими алтарями ты склоняешь голову, и великие риши – защитят тебя в лесу! О царевич, наделенный безграничной добродетелью, пусть оружие, подаренное тебе мудрецом Вишвамित्रой, защитит тебя. Пусть твое послушание отцу и почитание матери, твоя щедрость, сын мой, благословят тебя долгой жизнью, о доблестный герой. Пусть священное топливо, трава куша, священные возлияния, Веда, храмы, мантры святых аскетов, скалы, деревья, кусты, водоемы, птицы, змеи и львы защитят тебя, о лучший среди людей. Пусть Садхьи, Девы, Маруты и великие Риши будут благосклонны к тебе! Пусть Дхатар и Видхатар, Пушан, Бхага, Арьяман и все стражи мира, возглавляемые Васавой будут благосклонны к тебе! Пусть шесть времен года, месяцы, года, дни и ночи, каждое мгновение покровительствуют тебе! О сын мой, пусть шрути, смрити и дхарма во всем покровительствуют тебе! Пусть Сканда, Бхагават, Сома, Брихаспати, семь риши и Нарада станут твоими защитниками на все времена! Пусть Сиддхи, стороны света с их главенствующими божествами, призванные мною, защитят тебя в лесу, о сын мой! Пусть все горы, моря и Господь Варуна, небеса, воздух, земля, ветер, а также все движущееся и неподвижное, планеты, неподвижные звезды с их божествами, день и ночь, рассвет и закат будут благосклонны к тебе во время твоего изгнания. Пусть шесть времен года, месяцы, года, деления и измерение времени даруют тебе прибежище. Пусть девы и даиты принесут тебе счастье в великом лесу, по которому ты будешь ступать в одеждах аскета, живя как мудрец. Пусть ты не изведешь страха перед ракшасами и страшными пишачами жестоких поступков, о дорогое дитя. Пусть в твоём лесном убежище не будет обезьян, скорпионов, москитов, комаров, гадов или насекомых. Пусть великие слоны, львы, тигры,

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
медведи, вепри, рогатые буйволы и другие свирепые дикие звери никогда не потревожат тебя, о дорогое дитя. Пусть все хищники, питающиеся плотью или просто опасные, не беспокоят тебя, о сын мой! Сейчас и здесь я с почтением молю их всех за тебя! Пусть охота будет счастливой, а деяния твои созидательны, пусть все удастся тебе, о Рама; будь благословлен, сын мой, и иди, о дорогое дитя. Будь счастлив, очень счастлив, медитируя на все, что находится между небом и землей, на богов и твоих врагов. Пусть Шукра, Сом, Сурья, Дханада и Яма, которым ты поклонялся, покровительствуют тебе, о Рама, когда ты останешься в лесу Дандака. Пусть огонь, ветер, дым и мантры из уст аскетов в час очищения защитят тебя, о радость династии Рагху. Пусть повелитель миров Брахма, Творец, а также риши вместе со всеми богами покровительствуют тебе во время твоего пребывания в лесу!

Сказав так, знаменитая большеглазая Каушалья отдала поклон сонмам богов, предлагая гирлянды, фимиамы и достойные ее молитвы. С помощью великодушных брахманов разведя священный огонь, она по традиции (сноска 1, 229) вылила в него жертвенное масло ради благополучия Рамы. Молясь за Раму, прекрасная Каушалья совершила все необходимые подношения богам, а также присутствующим священнослужителям согласно их положению (сноска 2, 229), предлагая масло, гирлянды белых цветов, священное топливо и зерна горчицы, и до конца провела все оставшиеся церемонии. Затем мать Рамы попросила дваждырожденных произнести благословенные молитвы с медом, творогом, рисом и маслом ради счастливого пребывания Рамы в лесу.

Знаменитая мать Рамы раздала дваждырожденным щедрую милостыню и обратилась к Рама:

Пусть благословения, прежде дарованные тысячеглазому богу, благодаря которым он победил Вритру, станут твоими! Пусть благословения, которые Винита даровал Супарне, когда тот отправился на поиски нектара бессмертия, станут твоими! Пусть благословения, дарованные Адити тысячеглазому богу, благодаря которым он сразил Даитьев и обрел амриту, станут твоими! Будь благословлен подобно Вишну несравненного великолепия, сделавшему три шага! Пусть риши, океаны, острова, Веды, миры, стороны света и твои славные подвиги даруют тебе высшие благословения, о могучерукий воин!

С этими словами большеглазая Каушалья просыпала рис на голову своему сыну Рама и нанесла на бровь сандаловую пасту. Затем она сделала амулет (сноска 3, 229) с чудодейственной целебной травой вишальякарани, который завязала собственными руками с магическими заклинаниями. Терзаемая горем, но бодро, с глубоким волнением и дрожью в голосе она обратилась к Рама.

Склонившись над сыном, знаменитая царица положила руки ему на плечи и обняла.

О Рама, – говорила она, – иди с миром и, исполнив свой долг, возвращайся! Дай Бог мне увидеть твое возвращение в Айодхью! Будь в безопасности и благополучии, в полном процветании и счастье, будь на троне, о дорогое мое дитя. Пусть, вернувшись из лесного уединения, ты навеки исполнишь надежды своей юной супруги и мои! Пусть в ответ на мои молитвы сонмы богов, Шива и другие, великие риши, бхуты, суры и змеи, а также четыре стороны света даруют тебе все, в чем бы ты ни нуждался во время своего долгого лесного изгнания, о Рагхава!

Глаза царицы наполнились слезами. Завершив все благоприятные церемонии, она почтительно обошла вокруг Рагхавы. Устремив на него свой взгляд, она снова и снова с нежностью обнимала его. Неоднократно коснувшись стоп матери, Рагхава обошел вокруг нее и, поклонившись много раз, преисполненный славы, простился, направив шаги свои во дворец Ситы.

Глава 26. Рама сообщает Сите о своем решении

Получив благословения матери, Рама, готовый уйти в лес и вернуть своему долгу, вышел на главную дорогу, освящая ее своим сиянием и необыкновенными чарующими достоинствами вызывая трепет в сердцах людей, толпившихся по обеим ее сторонам.

Знаменитая царица Видеха еще не знала о случившемся и размышляла о том, как будет общаться с супругом после его коронации. С радостным сердцем совершив поклонение богам, царица, зная, в чем ее долг, с благодарностью ожидала своего повелителя.

В это время Рама вошел в сверкающую обитель, заполненную счастливой толпой и скоро появился в покоях Ситы расстроенный, с опущенной головой.

Видя его в горе и печали, Сита, дрожа, бросилась навстречу мужу.

Добродетельный Рагхава не в силах был более скрывать страданий своей души и дал волю печали.

Глядя в его взволнованное бледное лицо, по которому струился пот, Сита с беспокойством спросила:

Что случилось, мой господин? О Рагхава, сегодня взошла звезда Пушья, Луна прибывает, а Брихаспати заняла самое высокое положение; это время, назначенное брахманами, почему ты в печали? Твое прекрасное лицо, не затемненное пологом, чистое, как пена, утратило свое сияние. Две редких *chanwaras*, яркие как, как молочные лебеди, более не развеваются над тобой, освежая твои брови, подобные тысячелепестковому лотосу! О тур среди людей, не слышно более красноречивых и радостных бардов, поющих тебе хвалу. Брахманы, сведущие в Ведах, не смазывают тебя медом и творогом для посвящения. Почему тебя не сопровождают советники, жители города и придворные в роскошных одеждах? Почему церемониальная колесница, запряженная четверкой быстрых коней с золотой сбруей не ожидает тебя? Почему, о герой, я не вижу огромного украшенного слона, подобного горе или темному облаку, который приближался бы к тебе? О знатный воин, я не вижу слуг, шествующих за тобой с тронном, тканом золотом. Закончены ли приготовления к твоей коронации? Лицо твое утратило обычную цветущую красоту, я не вижу в тебе радости.

Потомок Рагху отвечал обеспокоенной царевне:

О Сита, мой почтенный отец изгнал меня в лес! О рожденная в благородной семье, сведущая в своих обязанностях и идущая по пути справедливости, узнай, о Джанаки, почему я сегодня ухожу отсюда. Царь, верный своему слову, отец мой Дашаратха, некогда дал матери Кайкеи два благословения. Сегодня, когда заботами царя должна была состояться моя коронация, она напомнила о данном ей слове и потребовала его исполнить. В этом ее право. Кайкеи потребовала, чтобы отец изгнал меня на четырнадцать лет в лес Дандака, а трон отдал Бхарате. Прежде чем уйти в пустынный лес, я пришел увидеть тебя. В присутствии Бхараты не прославляй меня; в период процветания не должно радостно прославлять соперника, поэтому не говори о моих добродетелях перед Бхаратой. Постарайся даже не произносить моего имени, иначе это помешает тебе жить с ним в мире. Царь в конце концов ему передал бразды правления, поэтому ты должна быть почтительна с ним, о Сита, он станет государем.

Я же исполню слово отца, моего повелителя, и сегодня уйду в лес! Будь мужественна в своей мудрости! Когда я уйду в лес, обитель аскетов, посвети себя духовной практике и посту. Поднимайся на рассвете, поклоняйся богам, согласно ритуалу, затем иди поклонится отцу моему, царю Дашаратхе.

Выражай почтение Каушалье, измученной горем, которая возвела исполнение долга выше всего остального. Будь почтительна со всеми матерями, в равной степени они достойны твоей любви и служения! К Бхарате и Шатругхне, которые дороги мне, как дыхание жизни, относись как к своим братьями и сыновьям. Старайся избегать всего, что может стать неприятно Бхарате. О Ваидехи, он будет царем страны и возглавит династию. Монархи удовлетворены, видя вокруг почет и ревностное служение, но возражения вызывают у них гнев. Цари отвергнут собственных детей, если те пытаются противостоять им, и усыновят чужеземцев, если это в их интересах!

О прекрасная, оставайся здесь подвластной царю, будь послушна Бхарате и посвети себя духовной практике. Я ухожу в великий лес, дорогая и сладостная царевна, но ты оставайся здесь. Последуй моему совету и ни к кому не питай неприязни.

Глава 27. Сита умоляет Раму позволить ей сопровождать его

Сладостная и милостивая Ваидехи с раной на сердце обратилась к своему господину:

О потомок великого царя, о Рама, я не в силах выразить ничего кроме

презрения к тому, что я слышу! Это недостойно воина, царевича, владеющего мечом и пикой! О господин, стыдно и нестерпимо слышать слова твои! О сын знаменитого монарха, отец, мать, брат, сын или сноха наслаждаются плодами своих заслуг и получают положенное. Но жена разделяет судьбу своего мужа, мой долг ясен – я тоже буду жить в лесу! Для женщины не отец, сын, мать, друзья или она сама, а муж в этом мире и в следующем является единственным путем спасения. Если ты сегодня удаляешься в непроходимый лес, о потомок Рагху, я последую по твоим стопам, топча колючую траву куша. Отбросив гнев и зависть, как воду после утоления жажды (сноска 1, 233), немедленно возьми меня с собой, я ничем не заслужила разлуки с тобой, о герой! Женщина должна следовать по стопам супруга, будь то дворец, колесница или небеса! Мои мать и отец хорошо просветили меня во всех моих обязанностях, и нет необходимости настаивать меня в том, как теперь поступать. Я пойду в глубокий непроходимый лес, безлюдный, полный диких зверей и посещаемый тиграми. Я желаю жить в лесу, как прежде жила во дворце моего отца, не имея беспокойств в трех мирах и размышляя лишь о долге перед моим повелителем.

Покорная тебе, послушная, живя как аскет в тех пахнущих медом лесах, я буду счастлива рядом с тобой, о Рама, о знаменитый повелитель. Что мне до остальных людей? Несомненно, я сегодня пойду с тобой; никто не удержит меня, о могучий царевич, я твердо решила! Конечно же, я буду есть лишь фрукты и корни, не причиняя тебе беспокойства и всегда находясь рядом с тобой. Я последую за тобой, кушая то, что ешь ты. Все, что я желаю, это насладиться красотой гор, болот и озер; послушная твоим мудрым наставлениям, я буду жить в безопасности. Счастливая, я буду любоваться озерами, полными лебедей и уток, поросшими прекрасными цветущими лотосами, оставаясь рядом с тобой, о герой. Я буду омываться в их водах. В постоянной преданности тебе, о большеглазый царевич, жизнь моя будет полна радости. Сотни лет мы проведем вместе и я никогда, даже на мгновение не почувствую усталости. Мне не нужны небеса; на самом деле, без тебя я не стану жить даже в раю, о Рагхава, о тигр среди людей, я не могу запретить себе сделать это. Я пойду с тобой в непроходимый лес, полный оленей, обезьян и слонов. Я буду жить в лесу, словно в отцовском доме, у твоих благословенных стоп. Ты единственный объект моей любви и всех моих мыслей; расставшись с тобой, я не смогу жить. Возьми меня, о дорогой мой господин, исполни мое желание, я не буду тебе в тягость!

Так говорила добродетельная Сита, но царевич, вопреки ее желанию, пытался отговорить ее, описывая полную трудностей жизнь в лесу.

Глава 28. Рама пытается отговорить Ситу

Предвидя опасности, Рама не хотел брать Ситу с собой, и теперь пытался утешить ее, стоявшую перед ним с глазами, полными слез:

О Сита, ты родилась в благородной семье и всегда была верна долгу.

Продолжай исполнять его, этим ты порадуешь меня. О нежная Сита, сделай, как я говорю. Жизнь в лесу полна опасностей, послушай, я опишу их тебе. О Сита, оставь идею жить в лесу, это Антара (сноска 1, 235). Я говорю ради твоего блага. Я не знаю никого, кто был бы счастлив в лесу, это сулит лишь горе. Там всегда слышно устрашающее рычание львов, обитающих в пещерах, которое сливается с грохотом водопадов; лес таит в себе много опасностей.

Везде бродят дикие звери и, увидев человека, яростно нападают на него, о Сита; озера и болота полны крокодилов и совершенно непроходимы даже для слонов во время течи, поверь, жизнь в лесу необычайно опасна. Лианы и кустарники преграждают дорогу, слышны крики павлинов; там нет воды, путь тернист. Ночью измученный усталостью человек вынужден спать на голой земле, постелью ему служат сухие листья. О Сита, день и ночь обуздывая чувства, человек ест фрукты, упавшие с деревьев, поистине, жизнь в лесу причиняет страдания. О Маитхили, он постится до полного истощения, волосы его спутаны, он одет в одежды из древесной коры и по традиции постоянно поклоняется девам, питриям, и оказывает гостеприимство неожиданным привидениям. Омовения нужно совершать трижды в день. О юная царевна, ты должна будешь делать на алтарях подношения цветов, сорванных твоими руками, как это предписывают мудрецы, поэтому я говорю, что жизнь в лесу полна трудностей. Лесной житель довольствуется пищей, которую смог добыть, о Маитхили, лес причиняет страдания. Великие бури настигают лес, окутывают его тьмой среди дня, постоянный голод и другие испытания ожидают меня там. О возлюбленная Сита, бесчисленные змеи и гады всех видов бесстрашно

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
пересекают путь. Змеи, извилистые, как русла рек, в которых они кишат, бесшумно скользят по лесным тропам, – лес так опасен! О хрупкая женщина, мухи, скорпионы, черви, комары и москиты постоянно мучают человека. Кусты, тростник, стелющаяся трава и заросли шиповника преграждают путь, о любимая, поэтому лес причиняет страдания. Болезни и волнения сопутствуют жизни в лесу, поверь, лес таит в себе постоянную опасность. О Сита, там нужно забыть гнев и алчность и среди всех тревог не испытывать страха. Даже не думай идти в лес, это место не для тебя.

Размышляя об этом, я не вижу в лесу ничего кроме опасностей.

Так уговаривал великодушный Рама свою супругу Ситу, не желая брать ее с собой. Но она не в силах была согласиться с его доводами и, преисполненная горя, возражала.

Глава 29. Сита продолжает умолять Раму, но царевич не позволяет ей идти

Выслушав Раму, Сита, преисполненная горя, с лицом, мокрым от слез, мягко обратилась к нему:

Описанные тобой трудности, которые выпадают на долю тех, кто живет в лесу, превратятся в радость благодаря моей преданности тебе. Антилопы, львы, слоны, тигры, шарабхи (сноска 1, 236), яки, шримары (сноска 2, 236) и другие дикие звери в лесу еще не видели тебя, о Рагхава, но однажды увидев, они в ужасе разбегутся! Я должна сопровождать тебя, о Рама по воле моих почтенных родителей; в разлуке с тобой я тут же расстанусь с жизнью. Но близ тебя даже царь богов не сможет силой увести меня, не сомневайся в этой истине. К тому же, о прозорливый царевич, в отцовском доме брахманы предсказали, что я непременно буду жить в лесу. Я слышала то предсказание и всегда помнила о нем, о могучий герой. Я обязательно исполню его. Ты – мой муж, и я буду сопровождать тебя в лесу, о мой возлюбленный, иначе и быть не может. Я подчинюсь этому приказу твоего отца и пойду с тобой; настало время исполнить предсказание дваждырожденных. Я знаю, что пребывание в лесу связано с разными трудностями, но, о герой, они не коснутся того, кто владеет своими чувствами. Когда я была девочкой, благочестивые и святые женщины в доме моего отца описывали лесную жизнь в присутствии моей матери! О царевич, я и раньше умоляла тебя взять меня в лес, где я жила бы с тобой; теперь настал этот момент, о Рагхава, пусть процветание сопутствует тебе! Я счастлива последовать за героем леса. О чистая душа, я останусь безгрешной, благочестиво идя по стопам супруга, потому что муж – это бог. Если смерть постигнет меня, я счастлива буду вечно быть с тобой согласно наставлениям почтенных брахманов. Женщина, которую в этой жизни родители отдали супругу, традиционно благословив ее водой, по закону принадлежит ему даже после смерти. Поэтому, если ты не возьмешь меня с собой, кому я буду преданной и верной женой? О Какутстха, тебе надлежит взять меня, несчастную женщину, преданную и верную в процветании и в беде, для которой радость и боль одинаковы. Если несмотря на мое горе ты не возьмешь меня в лес, я приму яд, брошусь в огонь или утоплюсь!

Сита продолжала настойчиво молить Раму позволить ей идти с ним, но могучерукий воин не соглашался, и слова его разгневали Маитхили, она затопила землю своими жгучими слезами. Добродетельный Какутстха, видя горе Ваидехи, попытался снова успокоить ее и отговорить от своего намерения.

Глава 30. Рама позволяет Сите сопровождать его

Маитхили, дочь Джанаки, которую господин ее Рама уговаривал принять его решение, взволнованная и движимая любовью и гордостью обрушилась на широкоплечего Рагхаву с упреками:

О Рама, отец мой царь Митхилы допустил ошибку, взяв тебя в зятя, ты – женщина в обличье мужчины! Увы, люди по невежеству своему говорят:

“Несравненна слава Рамы, который сияет великолепием, как солнце!” Что вызывает твой страх и почему ты так подавлен, что отвергаешь меня, у которой нет иного прибежища? Моя преданность тебе подобна преданности Савитри, благодаря которой она удержала своего сына Дьютмасену, доблестного Сатьявата! Без тебя я не могу никого видеть и тем более допускать мысль о том, чтобы жить с кем-то, чтобы не навлечь позор на свой род, поэтому возьми меня с собой, о безупречный Рагхава. Юной девушкой я вышла за тебя

замуж и мы долго прожили вместе, но ты бросаешь меня на чужих людей, как низкорощенную актрису, о Рама! Ты оставляешь меня на тех, кто отстранил тебя, и по-твоему я должна быть им покорной слугой и вечной рабой, о безупречный герой? Нет, ты не можешь оставить меня и уйти в лес; если дело в том, жить ли в хижине аскета или в раю, то я желаю быть с тобой! Идя за тобой, я не узнаю усталости, даже если больше не смогу лечь рядом на великолепном ложе. Трава куша, тростник, камыш и терновый шиповник на пути покажутся мягкими с тобой, как трава на лужайке или шкура антилопы! Пыль, которая покрывает меня от быстрого шага, подобна редкой сандаловой пасте, о мой дорогой господин. В глубоком лесу я буду спать рядом с тобой на постели из травы, мягкой, как шерстяное покрывало, что может быть более приятно? Листья, корни, фрукты – что бы ни было, много или мало, все что ты соберешь своими руками и дашь мне, будет вкусным, как амрита! Питаясь цветами и фруктами по сезону, я не буду вспоминать об отце или родительском доме. Я не причиню тебе беспокойств или трудностей, я не буду тебе в тягость!

Рядом с тобой – рай, вдали от тебя – ад, вот в чем истина! Знай об этом и будь полностью счастлив со мной! Если вопреки моему настойчивому желанию ты не возьмешь меня в лес, то лучше мне в тот же день принять яд, чем пасть под власть моих врагов. С твоим уходом жизнь моя станет невыносимой от горя.

Если ты отвергнешь меня, о единственная моя опора, я не выживу, лучше мне умереть, я не в силах сносить боль даже мгновенье. How much less Неужели мне страдать десять лет и еще четыре года?!

Так стенала Сита, охваченная печалью и, горестно сокрушаясь, обнимала своего господина и громко плакала. Раненая словами Рамы, она была подобна слонихе, пронзенной жгучими стрелами, ее долго сдерживаемые слезы хлынули подобно огню, высеченному из кремня. Кристально чистые жгучие слезы катились из ее глаз, как вода из двух лотосов, а лицо, чистое, как незапятнанная луна, увяло от неистового горя, словно лотос без воды.

Рама, взяв бесчувственную Ситу за плечи, попытался привести ее в чувство:

О царевна, небеса не влекут меня, когда ты несчастна, страх неведом мне, я бесстрашен, как саморожденный Брахма. Способный защитить тебя в лесу, я все же не был уверен в твоих намерениях и потому не позволял тебе идти со мной в изгнание. Видя, что ты решила остаться со мной, о Маитхили, я не могу более противиться, как сын не может исторгнуть из сердца любовь к родителям. Тем не менее я должен подчиниться доброму примеру своих предшественников, о дева с бедрами, как бивни слона; следуй за мной как Суварчала за солнцем. О дочь Джанаки, я ухожу в лес не по собственной воле, а послушный отцу. О деви, мой долг – покориться отцу и матери; если я ослушаюсь их, я не смогу жить. Возможно ли почитать невидимое божество, сопротивляясь воле отца, матери или духовного учителя, которые являются божествами, доступными взору? О женщина с прекрасными ресницами, тройной плод сыновней преданности дарует власть над тремя мирами, и нет необходимости очищаться на земле, чтобы достичь небес. Истина, щедрость, оказанное почитание и даже жертвоприношения с раздачей милостыни не столь действенны, как сыновья преданность, о Сита. Если человек преисполнен почтения к своим гуру и родителям, он всего достигнет – рая, богатства, зерна, знания, потомства и славы. Тот, кто неуклонно предан своим отцу и матери, достигает обителей богов, гандхарвов, коров, Брахмы и других.

Я хочу последовать указу моего отца, утвердившемуся на пути справедливости. Это неписанный закон. Я позволю тебе идти со мной, о Сита. Я согласен, чтобы ты вместе со мной жила в лесу Дандака, потому что решение твое непоколебимо! О хрупкая женщина, я позволяю тебе идти со мной, о царевна с нежным взглядом и безупречным телом; следуй за мной, помогая мне до конца исполнить долг, целиком подчинившись моему сокровенному желанию, о Сита, моя возлюбленная.

О женщина с прекрасными членами, возьми с собой то, что пригодится тебе в лесу; теперь вдали от тебя, о Сита, небеса не нужны мне. Раздай свои драгоценности брахманам, а пищу – нищим, которые жаждут ее; поторопись, не медли! Раздай также слугам и брахманам мои драгоценные украшения, богатые одежды, все предметы роскоши и развлечений, мою постель, колесницы и ложе!

Царевна, счастливая согласием Рамы, тут же стала раздавать все, чем они обладали.

Глава 31. Рама позволяет Лакшмане сопровождать его

Лакшмана, присутствовавший при этой беседе, обливался слезами. Не в силах сдержать горя, этот потомок Рагху обнял стопы брата, обращаясь к исключительно благородной Сите и великому Рагхаве:

Поскольку ты решил уйти в лес, полный слонов и ланей, я пойду с тобой; я буду идти впереди с луком в руках. Ты будешь проходить восхитительные леса, где эхо разносит пение птиц и жужжание шмелей, и я буду сопровождать тебя! Вдали от тебя мне не нужны ни обители богов, ни бессмертие, ни власть над мирами!

Так сказал Саумитри, решив жить в лесу, и когда Рама с любовью попытался отговорить его, добавил:

Если ты прежде уже позволил мне, почему теперь не хочешь? По какой причине ты противишься моему желанию? Я озадачен, и хочу услышать твой ответ, о безупречный царевич!

Могучий Рама отвечал Лакшмане, который стоял перед ним, готовый сейчас же отправиться в путь, и молил со сложенными ладонями:

О Саумитри, ты нежен, добродетелен и верен, всегда следуя благородному пути; ты дорог мне, как сама жизнь, ты друг, преисполненный почтения и преданности, но если сегодня ты уйдешь со мной в лес, кто защитит Каушалью и благородную Сумитру? Великий монарх, проливавший на них свою милость, подобно Праджапати, сейчас связан узами страсти. Несомненно, дочь царя Ашвапати, обретя царство, не принесет счастья своим неудачливым соперницам! Она не позаботится о нуждах Каушалы или несчастной Сумитры, так же как и Бхарата, когда вступит на трон, потому что будет под влиянием Кайкеи. Только ты можешь защитить благородную Каушалю, делая этот сам или прося царя о милости, о Саумитри. Сделай это и яви матерям благосклонность царя, о Саумитри. Исполни эту миссию! Так ты выразишь любовь ко мне! Высшая обязанность человека – оказывать почтение гуру, о познавший свой долг! Иди этим путем ради меня, о Саумитри, радость династии Рагху! У моей матери, лишившейся меня, не будет иного счастья.

Выслушав ласковые слова Рамы, Лакшмана красноречиво отвечал:

Несомненно, Бхарата, из-за твоего могущества, о герой, явит свою заботу и расположение Каушалы и Сумитре. Если, наделенный высшей властью негодный Бхарата в своей гордыне не защитит их, я безжалостно уничтожу это безнравственное и жестокое существо со всеми его сторонниками и всеми тремя мирами! Но благородная Каушалья, владелица тысяч деревень, способна управлять бесчисленными воинами, подобными мне. Моя почтенная мать также имеет многочисленных почитателей, готовых защитить ее, так же как и я. Поэтому возьми меня с собой, в этом не будет беды! Этим ты исполнишь мое желание и позаботишься о себе. С моим натянутым луком, лопатой и корзиной я пойду впереди тебя, выбирая дорогу. Я буду все время собирать для тебя коренья, фрукты и другие дары леса, достойные аскета!

Когда ты будешь развлекаться с Ваидехи на равнинах и в горах, я буду доставать все необходимое для тебя, где бы ты ни проснулся или возлег отдохнуть.

Рама, с радостью слушая брата, ответил:

О Саумитри, прощайся со всеми своими друзьями и пошли! Идем сейчас же, и возьми небесное оружие, которое дал царю Джанаке сам великодушный Варуна во время жертвоприношения: два устрашающих лука, непробиваемые доспехи на двоих, колчаны и неистощимые стрелы, два сверкающих, как солнце, меча, чеканных золотом. Все это оружие заботливо хранится в доме моего духовного учителя, о Лакшмана.

Саумитри, твердо решив идти в лес, простился с друзьями и направился к дому духовного учителя династии Икшваку, дабы принести превосходное оружие. Саумитри, тигр среди царевичей, показал Раме все божественные доспехи, искусно выгравированные и украшенные гирляндами.

Увидев вернувшегося Лакшмана, Рама, владеющий собой, сказал:

О Лакшмана, ты пришел в подходящее время! Ты сможешь мне раздать все, что я имею, брахманам, аскетам и дваждырожденным, которые полностью преданы своими гуру, а также наградить всех, кто привязан ко мне. Иди и поскорее приведи сюда сына Васишти, благородного Сауджну, лучшего среди дваждырожденных. Я удалюсь в лес, должным образом выразив почтение всем дваждырожденным.

Глава 32. Рама раздает свое имущество брахманам, друзьям и слугам

Лишь только Лакшмана услышал из уст брата столь приятные ему и благословенные слова, он сразу поспешил в дом Суяджны и, увидев того брахмана в заботах о жертвенном огне, почтительно поклонился и сказал:

О друг, пойдем взгляни на Раму, от которого отвернулась удача!

В полдень Суяджна вместе с Лакшманой направились в великолепную и восхитительную обитель Рамы. Как только Суяджна, сведущий в Веде, вошел, Рагхава и Сита со сложенными ладонями поднялись ему навстречу в знак приветствия, словно это был сам бог огня. Затем потомок Рагхавы передал брахману драгоценные браслеты из чистого золота, бриллиантовые серьги, золотые цепи с жемчугами, ножные колокольчики и браслеты, а также всех видов драгоценные камни. Передав Суяджне эти дары, по просьбе Ситы Рама сказал:

Возьми эти золотые цепи с жемчугами для своей жены, о друг; моя возлюбленная хочет отдать тебе этот пояс. Моя дорогая Сита отправляется в лес и желает отдать твоей жене эти изумительные браслеты и бриллиантовые колокольчики. Ваидехи также с радостью подарит твоему дому ложе, богато инкрустированное драгоценными камнями. Я же дарю тебе слона Шатрумджаю, которого дал мне мой дядя по матери, а также тысячу кусков золота, о тур среди аскетов.

Суяджна принял дары, осыпав Раму, Лакшману и Ситу всеми благословениями.

Затем мягкосердечный Рама обратился к брату, благородному и вежливому Саумитре, словно к Брахме, повелителю трех миров:

О Саумитри, вырази почтение Каушике и Агастье, тем двум исключительным брахманам, и одари их, словно дождь, орошающий урожай; награди их тысячей коров, о могучий Рагхава, а также золотыми драгоценностями, украшенными камнями. Ачарье, который в своей преданности Каушалье проливает на нее свои благословения, который великолепно разъясняет Таттирию (Упанишад) и сведущ в Веде, этому дваждырожденному, о Саумитри, благоразумно предложи колесницу, слуг, а также шелковые одежды. Моему колесничему Читаратхе, который служил мне много лет, дай с избытком редких камней, а также одежды и сокровища, жертвенных животных всех видов и тысячи коров. О Саумитри, восемь колесниц, полных драгоценными камнями, и тысячу коров отдай брахманам, сведущим в Катхе и школах Калапа (сноска 1, 144), тем, кто носит данду (сноска 2, 244) и занят только изучением Веды и не совершает никакой иной работы, кто сидит (сноска 3, 244), наслаждаясь сладкими блюдами, и достоин моего уважения. Каждому из многочисленных Макхалинов (сноска 4, 244), которые служат Каушалье, раздай по куску золота, о Саумитри, и таким образом вырази почтение тем дваждырожденным, которые благословят мать Каушалью в благодарности за мою милость.

Лакшмана, строго следуя наставлениям Рамы, сам раздал дары тем могущественным брахманам, подобным Дханаде. А Рама обратился к своим слугами, которые, сдерживая рыдания, стояли перед ним и которых он хотел щедро одарить богатствами:

Все вы охраняйте дворец Лакшманы и мой, пока мы не вернемся!

Сказав так сторожам, преисполненным горя, Рама повелел своему казначею: "Принеси все мои сокровища!" Слуги сложили перед ним огромное количество драгоценностей, и этот тигр среди героев с помощью Лакшманы раздал те богатства дваждырожденным, молодым и старым, а также нищим.

Туда пришел также облаченный в шафран брахман из семьи Гарги, которого звали Триджата, он тяжело трудился в лесу с киркой и лопатой. Его юная жена собрала своих маленьких сыновей и сказала престарелому брахману:

Муж – это бог для женщины, послушай моего совета, брось кирку и лопату. Иди разыщи добродетельного Раму, несомненно, он тебя чем-нибудь наградит!

Брахман, покоровшись жене, завернул с собой несколько жалких тряпиц и направил свой путь к обители Рамы. Триджата, сиявший как Бхригу или Ангира, вместе с толпой беспрепятственно прошел пять ворот и, приблизившись к Рама, сказал:

О доблестный царевич, лишенный богатства и обремененный многочисленной семьей, я живу тем, что дарует лес; будь милостив ко мне!

Рама шутливо ответил:

Я не раздал еще тысячу коров! Метни свой посох, и я дам тебе столько коров, сколько окажется их между тобой и твоим посохом!

Триджата, покрепче перетянув тряпицами пояс, взял свой посох и изо всех сил метнул его. Посох достиг берега реки Сараю и упал посреди тысяч пасущихся коров и быков. Добродетельный Рама обнял Триджату и повелел, чтобы весь крупный рогатый скот на берегах реки Сараю перегнали к его хижине. Затем Рама с любовью обратился к этому потомку Гарги:

Не сердись, что я пошутил с тобой, о брахман! Я хотел лишь увидеть твою великую силу. Если ты еще чего-нибудь желаешь, воспользуйся этой возможностью. Я говорю искренне, не медли, я обрел все свои богатства, раздавая их аскетам и тем, кто их достоин, это принесло мне славу!

Вместе со своей женой великий муни Триджата с радостью принял бесчисленных коров и одарил великодушного героя всеми благословениями, дабы он увеличил свою славу, могущество, радость и процветание.

Рама продолжал раздавать свое великое богатство, приобретенное доблестью и преданностью, друзьям, следовавшим за ним долгое время с их шумными приветствиями. Ни брахманов, ни друзей, ни слуг или нищих не обошел Рама почтением, вниманием и достойными дарами.

Глава 33. Скорбь людей

Два потомка Рагхавы и Сита, царевна Видехи, раздав брахманам свои несметные богатства, пошли увидеться с отцом. Их сверкающее оружие, перевязанное бечевками, которое Сита украсила гирляндой цветов, несли двое слуг.

Великий шум поднялся на террасах трех- и семиэтажных домов, когда люди увидели эту картину, сердца их преисполнились горя! Не в силах протолкаться на улицах, они забирались на балконы, откуда бросали печальные взгляды на Рагхаву. Видя его пешим, в сопровождении младшего брата и Ситы, толпа горестно сокрушалась:

Тот, кого во всех походах сопровождала армия из четырех воинских соединений, теперь идет лишь с Лакшманой и Ситой! Тот, кто наслаждался высшей властью и мог исполнить любое свое желание, не стал противиться воле отца! Та, что прежде ни на кого не обращала своего взора, даже на птиц, теперь доступна обычной толпе на дороге. Сита, умощенная притираниями и красной сандаловой пастой, теперь подвержена дождю, жаре и холоду, которые скоро лишат ее красоты. Царь Дашаратха оказался под влиянием какого-то злого духа, иначе он никогда бы не изгнал своего любимого сына! Даже если сын вовсе лишен добродетели, как может отец изгнать его, тем более Раму, весь мир покоровшего своими великим достоинствами? Беззлойный, сострадательный, послушный, исполненный героизма, смиренный и владеющий собой – вот шесть добродетелей Рагхавы, этого тура среди людей.

Поэтому подданные глубоко скорбят, лишившись Рамы, словно водные твари в жару, когда пересыхают водоемы. Все потрясены этим ударом правителя мира, как дерево, полное плодов и цветов, лишившееся вдруг корней! Корень человеческого древа – этот добродетельный герой, овеянный славой, а его плоды, листва и ветви – это все остальные люди! Давайте последуем примеру Лакшманы и вместе с нашими женами и родителями безотлагательно пойдем за Рагхавой. Давайте оставим наши сады, поля, дома и пойдем за добродетельным Рамой, деля с ним чашу счастья и горя. Пусть Кайкеи забирает наши дома, лишённые сокровищ, покинутые нами, разрушенные двory, без богатств и зерна,

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
пустые, окутанные тьмой, забытые Богом и заполненные крысами, которые, выбравшись из своих нор, разбегаются повсюду; жилища без воды и дыма, неубранные, где не проводятся более жертвоприношений, подношений, возлияний, где не звучат священные мантры, призывы и молитвы, и где вся утварь разбита, как после стихийного бедствия! Пусть лес, в котором будет жить Рагхава, станет нашим городом, а покинутый нами город превратится в лес! Пусть гады уходят из своих нор, дикие звери и птицы оставляют скалы, слоны и львы бегут в ужасе перед нами, когда мы войдем в лес, и идут жить в заброшенной столице! Пусть Кайкеи со своим сыном и родственниками правит страной, полной травы, оленины и фруктов, которая станет прибежищем змей, диких животных и птиц! Мы готовы жить в лесу с Рагхавой!

Так говорили люди Айодхьи, и Рама, слушая их, не находил слов, чтобы изменить их твердое намерение. Молча он продолжал свой путь ко дворцу царицы Кайкеи, который сиял, как гора Кайлас. Своим мужеством этот великодушный воин походил на слона, опьяненного течкой.

Войдя в царский дворец, прибежище мудрецов и воинов, он увидел безутешного Сумантру, который стоял неподалеку. Понимая горе друга, Рама не подал виду и с улыбкой приблизился к нему, желая еще раз увидеть отца и с преданностью исполнить его волю.

Потомок Икшваку, великодушный Рама, направляясь к царю, преисполненному горя, остановился, увидев его колесничего, охранявшего вход. Преданный долгу и послушный отцу, твердый в своем намерении жить в лесу, Рама обратился к Сумантре:

Сообщи царю о моем приходе!

Глава 34. Рама пытается утешить отца

Темнолицый Рама, чьи глаза напоминали лепестки лотоса, славный своим безупречным нравом, сказал колесничему:

Дай знать отцу о моем приходе!

Сумантра тут же отправился к царю и увидел его стонущего и раздавленного горем. Монарх напоминал погасшее солнце или огонь, покрытый пеплом, или высохшее озеро. Прозорливый колесничий со сложенными ладонями сообщил монарху, чей ум был полностью расстроен, о приходе Рамы, о котором монарх так скорбел, и, обратившись к царю с пожеланиями грядущей удачи, добавил, запинаясь, низким и дрожащим голосом:

Этот тигр среди героев, сын твой Рама, отмеченный исключительной отвагой, стоит у твоей двери. Раздав все, что имел, брахманам и слугам, он хочет видеть тебя; процветания тебе! Простившись со всеми своими друзьями, он готов удалиться в лес и желает проститься с тобой. Он сияет добродетелью, словно солнце в ореоле лучей, о царь!

Достойный и добродетельный монарх, чья пронизательность была глубока, как море, а набожность – как космос, отвечал:

О Сумантра, приведи сюда всех моих супругов, я желаю принять Раму в их присутствии!

Колесничий вышел в женскую половину дворца и сказал:

Почтенный государь ожидает своих цариц, поторопитесь! Женщины, к которым обратился Сумантра от имени царя, покорились воле своего господина. Не менее семисот женщин, верных своим обетам с глазами покрасневшими от слез, окружали медленно шествующую Каушалю.

Взглянув на своих жен, могущественный монарх сказал колесничему:

О Сумантра, пригласи моего сына! Через минуту колесничий вернулся вместе с Рамой, Лакшманой и Маитхили и приблизился к царю.

Царь, увидев сына, почтительно остановившегося на расстоянии со

сложенными ладонями, поспешно сошел с трона и, преисполненный горя, окруженный женщинами, бросился ему навстречу. Достигнув Рамы, царь без

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
чувств упал на пол, терзаемый мукой.

Рама и Лакшмана с великой заботой кинулись к царю, от горя потерявшему сознание. Дворец огласился воплями сотен женщин, кричавших “Ах! Увы!”, и звоном их украшений. Рама и Лакшмана, подняв отца на руки, плача, с помощью Ситы положили его на ложе. Через мгновение Рама со сложенными ладонями обратился к царю, который пришел в себя, но тонул в океане горя и слез:

О великий царь, я пришел проститься с тобой! Ты – повелитель всего, взгляни на меня с благосклонностью, прежде чем я удалюсь в лес Дандака!

Позволь также Лакшмане и Сите сопровождать меня, поскольку несмотря на бесчисленные веские доводы они не желают оставаться. Искуши свои слезы, о господин, позволь всем нам – Лакшмане, мне и Сите – уйти отсюда, как это сделали в прошлом дети Праджапати!

Видя, что Рагхава ожидает лишь позволения отправиться в лес, царь сказал:

О Рагхава, поскольку благословения, которые я дал Кайкейи, лишили меня разума, сегодня же стань царем Айодхьи и заключи меня в тюрьму!

Рама, лучший из людей, со сложенными ладонями мудро отвечал царю, своему отцу:

О государь, правь землей тысячу лет; я же буду жить в лесу, поскольку не стремлюсь к трону. Проведя там девять и еще пять лет и выполнив твое слово, я вернусь выразить почтение твоим стопам, о повелитель. Царь, жалобно вздыхая и постясь, связанный своим словом и понуждаемый прямыми требованиями Кайкейи, отвечал любимому сыну:

Ради твоего счастья и процветания, о дорогое дитя, следуй этим путем с безмятежным сердцем, пока не вернешься. Пусть это принесет тебе радость и пусть ты пребудешь в безопасности! Поскольку в своей щедрости и преданности долгу решение твое непоколебимо, о дорогое дитя, радость династии Рагху, не уходи хотя бы до вечера, позволь мне в последний раз насладиться твоим лицом! Проведи эту ночь со мной и своею матерью! Завтра на рассвете все твои желания будут исполнены, ты воплотишь свой замысел. О сын мой, о дорогой Рагхава, ради моего удовольствия ты решился на этот страшный шаг – жить в лесу. Признаться, я не в силах вынести этого, клянусь тебе, о сын мой Рагхава; я обманут женщиной, скрывавшей свою злобу, как зола покрывает огонь! Ты страдаешь от вероломства, которое я совершил под давлением низкой Кайкейи. Неудивительно, что ты, будучи старшим сыном, пытаешься исполнить обет своего отца!

Эти слова несчастного отца глубоко опечалили Раму, так же как и Лакшману, и Рагхава ответил:

О отец, то, что я должен обрести сегодня, кто даст мне завтра?

Поэтому сегодня я должен уйти. Я отрекаюсь от этой земли с ее царством, жителями, богатствами и изобилием зерна. Отдай это Бхарате! Я твердо решил сегодня удалиться в лес! Обещание, которые ты дал Кайкейи на поле битвы, о великодушный царь, должно до конца исполниться! Будь верен своему слову, о царь; я же, послушный твоей воле, буду жить в лесу с дикими зверями в течение четырнадцати лет. Не медля передай царство Бхарате. Я не стремлюсь к короне и не жажду богатства, я хочу лишь исполнить твою волю, о потомок Рагху. Страхни горе и вытри свои слезы; неодолимый океан, царь вод, всегда спокоен. Я не желаю трона, процветания, власти над землей, радостей земных и небесных. Все, что я желаю – это чтобы слово твое было нерушимым и веским, о тур среди людей. Я клянусь в этом тебе именем истины и всеми своими заслугами. О дорогой отец, мой повелитель, справься со своим горем, я не останусь здесь ни на мгновение дольше. Решение мое твердо. Кайкейи изрекла указ: “Рагхава уйдет в лес!”, и я ответил: “Я уйду!” Я намерен исполнить свое слово. Не печалься о царь, мы будем счастливы в лесу, где так много ручных ланей, а эхо разносит пение птиц. Дорогой отец, даже боги почитают отца своего как Бога, поэтому, послушный отцовской воле, я покоряюсь воле Бога.

По истечении четырнадцати лет ты увидишь мое возвращение, о лучший среди людей. Преодолей свое горе, ты должен иссушить слезы, которые потоками катятся из глаз твоих подданных. О тигр среди людей, к чему это уныние? Я

отрекаюсь от столицы, трона и всей страны, пусть Бхарата правит ею! Я покоряюсь твоей воле и удаляюсь в лес, дабы жить там много лет. Пусть Бхарата защищает границы этой земли с ее горами, равнинами, городами, реками и лесами, но твой обет должен быть безоговорочно исполнен. О царь, я не стремлюсь к богатствам и не ищу личной выгоды, я желаю лишь исполнить твою волю. Не горюй обо мне, о безупречный государь. О добродетельный царь, я не желаю этого вечного царства, радостей и даже саму Маитхили, если среди твоих волнений я предаю тебя! Истинность твоего слова превыше всего.

Я буду жить фруктами и кореньями в лесу, глядя на горы, реки и озера. Углубившись в лес с его ароматными деревьями, я буду счастлив и спокоен за себя.

Глубоко опечаленный царь, с великой скорбью обнял своего сына и, теряя сознание, повалился на пол. Все царицы кроме Кайкеи, любимицы царя, залились слезами. Сумантра остолбенел, раздираемый рыданиями. Все потонуло в одном горестном вопле.

Глава 35. Сумантра упрекает Кайкеи

Царь тряс головой, часто вздыхал, заламывал руки, скрипел зубами, с глазами красными от гнева, у него снова начался сильный приступ горя, лицо его утратило свой естественный оттенок. Глубоко расстроенный Сумантра, видя, что творится с умом Дашаратхи, острыми стрелами своих слов пронзил сердце Кайкеи, стоявшей неподалеку. Раскалывая ей душу своим подобным грому обвинением, беспримерным и неумолимым, министр обратился к ней:

О царица, раз ты столь вероломна по отношению к царю Дашаратхе, правителю мира и всех движущихся и неподвижных существ, значит, нет на свете преступления, которое ты не способна была бы совершить! Я полагаю, ты станешь причиной смерти своего супруга и в конце концов всего рода! Своим мерзким поведением ты мучаешь его, непобедимого как Махендра, непоколебимого как гора и неодолимого как океан! Не выражай презрения к Дашаратхе, своему супругу и великодушному повелителю! Желания мужа для женщины стоят тысячи сыновей! Согласно традициям этой династии, старший сын становится преемником отца, а ты пытаешься изменить это и требуешь, чтобы твой сын Бхарата правил землей. Но все мы уйдем за Рамой; ни один брахман не пожелает остаться в твоём царстве, – так безнравственно ты поступаешь! Все мы последуем за Рамой! Отвергнутая родственниками, брахманами и добродетельными людьми, какого счастья ты достигнешь, незаконно захватив трон и явно поправ закон, в котором ты хочешь участвовать, о царица? Удивительно, что земля еще не разверзлась от грубого нарушения, в котором ты виновна, или что ужасные проклятия великих брахмариши, подобные пылающим стрелам, еще не уничтожили тебя, потребовавшую изгнания Рамы! Возможно ли, срубив топором дерево манго и посадив нимб, получить сладкие плоды? Характер ребенок наследует от матери; говорят, что “из нимба мед не течет”. Твоя мать родилась под несчастливой звездой, мы знаем, прежде мы слышали об этом. Великодушный аскет даровал отцу твоему замечательное благословение, благодаря которому он стал понимать язык всех божьих созданий.

Однажды, лежа в постели, отец твой услышал крикливые слова светло-желтого муравья и, разгадав их смысл, громко рассмеялся. Мать твоя разгневалась и пригрозила лишиться себя жизни: “О мой возлюбленный, о царь, я желаю знать причину твоего смеха!”

Монарх отвечал царице: “Если я скажу, почему смеюсь, несомненно, я умру в тот же миг”. Надоедливая царица, настаивая в своем, снова обратилась к супругу: “Я желаю узнать причину, пусть даже ценой твоей жизни; не насмехайся надо мной!”

Подстрекаемый нежно любимой супругой, царь Кекейя рассказал все тому, кто даровал ему благословение, и аскет отвечал царю: “Неважно, умрет ли она или покинет тебя, ничего не раскрывай ей, о царь!” Государь прислушался к этим словами и немедленно изгнал твою мать, став счастливым, как Кувера. Ты тоже, следуя путем зла, ошеломила царя своей порочностью, заставив его вступить на неправедный путь. В народе говорят: “Сыновья ходят на отца, а дочери – на мать”, и я вижу это. Пусть это не относится к тебе; сделай, что говорит тебе царь, исполни желание своего супруга и защити людей, не поддавайся злу и не позволяй супругу своему, подобному главе богов, повелителю земли, допустить эту несправедливость.

Это незаконно, что царь, престарелый монарх Дашаратха с лотосными глазами уступает твоему желанию, хотя он безупречен. Пусть его старший сын, великодушный, бдительный защитник всего живого, верный своим обетам, доблестный Рама примет корону! Ужасное проклятие ты навлечешь на весь мир, о царица, если Рама уйдет в лес и покинет своего отца, царя. Пусть Рама правит царством; оставь свои притязания; только Рагхава вынесет твое присутствие в столице. Если Рама вступит на трон, царь Дашаратха, этот храбрый лучник, сможет удалиться в лес, дабы остаток жизни провести в медитации!

Так жестоко и в то же время мягко Сумантра со сложенными ладонями в присутствии царя пытался вразумить Кайкеи, но царица не позволила страху или жалости тронуть ее сердце, ни один мускул не дрогнул на ее лице.

Глава 36. Министр Суддхартха вразумляет Кайкеи

Потомок Икшваку, раздавленный данным обещанием, глубоко вздохнул и обратился к Сумантре:

О колесничий, пусть могучая армия из четырех воинских соединений, собрав богатства, сейчас же отправляется сопровождать Рагхаву. Пусть прекрасные и красноречивые женщины и богатые купцы украсят свиту юного царевича! Собери всех атлетов, развлекающих нас своей силой, и дай Какутстхе любое оружие, какое он выберет, а также телохранителей, колесницы и охотников, которые знают лесные тропы. Убивая антилоп и слонов и наслаждаясь диким медом и красотой рек, он не будет думать о своем царском положении. Пусть все зерно и собранные мною сокровища хранятся у Рамы, пока он будет жить в лесу. Совершая жертвоприношения в святых местах и раздавая традиционную милостыню тамошним риши, он будет счастлив. Тем временем могучерукий Бхарата будет править Айодхьей. Еще раз я повелеваю тебе окружить благословенного Раму всеми возможными удобствами!

Слова потомка Какутстхи ужаснули Кайкеи, она побледнела и чуть не задохнулась от злобы; на грани обморока, с искаженным лицом царица надменно обратилась к царю:

Друг мой, Бхарата не примет царство, лишённое богатств и увеселений, словно бесцветное вино, утратившее вкус!

Царь Дашаратха отвечал большеглазой Кайкеи, крайне высокомерно произнесшей столь бесстыдные слова:

О порочная и отвратительная женщина, взвалившая на меня столь тяжкое бремя, почему ты продолжаешь мучить меня? Как далеко еще ты зайдешь в своих желаниях?

Эти слова негодования только удвоили гнев Кайкеи, и она сказала:

Я слышала, в вашей династии царь Сагара сослал своего старшего сына Асаманджаса в лес; пусть и Рама идет точно так же!

Негодная! – крикнул царь Дашаратха, и все вокруг устыдились, но царица оставалась непреклонной.

И тогда престарелый министр по имени Сиддхартха сказал Кайкеи:

Асаманджас взял маленьких детей, которые играли на улице и, злобно развлекаясь, бросил их в реку Сараю. Царь спросил своих подданных:

“Что ужаснуло вас?” и они отвечали: “У Асаманджаса помутился разум и он бросил наших детей в реку Сараю, когда они развлекались своими играми. Эта жестокость доставила ему великую радость”. Услышав это, монарх изгнал виновного сына ради удовлетворения своих граждан:

Немедленно погрузите его вместе с женой на повозку и отправьте в лес, где он проведет оставшуюся жизнь.

С корзиной фруктов в руках Асаманджас бродил по крутым горам, как преступник. Вот почему добродетельный царь Сагара изгнал его. Но что плохого сделал Рама, за что его сослать в лес? Мы не видим в Рагхаве ни единого недостатка, как невозможно найти пятна на безупречной луне! Тем не

мене, о царица, если ты знаешь какой-то порок в Рагхаве, скажи о нем, и Рама уйдет в лес справедливо. Изгнать того, кто невинен и идет праведным путем, столь порочно, что самого Шакру лишило бы великолепия! Не завидуй процветанию Рама, о прекрасная царица, наоборот, берегись всеобщего осуждения!

Выслушав Сиддхартху, царь слабым и глухим от горя голосом сказал Кайкейи:

Ты пренебрегаешь словами моего министра, о порочная, потому что не знаешь, что сулит благо тебе или мне; опускайся все ниже, идя путем зла; ты дурно ведешь себя, отступив от истины! Я сегодня же последую за Рамой, отказавшись от царства, великолепия и богатства. Правь вместе с Бхаратой и наслаждайся царством в свое удовольствие!

Глава 37. Рама, Лакшмана и Сита надевают одежды из древесной коры. Васиштха пытается отговорить Ситу от ее намерения

Выслушав речь министра, Рама, преисполненный почтения, сказал царю:

Я отрекся от всех удобств, дабы жить в лесу, поддерживая себя тем, что можно там найти; о государь, зачем мне армия и все остальное, если я покинул общество людей? Тот, кто приносит в жертву ценного слона, не позволит себе сожалеть о его подпруге; куда использовать сбрую, лишившись слона великой цены? О лучший среди людей, о повелитель земли, зачем мне армия? Я лишился всего; пусть принесут мне лишь одежды из древесной коры; пусть принесут мне только две вещи – лопату и корзину, которые пригодятся мне все четырнадцать лет, что я проведу в лесу.

В тот же момент Кайкейи в присутствии всего собрания сама бесстыдно подала Рагхаве древесную кору: “Одень ее!” И этот тигр среди героев, взяв два куска коры, снял с себя дорогие наряды, дабы облачиться в одежду аскета.

Затем Лакшмана снял свои дорогие одежды и в присутствии отца наделся монахом.

Сита, облаченная в шелк, вздрогнула, увидев приготовленную для нее древесную кору, словно лань, заметившая силок охотника. Со смущением и негодованием Джанаки приняла из рук Кайкейи два вида одежды, сделанной из травы куша, и глаза ее наполнились слезами. Верная долгу, она обратилась к своему господину, который напоминал царя гандхарвов:

Как аскеты, живущие в лесу, носят свою кору?

Не ведая о тех обычаях, Сита никак не могла закрепить на себе эту одежду. Поместив вокруг шеи один конец, дочь Джанаки держала в руках другой и беспомощно стояла в замешательстве, пока Рама, лучший среди добродетельных людей, не подошел и сам не завязал кору поверх ее шелковых одеяний.

Видя, как знаменитый Рама помогает Сите одеть кору, женщины во внутренних покоях разразились слезами и горестно обратились к Рама безграничной славы:

О дорогое дитя, почтенная Сита не создана жить в лесу; послушный воле отца ты надолго уходишь, но позволь ей остаться с нами, нам в утешение, о господин! Иди в лес с Лакшманой, взяв его своим спутником, о дорогой сын; эта хрупкая царевна не способна жить в лесу, как отшельница! О дитя, яви нам свою милость, пусть прекрасная Сита останется. Верный своему долгу с этого дня ты не желаешь жить здесь!

Слушая женщин, сын Дашаратхи помог настаивавшей на своем Сите одеться. Когда она предстала в двух кусках коры, духовный учитель царя, Васиштха, плача, попытался отговорить ее, и сказал Кайкейи:

О надменная, бесчувственная царица, о оскорбительница рода, ты обманула царя и теперь перешла все пределы! Нет, божественная Сита не должна идти в лес, о бесстыдная женщина, пусть она правит вместо Рама!

Жена – половина мужа, это та вторая половина, которая правит царством. Если Ваидехи уйдет в лес вместе с Рамой, мы пойдем за ними, так же как и весь город. Стражники, охраняющие внутренние покои, пойдут за Рагхавой и его супругой, так же как и все царство с его сокровищами и городами, полными людей. Бхарата и Шатругхна, тоже надев древесную кору, будут аскетами жить

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
вместе со своим старшим братом, Какутстхой. Оставайся одна с деревьями и правь царством, лишенным людей, о порочная женщина, всем принеся разрушение. Знай, царство, где Рама – не царь, не царство! Лес станет истинным царством, поскольку там будет жить Рама! Бхарата не захочет править империей, которую отец никогда не давал ему, как не станет жить под твоей опекой, если он воистину царский сын! Даже если ты убежишь на край земли или неба, он не поступит иначе, потому что хорошо знает обычаи своего рода!

Из материнского честолюбия пытаюсь возвысить своего сына, ты оскорбляешь его, поэтому во всем царстве не останется никого, все пойдут за Рамой! С этого самого дня, о Кайкейи, ты будешь видеть только стада овец, тигров, оленей и птиц, которые следуют за Рамой, даже деревья будут клониться в его сторону!

Поэтому о царица, надень на свою сноху драгоценные камни и позволь ей взять с собой прекрасные колесницы, слуг, одежды и все необходимое, чтобы жить с Рагхавой в лесу.

Пытаясь защитить Ваидехи, Васиштха сказал:

О дочь царя Кекайи, ты требовала, чтобы Рама жил в лесу аскетом, но это не касается Ситы!

Так говорил лучший среди аскетов, духовный учитель царя непревзойденного могущества, но Сита осталась тверда в намерении служить своему возлюбленному господину.

Глава 38. Рама просит отца покровительствовать Каушалье

Видя Ситу в одеждах из древесной коры и словно лишившуюся опоры несмотря на присутствие мужа, люди сказали царю: “Горе тебе!” Среди этого шума монарх, потомок династии Икшваку, горячо вздыхая, обратился к супруге своей Кайкейи:

Эта прекрасная юная царевна, привыкшая к покою и роскоши, не сможет жить в лесу; мой гуру говорит истину. Кому и чем причинила зло эта благословенная дочь самого добродетельного из монархов, что теперь она должна надеть на себя древесную кору и жить в чаще леса, словно темный аскет? Пусть дочь Джанаки снимет эту кору, я никогда не позволю ей надеть ее!

Если хочет, царевна может идти в лес, но обеспечив себя всем необходимым и сверкающая драгоценностями. Суровая необходимость заставила меня отдать столь жестокое распоряжение, но я не в силах вынести его. Ты в своем безумии вытребовала этого! Знай, этом ты не добьешься блага, как цветы бамбука высушивают его (сноска 1, 259)! Допустим, Рама чем-то провинился перед тобой, но в чем ты упрекаешь Ваидехи, о злобное создание? Что сделала тебе дочь Джанаки с глазами, как у лани, всегда мягкая, достойная почитания?

В угоду тебе мы изгнали Раму, о порочная, почему же ты умножаешь наши муки? Разве я не подтвердил приказ, который ты при мне дала Раме, когда он пришел сюда, готовясь к коронации? Ты не боишься пойти в ад, требуя большего и заставляя Маитхили надеть кору?

Несчастный царь Дашаратха не видел предела своему горю и, сокрушаясь о сыне, без чувств повалился на пол.

Рама, готовый отправиться в лес, отвечал отцу со склоненной головой:

– О добродетельный царь, моя почтенная и престарелая мать Каушалья не может поступить неуважительно и потому не обращалась к тебе, но изгнание мое ввергло ее в океан горя! О великодушный государь, до сих пор она не знала страданий; заботься же о ней с удвоенным вниманием. О царь, могуществом не уступающий Индре, утешь мою мать, для которой я был единственной отрадой, дабы в мое отсутствие она от горя не рассталась с жизнью и не ушла в обитель Ямы.

Глава 39. Они готовятся уйти в лес

Услышав слова Рамы и видя его в одеждах аскета, царь и его супруги были

потрясены. Преисполненный горя монарх не смел взглянуть на Рагхаву, он не в силах был поднять на него глаза или произнести хоть слово. Теряя сознание и снова приходя в себя, царь сокрушался о Раме:

– Наверное, прежде я лишил многих живых существ их потомства или навредил им чем-то, если сейчас оказался в таком положении. Несомненно, еще не пробил час, чтобы жизненный воздух покинул мое тело, раз измученный Кайкейи я не чувствую приближения смерти, но вижу моего сына, который, подобно Павাকে, стоит передо мной, сбросив с себя богатые одеяния и облачившись в одежды аскета. Одним этим поступком Кайкейи, преследующая только собственным благом, навлекла на всех людей несчастье!

Вздыхая, теряясь и крича “Рама! Рама!” царь не в силах был продолжать.

Придя в себя через некоторое время он с глазами полными слез сказал Сумантре:

– Запряги лучших коней в мою колесницу и отвези Раму, этого великого героя, к границам царства. Добродетельные люди теперь скажут: “Такова награда за добродетель: хороший человек изгнан в лес своими отцом и матерью!”

По воле царя Сумантра быстро запряг коней в богато украшенную колесницу и пошел за Рамой. Со сложенными ладонями он обратился к царевичу, сообщая, что колесница, инкрустированная золотом и запряженная лучшими скакунами, ожидает его.

Безупречный царь призвал своего казначея и, зная время и обстоятельства, распорядился:

– Принеси всю необходимую богатую одежду и драгоценности для Ваидехи!

Слуга повиновался и скоро вернулся с одеждой для Ситы. Прекрасная Ваидехи, готовая отправиться в лес, украсила свои безупречные члены драгоценностями, своими пышными одеждами осветила весь дворец, словно восходящее солнце, озаряющее небесный свод.

Царица Каушалья обняла Маитхили и поцеловала в лоб, а потом обратилась к ней, деве безупречного нрава:

– Во всех мирах порочные женщины, даже нежно любимые, отвергают своих супругов, когда удача отворачивает от них. Такова природа тех, кто изведав величайшее наслаждение, осуждает или даже покидает мужей своих в беде. Порочной природы, презренные и бессердечные, эти злобные женщины в один миг безжалостно разрывают хранимые прежде узы. Ни семейная забота, ни доброе отношение, ни мудрость или богатство, ни даже привязанность не удерживают сердца такой женщины, лишенной любви. Но добродетельные, верные долгу, справедливые, послушные и почтенные видят в своих покровителях высший путь спасения. Поэтому не покидай моего сына, хоть он изгнан в лес; в горе или радости он – бог для тебя.

Сита, понимая глубокий смысл этих слов, созвучных долгу и сулящих благо, отвечала своей свекрови, стоя перед нею со сложенными ладонями:

– Я сделаю все, что бы ни повелел мой господин; я знаю свои обязанности перед мужем, нет необходимости наставлять меня. О прекрасная, не сравнивай меня с обычной толпой; я не способна пренебречь своим долгом, как Прабха – покинуть Чандру (сноска 1, 261)! Как вина не может звучать без струн, а колесница – ехать без колес, так жена не ведает счастья без мужа, даже имея сто сыновей! Отец, брат и сын приносят счастье, но муж – это источник безграничной радости. Как же могу я, о царица, услышав от тебя о тех исключительной добродетели женщинах, попать свои многочисленные обязанности или проникнуться презрением к моему повелителю, которого почитаю как бога?

Тронутая словами Ситы, чистосердечная Каушалья позволила слезам радости и горя покатиться по своим щекам, и добродетельный Рама, глядя на нее, окруженную почтением, в присутствии других цариц со сложенными ладонями обратился к матери:

– Дорогая мать, не нужно предаваться скорби, позаботься о моем отце; изгнание мое скоро закончится, эти четырнадцать лет пролетят для тебя, как

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
сон, и ты увидишь меня в кругу друзей на вершине счастья!

Утешив мать, Рама обратил свой взор на триста пятьдесят супруг своего отца и со сложенными ладонями согласно дхарме сказал тем царицами, охваченным горем:

– Если я, живя среди вас, чем-то не хотя обидел кого-то, прошу, простите меня!

От этих смиренных слов, исполненных благородства, царицы опечалились еще больше и подняли дикий вой. Дворец Дашаратхи, этого индры среди людей, прежде оглашавшийся ударами гонгов и барабанов, словно раскатами грома, теперь наполнился воплями и причитаниями.

Глава 40. Отъезд Рамы

Рама, Сита и Лакшмана со сложенными ладонями коснулись стоп царя и печально обошли вокруг него. Простившись с монархом, добродетельный Рагхава, сопровождаемый Ситой, отдал дань почтения матери, разбитой горем; Лакшмана, также следуя за Рамой, выразил почтение Каушалье и коснулся стоп своей матери, Сумитры.

Желая сыну счастья, Сумитра, поцеловав его в лоб, сказала доблестному Лакшмане:

– Хорошо, что ты будешь жить в лесу, что ты так предан своим друзьям! О сын мой, никогда не покидай Раму, своего брата, все четырнадцать лет, куда бы он ни пошел. В беде ли, в радости, он – твое прибежище, о безупречный царевич; в этом мире воистину добродетельные почитают старших; в традициях этой семьи не только раздавать милостыню и проводить жертвоприношения, но так же отдавать жизнь свою в сражении.

Сказав так Лакшмане, целиком преданному Рагхаве, Сумитра воскликнула:

– Иди, иди!

И добавила:

Знай, отныне Рама заменит тебе Дашаратху, дочь Джанаки, меня, а лес – Айодхью! Иди, сын мой, пусть удача не покидает тебя!

Сумантра, с великим почтением поклонившись Какутстхе, словно Матали

Васаве, сказал:

– Взойди на колесницу и будь счастлив, о знаменитый царевич, о Рама, я отвезу тебя, куда ты пожелаешь. Начиная с сегодняшнего дня ты должен четырнадцать лет провести в лесу, если покоряешься воле царицы!

Сита первой с радостным сердцем взойшла на колесницу, сияющую как солнце; эта прекрасная дева была в богатых одеждах. Царь Дашаратха повелел положить в колесницу все виды оружия и доспехов для двух братьев, а также лопату и шкуру антилопы. Затем Рама и Лакшмана поднялись на эту сияющую как огонь колесницу, украшенную золотом шамикара. Как только они сели вместе с Ситой, Сумантра с размаху хлестнул своих превосходных коней, быстрых, как ветер.

Рама отправлялся в долгое изгнание в бескрайний лес. Весь город охватил ужас, люди и животные преисполнились волнения, слоны опьянели от течи, а кони ржали из-за великого бедствия. Все жители Айодхьи вместе с детьми и стариками, безутешные, бежали за Рамой, как истомленный жаждой человек бежит к воде. Огромное людское море волновалось вокруг колесницы, впереди нее и сзади, все лица были мокры от слез. Сквозь рыдания люди кричали Сумантре:

– О колесничий, поддержи коней! Правь медленно, медленно! Мы хотим увидеть лицо Рамы, потому что скоро мы лишимся его! Несомненно, сердце матери Рамы сделано из железа, раз оно не разорвалось, когда этот герой, подобный потомку богов, отправился в лес! Верная долгу Ваидехи последовала за своим господином, словно тень. В своей преданности долгу она более не покинет его, пока солнечный свет освещает гору Меру! Ах! Лакшмана, ты достиг цели своей жизни, потому что сопровождаешь брата, прекрасного, как бог, чьи

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
слова всегда дружелюбны. Ты воистину мудр и радость твоя велика; идя вслед за Рамой, ты проложишь себе путь на небеса!

Не в силах сдержать слез, люди шли за возлюбленным потомком Икшваку.

Царь, окруженный плачущими супругами, смотрел из дворца.

– Я хочу еще раз увидеть моего возлюбленного сына! – воскликнул он, и женщины, слыша это, разразились воплями, словно слонихи, видя, что их великий слон в плену. Отец Рамы, царственный и престарелый потомок Какутстхи, лишился своего великолепия, словно полная луна в период затмения.

Благословенный Рама, сын Дашаратхи, непостижимая душа, поторопил колесничего:

– Быстрее! Быстрее!

Если Рама кричал: “Гони!”, то толпа ревела: “Стой! Остановись!”, – и колесничий не знал, как поступить. Как только могучерукий Рама вырвался вперед, толпа в слезах повалилась в пыль, поднятую его колесницей. Изнуренная рыданиями толпа сокрушалась об уходе Рамы и кричала в величайшем горе: “Увы! Увы!” Слезы женщин превратились в потоки, словно вода, стекающая с лотосов, когда прыгает рыба.

Видя город, погруженный в печаль, знаменитый монарх от горя потерял сознание, подобно дереву, вырванному с корнем. Великий вопль скорби раздался у Рамы за спиной, когда люди увидели монарха своего без сознания, на вершине горя. Видя, как царь плачет среди своих супругов, некоторые в сострадании звали: “О Рама!”, а другие: “Каушалья!” – и Рагхава, обернувшись, увидел царя, обезумевшего от горя, и мать свою, бежавшую за ним по дороге.

Словно жеребенок, не способный последовать за своей матерью, Рама, связанный узами долга, не в силах был этого вынести и, глядя на них, пеших, прежде всегда возвышавшихся на колесницах, не ведавших беды и привыкших к счастью, он крикнул колесничему:

– Гони скорей!

Этому тигру среди людей невыносимо было видеть своих жалких отца и мать, как слон не может стерпеть ударов стрела. Словно корова, бегущая к своему теленку, запертому в сарае, Каушалья бежала за колесницей и, плача, кричала: “Рама, Рама, о Сита, о Лакшмана!” И Рама пристально смотрел на свою мать, кружившуюся из стороны в сторону, как танцовщица.

– Стой! Стой! – кричал царь.

Вперед, вперед! – кричал Рагхава, и Сумантра не знал, что делать, как воин, оказавшийся меж двумя противоборствующими силами.

Тогда Рама повелел:

– Испытание это умножает мое страдание вне всяких пределов, я не могу его вынести! Скажешь царю, что ты не слышал его, если он станет упрекать тебя!

Колесничий, послушный воле Рамы, стегнул коней, оставил позади толпу и понесся, как ветер. Люди, мысленно кланяясь этому герою, застыли, провожая его глазами.

Советники царя Дашаратхи сказали:

– Не нужно далеко провожать друга, если желаешь его возвращения!

От этих слов монарха, наделенного всеми добродетелями, прошибло потом, черты его исказились. Во власти горя он остановился вместе со своими супругами, устремив потухший взгляд вослед ушедшему сыну.

Глава 41. Вся природа оплакивает уход Рамы

Как только этот тигр среди людей, отдав поклон с почтительно сложенными

ладонями, удалился, женщины во внутренних покоях дворца подняли великий плач:

Куда он ушел? Он был прибежищем, путем и покровителем своих подданных, теперь оставшихся без защиты, слабых и несчастных. Где он теперь, никогда не проявлявший гнева, разрешавший всякое непонимание, способный умиловать всех, кто несет бремя выпавших на их долю страданий? Знаменитый и великодушный царевич, относившийся к нам с таким же почтением, с каким он почитал свою мать, куда он ушел? Где этот защитник всего мира, ныне изгнанный в лес своим отцом, понуждаемым Кайкейи? Увы! В своем безумии царь, разрушитель всего живого, изгнал верного и добродетельного Раму в лес!

Так сокрушались все царицы, словно коровы, покинутые своими телятами, издавая пронзительные вопли. Слыша эти душераздирающие унылые крики из внутренних покоев, монарх, глубоко потрясенный уходом сына, сильно страдал.

С того момента, как Рама ушел в лес, никто не разводил жертвенного огня, в домах не готовили пищу, случилось солнечное затмение, слоны швыряли куски пищи, лишь взяв ее в рот, коровы, не желая кормить своих телят, не подпускали их к себе. Тришанку, Лохитанга, Брихаспати, Будха и другие планеты, чей путь лежал к луне, встали и приняли неблагоприятное, сулящее беду положение; звезды перестали мерцать, а планеты, утратившие блеск, сошли со своих орбит и едва различались на небесах. Продолжительная яростная буря поднялась в океане, землетрясение крушило города. Все стороны света погрузились во тьму, не было видно ни созвездий, ни планет, ни звезд.

Лишившись основного источника жизни, все жители столицы стали ко всему безразличны, более не принимая пищи и не ища развлечений. Охваченные горем, они глубоко и горячо вздыхали, вся Айодхья пребывала в замешательстве из-за ухода Господа земли.

Лица людей были мокрыми от слез, они бродили близ царской дороги, и среди них не было ни проблеска радости, напротив, все пребывало во власти печали. Ветерок перестал дуть, и охлаждающий лунный свет более не дарил благодати, солнце не давало земле тепла, вся вселенная пребывала в волнении.

Сыновья не заботились более о своих родителях, так же как мужья – о женах, а братья – о сестрах. Все покинули тех, кого любили прежде, целиком погрузившись в мысли о Раме. Друзья Рагхавы обезумели и под бременем своих страданий не могли найти себе места. В ужасе и горе земля со всеми ее горами, лишившись этого великодушного героя, устрашающе содрогалась, как прежде покинутая Пурамдарой. Великое волнение царило в этом городе, полном слонов, воинов и коней.

Глава 42. Плач царя Дашаратхи

Пока видно было облако пыли, поднятой колесницей Рамы, царь не сводил с него пристального взгляда. Не видя более любимого сына безграничной добродетели, царь Дашаратха стоял и смотрел ему вслед, и когда пыль улеглась на дороге, несчастный монарх, сраженный горем, без чувств повалился наземь.

Тогда Каушалья подошла к нему справа, а Кайкейи с тонким станом слева, но царь, наделенный мудростью, добродетелью и благоразумием, увидев около себя царицу, с великим волнением сказал:

О злобная Кайкейи, не касайся меня! Я не желаю тебя видеть! Ты больше мне не жена и не родственница. Я неподвластен тебе, я отрекаюсь от тебя, поправшей мою власть ради своих целей! В этом мире и в следующем я порываю узы, в которые вступил с тобой, взяв твою руку и обойдя жертвенный огонь. Если Бхарата, обретя это нетленное царство, преисполнится радости, пусть он не приближается к моему погребальному костру!

Божественная Каушалья, преисполненная горя, помогла царю, покрытому пылью, подняться. Добродетельный монарх, думая о сыне, чувствовал полное опустошение, словно человек, убивший брахмана или сунувший руку в огонь.

То и дело оглядываясь, он останавливался и смотрел на следы колесницы. Лицо его было темным, словно солнце, сокрытое Рагху (сноска1, 268).

Горестно думая о возлюбленном сыне, понимая, что он изгнан из города, царь сказал:

Я вижу следы от копыт тех превосходных коней, что унесли мое дитя, но я не вижу того великодушного героя! Лучший среди моих сынов, он спал в роскоши на покрывалах, окропленных сандалом. Тот, кого прекрасные женщины обмахивали опахалами, теперь сидит под деревом, спиной опираясь на ствол, или отдыхает на камне. Несчастный, теперь он будет просыпаться на жесткой земле, весь в пыли и дыша, как бык или слон, взбирающийся на склон холма. С этого дня жители лесов увидят этого длиннорукого героя Раму, который поднимается с земли и бродит повсюду, словно лишившийся поддержки, хотя он является опорой всего мира! Возлюбленная дочь Джанаки, привыкшая к роскоши, изнуренная, будет продираться сквозь тернии; не привыкшая к лесу, она будет жить в постоянном ужасе, слыша устрашающий рев диких зверей, от которого волосы встают дыбом. О Кайкеи, будь довольна, живи в царстве вдовой, потому что я не в силах жить вдали от этого тигра среди людей!

Сокрушаясь, царь, окруженный своими людьми, словно человек, только что совершивший омовение после погребального обряда, вернулся во дворец. Видя, что город с его прекрасными домами и дорогами охвачен горем, что скверы и базары полны изнуренных и скорбящих людей, а царская дорога пуста, царь, думая о Рама и плача, вошел в свой дворец, как солнце входит в облако. Дворец в отсутствие Рамы, Лакшманы и Ситы казался озером, воды которого опустошены змеями Супарна. Монарх, вздыхая и дрожа, прошептал медленно, слабо и печально:

– Скорее отведите меня в покои Каушалы, матери Рамы; больше мне негде искать утешения!

Слуги проводили царя к Каушалы, куда он вступил в полном замешательстве. Сердце его бешено билось и он возлег на ложе. Без двух сынов и невестки дворец казался царю небесами без луны и, великий монарх, воздев руки, громко стenal:

– О Рама, ты покинул нас, твою мать и меня! Счастливы те, кто увидят возвращение Рамы и заключат его в свои объятия!

Наступила ночь, словно пробил час смерти. В полночь царь Дашаратха обратился к Каушалы:

– О Каушалы, я более не вижу тебя, протяни руку, коснись меня. Мой взор, всегда обращенный к Рама, теперь навеки прикован к нему!

Царица, видя монарха, целиком погруженного в мысли о Рама, печально присела рядом и стала плакать и вздыхать, сочувствуя ему.

Глава 43. Плач Каушалы

Каушалы, видя на своем ложе царя, раздавленного горем, и глубоко скорбя об ушедшем сыне, сказала:

– О тигр среди людей, кайкеи излила свой яд на Рагхаву! Со змеиной походкой она будет теперь ходить повсюду, словно змея, сбросившая кожу! Изгнав Раму и достигнув своей цели, она, словно проклятая гадюка, будет все больше и больше мучить меня в этом доме! Если бы Рама остался в городе, идя от одной двери к другой и прося себе на хлеб! Это лучше, чем сделать его ее рабом! Рама лишился трона по прихоти Кайкеи, словно части жертвоприношения, выброшенной священниками ракшасам в полнолуние!

Этот герой, походкой подобный царю слонов, могучерукий, вооруженный луком, теперь удаляется в чашу леса вместе со своей супругой и Лакшманой. Что еще кроме жизни в лесу, остается ему, прежде не знавшему горя, но теперь изгнанному в лес в угоду кайкеи? Оставив все драгоценности, эти юные создания изгнаны в том возрасте, когда должны вкушать все радости жизни!

Как будут они жить в нищете, питаясь лишь фруктами и кореньями? Когда пробьет тот счастливый час, положив конец моим печалям, и я увижу возвращающегося Рагхаву, его супругу и брата? Когда Айодхья, услышав о возвращении этих двух героев, облачится в великолепные гирлянды и знамена и снова расцветет вместе со своими радостными жителями? Когда столица преисполнится счастья, подобно морю на полную луну, увидев тех двух тигров

Рамааяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
среди людей, возвращающихся из своего уединения? Когда этот длиннорукий воин вернется в город Айодхью, везя в колеснице перед собой Ситу? Когда тысячи людей посыпят жареным зерном главную дорогу, по которой будут возвращаться двое моих сыновей, победителей своих врагов? Когда я увижу их, входящих в Айодхью, вооруженных луками, удивительными мечами и сверкающих своими серьгами, словно две горные вершины? Когда те два царевича вместе с Джанаки обойдут город, принимая цветы фрукты из рук юных дев и сведущих брахманов? Когда этот великодушный царевич, согбенный под бременем мудрости и все же молодой как бог, вернется, словно благоприятный и своевременный дождь? (сноска 1, 270) О герой, прежде из жадности я отгоняла телят от их матерей, когда они хотели сосать молоко, но теперь я сама подобна корове, которую лев лишил ее возлюбленного теленка. О тигр среди героев, кайкеи заставила меня вспомнить ту корову, несправедливо разлученную с ее маленьким теленком! Нет, жизнь невозможна без моего единственного сына, украшенного всеми добродетелями и сведущего во всех традициях. Я не в силах жить в разлуке с моим возлюбленным сыном, которого сопровождает Лакшмана, исполненный доблести. Этот огонь разлуки истребит меня, о лучший среди повелителей, как землю, что горит в лучах благословенного Сурьи!

Глава 44. Сумитра утешает мать Рамы

Так сокрушалась Каушалья, самая добродетельная среди женщин, и Сумитра, верная своему долгу, обратилась к ней со словами утешения, созвучными дхарме:

– О благородная женщина, сын твой наделен всеми добродетелями и является лучшим среди героев; почему ты так горестно сокрушаешься и плачешь о нем? Твой доблестный сын, отрекшись от трона, ушел из верности слову великодушного и знаменитого отца. Добродетельный человек после смерти достигает высшей обители, и потому нет нужды сожалеть о благородном Рама, верном своему долгу. Поведение Лакшманы также идеально, потому что в своем служении Рама он безупречен и исполнен сострадания ко всему живому; этот знаменитый герой достоин высшего блага. Даже сознавая, насколько тяжела жизнь в лесу, Ваидехи, привыкшая к роскоши, сопровождает твоего добродетельного сына! Чего не достиг твой сын, живое воплощение дхармы, развернув свое знамя над всем миром? Зная об исключительной святости и великодушии Рамы, солнце не станет испепелять его своими лучами. Во все времена года благоприятные ветры будут освежать Рагхаву своим сдержанным дыханием. Ночью, когда безупречный герой будет спать, луна обнимет его, даря прохладу, словно ласкающий отец. Этот могучий воин, которому Вишвамित्रа отдал божественное оружие, словно Брахма, с удовольствием увидевший повелителя данавов, сына Тимидхваджи, падшим на поле битвы. Этот герой, тигр среди людей, полагаясь лишь на силу своих рук, будет бесстрашно жить в лесу, словно в собственном дворце. Разве земля не покорится ему, от чьих стрел падает враг? Так блажен Рама с его добродетелью, исключительностью и доблестью, который вернувшись из лесного изгнания будет править своим царством. Он – свет солнца, сияние огня, высший правитель среди всех правителей, блеск процветания, изначальная слава, суть земли, божественность богов, главный среди всех живых созданий. Какими качествами он не наделен, где бы он ни жил, в лесу или в городе? Этот бык среди людей скоро взойдет на свой трон вместе с Ваидехи и будет править всей землей, обретя полное счастье. Что невозможно для этого непобедимого героя, который ушел в одеждах из коры, сопровождаемый Ситой, второй Лакшми, и о котором проливают слезы печали жители Айодхьи, уступив натиску горя? Что невозможно для него, сопровождаемого Лакшманой, самым опытным стрелком, вооруженным мечом и стрелами? Ты увидишь его, когда истечет срок изгнания! О царица, оставь свое горе и печаль, я говорю истину!

О безупречная и добродетельная женщина, ты увидишь своего сына, как восходящую луну, который склонит свою голову к твоим стопам. По его возвращении в великой радости ты увидишь его коронованным, и потоки счастливых слез потекут из твоих глаз! Нет причины для горя или печали, о царица, неудача бессильна перед Рамой; скоро ты увидишь своего сына, сопровождаемого Ситой и Лакшманой. Все ищут утешения у тебя, о безгрешная, почему же ты позволяешь печали завладеть твоим сердцем? Тебе не о чем скорбеть, о царица, потому что Рама – твой сын, и никто в мире не превзойдет его на пути добродетели! Видя, каким почетом пользуется Рама среди друзей, ты зальешься слезами радости, как земля умывается ливнями дождей, проливаемыми грудями облаков. Как только твой великодушный сын вернется в Айодхью, он коснется твоих стоп мягкими и нежными руками и, отвечая на его почтительное приветствие, ты заплачешь слезами радости,

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
словно облака, окутавшие горы во время дождей.

Приведя в утешение матери Рама множество истинных доводов, безупречная царица, сладкоречивая и добродушная Сумитра замолчала.

Слушая слова матери Лакшманы, царица Каушалья, супруга Дашаратхи, почувствовала вдруг, что горе ее рассеялось, как осенние облака, лишившиеся влаги.

Глава 45. Брахманы умоляют Раму не покидать их

Хотя царь ради блага своего сына вернулся во дворец, жители столицы, преданные великодушному Раме, герою, продолжали идти за его колесницей, провожая его в лес. Несомненно, этот знаменитый герой, наделенный всеми добродетелями и подобный полной луне, был очень дорог им всем! Но Какутстха, верный обету отца, продолжал свой путь, несмотря на все мольбы людей. Преисполненный любви, благословляя всех взглядом, Рама обратился к подданным отца, словно это были его дети:

– О люди Айодхьи, вашей любовью ко мне я заклинаю вас явить такую же любовь и уважение к Бхарате. Этот добродетельный царевич, радость Кайкеи, будет делать все, что в его силах, он будет приятным и полезным для вас. Несмотря на юность он очень опытен и мягок, он мужествен и станет достойным царем, который защитит вас от опасности. Обладая царскими добродетелями в еще большей мере, чем я, он предназначен для трона; поэтому вы должны покориться своему повелителю. Если вы хотите удовлетворить меня, делайте все, чтобы великий царь не сокрушался более обо мне! Чем сильнее Рама выражал приверженность долгу, тем сильнее люди желали видеть его своим повелителем, и казалось, будто Рама, сопровождаемый сыном Сумитры, тянул за собой жалобно плачущих жителей города на веревках.

Дваждырожденные, почитаемые за их глубокие познания, преклонный возраст и духовное просветление, с трясущимися от старости головами закричали:

– О благородные кони, столь быстро уносящие Раму, стойте, стойте, не бегите дальше ради блага своего господина! Все созданы божьи наделены острым слухом, и особенно кони, поэтому остановитесь, внимайте нашим мольбам! Этого героя чистой души, утвердившегося в добродетели, вашего хозяина, согласно закону нужно вернуть в город, а не увозить в лес. Увидев тех почтенных дваждырожденных жалобно причитающими, Рама тут же сошел с колесницы и вместе с Ситой и Лакшманой пешком направился к лесу. Сострадательный Рама, утвердившийся в добродетели, не в силах был видеть престарелых брахманов, которые пешими шли за колесницей. Глядя на Раму, идущего по дороге, дваждырожденные, обезумев от горя, сказали:

– О Рама, вся община брахманов последует за тобой, своим другом! Взгляни, они несут на своих плечах жертвенники! Здесь пологи, которые мы получили во время жертвоприношения Ваджапея и которые покроют тебя, как облака в конце сезона дождей, о лишенный полога, они защитят тебя от жгучих солнечных лучей, даруя тебе тень. С любовью служа тебе в лесу, мы используем мантры и все, что почерпнули из Веды, о дорогое дитя! В сердцах своих мы носим Веду, как бесценное сокровище. Жены наши останутся дома, исполняя свой супружеский долг! Мы решили следовать за тобой и не изменим своего решения! Если ты остался верен своему долгу, зачем нам спрашивать об этом? Мы идем за тобой по пятам и, кланяясь, молим тебя своими сединами, о безупречный царевич, отчего наши седые волосы стали пыльными, словно перья цапли! Многие брахманы, собравшиеся здесь, начали свои жертвоприношения и их завершение зависит только от твоего присутствия! В своей преданности тебе все движущиеся и неподвижные создания молят тебя вернуться; ответь любовью на их любовь. Деревья, удерживаемые своими корнями, не могут последовать за тобой и кажется, будто, наклоненные ветром, они плачут! Птицы замерли на ветвях и более не ищут пищи, взывая к тебе о сострадании ко всему живому!

Пока дваждырожденные молили Раму вернуться, взору открылась река Тамаса, словно преграждая Рагхаве путь. Сумантра распряг усталых коней и повел их на водопой. Искупав, он пустил коней пастись недалеко от реки.

Глава 46. Рама проводит ночь на берегах реки Тамаса

Остановившись у восхитительных берегов реки Тамаса и взглянув на Ситу, Рагхава сказал Саумитри:

– О сын царицы Сумитры, это наша первая ночь в лесу, пусть счастье улыбнется тебе, пусть наше пребывание в лесу не причинит тебе страданий! Взгляни на девственный лес, полный диких зверей и птиц, укрывшихся в своих логовищах, чьи крики раздаются со всех сторон. Несомненно, в Айодхье сейчас отец мой, мужчины и женщины оплакивают наш уход. Бесчисленные узы связывают людей с царем, с тобой и со мной, о тигр среди людей, а также с Шатругхной и Бхаратой. Я печалюсь о судьбе моих отца и почтенной матери; не ослепнут ли они от слез, не имея вестей о нас? Несомненно, Бхарата, добродетельный и верный долгу, позаботится о моих отце и матери, утешит их добрым словом. О могучерукий воин, думая о сострадании Бхараты, я избавляюсь от беспокойства за отца и мать; о тигр среди людей, ты правильно поступил, решив сопроводить меня, потому что мне нужна помощь, дабы защитить Ваидехи. О Саумитри, я хочу провести ночь близ этих вод; здесь очень красиво и много диких фруктов.

Затем Рагхава обратился к Сумантре:

– О друг, присмотри за конями! Пока Сумантра привязывал коней,

солнце стало клониться к горизонту. Колесничий дал коням достаточно корма и расположился неподалеку. Исполнив вечерние религиозные обязанности и видя, что близится ночь, Сумантра с помощью Саумитри приготовил для Рама постель из листьев деревьев, растущих у берегов Тамасы. Видя, что все готово, Рама лег на новое ложе рядом со своей супругой и, уставший, скоро уснул.

Лакшмана тем временем стал беседовать с колесничим, обсуждая многочисленные добродетели Рама. Так они провели ночь, сидя с Сумантрой на берегу реки Тамаса, и не закончили своей беседы даже когда взошло солнце.

Вместе с Рамой на тех берегах, изобилующих стадами крупного рогатого скота, расположилась на ночь и вся сопровождавшая его толпа.

Поднявшись, знаменитый Рама взглянул на толпу и сказал брату Лакшмане, исполненному добродетели:

– О Саумитри, беспокоясь за нас и побросав свои дома, эти люди спят у подножий деревьев! Они так сильно хотят, чтобы мы вернулись, что скорее расстанутся с жизнью, чем отступятся от этого намерения! Поэтому давай взойдем на колесницу и беспрепятственно продолжим наше путешествие, пока все спят! И тогда жители города Икшваку не будут более проводить ночи под деревьями из-за своей преданности мне! Цари должны избавлять своих подданных от выпадающих на их долю бед, дабы ничто не причиняло им страданий!

Лакшмана отвечал Раме, который казался ему воплощением долга:

– О прозорливый царевич, я согласен с тобой, давай поскорее взойдем на колесницу!

И тогда Рама попросил колесничего:

– О господин, скорей запрягай колесницу, чтобы я мог добраться до леса! Не медли!

Колесничий торопливо запряг коней и со сложенными ладонями сообщил Раме:

– О могучерукий воин, лучший среди ездивших на колесницах, все готово, пусть процветание сопутствует тебе, Сите и Лакшмане!

Рагхава вместе со своими спутниками сел в колесницу, и они быстро пересекли реку Тамасу. На другом берегу доблестный и славный царевич пошел один по широкой дороге, лишенной придорожного кустарника и мелких деревьев, по которой даже самый робкий человек путешествует без опаски. Избегая встречи с жителями города, Рама сказал колесничему:

– Садись на колесницу, о Сута, и отправляйся на север, езжай быстро, а затем возвращайся своей дорогой; постарайся, чтобы жители Айодхьи потеряли мой след!

Колесничий подчинился воле царевича и повернул колесницу (сноска 1, 277).

Два воина, потомки династии Рагху, вместе с Ситой снова вошли на колесницу и, стегнув коней, углубились в чашу леса. Этот великий воин, сын Дашаратхи, направлялся на север, что сулило удачу всему его путешествию.

Глава 47. Толпа обнаруживает, что Рама покинул их

Ночь уступила место рассвету, и жители города, не найдя Раму, замерли от горя, не зная, как поступить. Несчастные, с глазами, полными слез, они искали повсюду, но не могли найти его. Черты их исказились от горя разлуки с Рамой, они жалобно сокрушались:

– Будь проклята эта ночь, что окутала нас забвением! Теперь мы не видим могучерукого Рамы с широкой грудью. Неужели сильнорукий Рама, безупречный в своей доблести, отверг преданных ему людей ради того, чтобы жить аскетом? Лучший в роду Рагхавы, всегда покровительствовавший нам, словно отец, родивший детей своих из собственной поясницы, как мог он покинуть нас и уйти в лес? Лучше сейчас же умереть, отправившись в свое последнее путешествие! К чему нам жизнь без Рамы? Кругом так много сухих веток, давайте взойдем на погребальный костер. Что мы скажем своим друзьям? «Мы провожали этого могучерукого воина, лишённого эгоизма и благодетельного Рагхаву в лес!» Как мы скажем это? Опустошенный город, увидев нас без Рагхавы, впадет в глубокую печаль вместе со всеми женщинами, детьми и стариками. Покинув город вместе с этим великодушным героем, как мы вернемся без него?

Бесконечная скорбь охватила людей, в горе они тянули руки к небу, словно коровы, лишившиеся своих телят. Некоторое время они шли по следу колесницы, оставшемуся на дороге, но скоро след этот неожиданно исчез, что повергло их в еще большую печаль; увидев свежий след, они благоразумно остановились, сказав:

– Увы, что нам делать, судьба против нас!

Сердца их разрывались, когда они возвращались дорогой, по которой пришли, направив шаги свои в Айодхью, охваченную горем. Издали увидев город, они залились слезами горя в разлуке с Рамой. Столица без Рамы утратила свое великолепие и блеск, словно озеро Гаруды, лишившееся змей.

Как небо без луны или море без воды выглядел этот город, которого покинула всякая радость. Они вошли в свои роскошные дома, не различая родных и чужих; удача и счастье отвернулись от них.

Глава 48. Скорбь женщин Айодхьи

Расстроенные, погруженные в глубокую печаль, заливаясь слезами, от горя призывая смерть, покинутые друзьями, обессиленные, они казались утратившими разум. Достигнув своих домов и увидев окруживших их жен и сыновей, они заплакали, черты их исказились. Никто не пытался отвлечься, не было радости; торговцы не выставляли своих товаров, а разносчики не доставляли продуктов на кухни; никто не радовался, призывая утраченную удачу; ни одна мать не была счастлива, беря на руки своего первенца. Во всех домах женщины, встречая плачущих мужей, бросали в них колючими, словно стрекало для слона, упреками.

– Зачем нам дома, мужья, богатства, сыновья или удовольствия, – говорили они, – если мы более не видим Раму? В мире есть только один хороший человек, и это Лакшмана, который вместе с Ситой последовал за Рамой, сыном Какутстхи, и теперь сопровождает его в лесу! Как удачливы реки, омуты, поросшие лотосами, и озера, в чистых водах которых Какутстха будет омываться! Лес с его восхитительными полянами, глубокие реки и горы с их сверкающими вершинами скрасят изгнание Какутстхи. Леса и утесы не станут приветствовать Раму как дорогого гостя, посетившего их. Деревья, покрытые чудесными цветами, отягченные почками, среди которых жужжат пчелы, предстанут перед Рагхавой. Когда наступит лето, горы облачатся в наряды из цветов и фруктов, с любовью маня Раму, с их склонов хлынут кристально чистые водопады, даруя ему радость. Деревья, которыми поросли эти горы, очаруют его! Где Рама, там нет места печали и опасности! Сын Дашаратхи – могучий воин! Пока он еще недалеко от города, позвольте нам последовать за ним; истинную радость приносит лишь тень стоп этого великодушного героя. Он – вождь своих людей, их путь и высшее прибежище. Мы предложим свое служение Сите, а вы отдадите себя на волю Рагхавы!

Так говорили охваченные горем женщины города своим мужьям, а потом добавили:

– В лесу Рагхава умножит ваше счастье! Сита поддержит нашу радость! Кому нужен этот траурный город, полный взволнованных людей, унылых и озабоченных? Если под влиянием Кайкеи царь утратил власть, какое будущее ожидает нас? Какой толк в сыновьях? Зачем богатство? Кого пощадит Кайкеи, оскорбившая свой род, если даже сын и супруг отвергли ее? Клянемся детьми, пока мы живы и она жива, мы не станем жить в царстве слугами Кайкеи!

Возможно ли быть счастливым в обществе столь порочной и злобной женщины, безжалостно изгнавшей царского сына? Все разрушится из-за порочности Кайкеи; вся вселенная без опоры или защиты погибнет.

Несомненно, теперь, когда Рама изгнан, царь не выживет. Со смертью Дашаратхи все тотчас же начнет разрушаться. Вы лишились своих заслуг и отмечены неудачей. Уж лучше выпить яд, оказаться в темнице, следовать за Рамой или искать какое-то отдаленное место, чтобы не слышать более о Кайкеи. Рама со своей женой и Лакшманой изгнаны безо всякой причины; мы теперь в руках Бхараты, как животные в руках мясника. Рама, чей лик прекрасен, как полная луна, чья кожа имеет темноватый оттенок, чьи кости покрыты могучими мускулами, этот победитель своих врагов, чьи руки достигают колен, а глаза напоминают лепестки лотосов, Рама, старший брат Лакшманы, всегда первый приветствовавший других, искренне и мягко, сильный и благожелательный ко всем, чарующий, как луна, этот тигр среди людей, могучий, как слон, опьяневший от сока Мада, этот воин на великой колеснице теперь украсит собой леса, по которым будет бродить.

Женщины столицы, охваченные горем, рыдали, словно в преддверии ужасов смерти. Пока они оплакивали Рагхаву, дневное светило сокрылось и наступила ночь. Очаги не давали света и тепла, не звучали более священные тексты и мантры, столица погрузилась во тьму. С опустевшими рынками, где никто ничего не продавал и не покупал, безрадостная Айодхья, лишившаяся своего защитника, напоминала небо без звезд. Женщины, оплакивая Раму словно изгнанного сына или мужа, предались скорби, умы их расстроились, потому что герой этот был им дороже собственных сынов. Лишенная праздников, танцев и музыки, без тени счастья, с пустыми прилавками Айодхья напоминала высохший океан.

Глава 49. Рама входит в лес

Тем временем Рама, этот тигр среди героев, помня наказ своего отца, ехал всю ночь, пока не наступил рассвет. Поприветствовав первые лучи солнца, он продолжил свой путь, осматривая большие деревни и цветущие леса. Он так спешил, что его превосходные быстрые кони казались ему медленными. Где бы ни проезжал, он слышал, как в каждой деревушке и доме с куском земли люди говорили:

– Горе царю Дашаратхе, позволившему страсти завладеть собой! Ах! Эта греховная и злобная Кайкеи дала обет злым силам! Жестокое создание, лишившись всякого благоразумия, она отдалось бесчестной жизни! Она изгнала в лес добродетельного царевича, исполненного сострадания и прозорливого, обуздавшего свои страсти! Увы! Неужели царь Дашаратха не любил своего сына, что отверг его, которого ни один из подданных ни в чем не мог упрекнуть?

Слушая речи деревенских жителей, повелитель Кошалы преступил границы государства и, переправившись через реку Ведашрути с благоприятными водами, вступил в страну Агастья. Завершая долгое путешествие, он пересек Гаумати, реку с ледяными водами, на берегах которой паслись огромные стада коров и которая текла к океану. Оставив позади Гаумати, Рагхава на быстрых конях пересек реку Сьяндика, которую оглашали крики павлинов и лебедей. Рама показал Ваидехи эти плодородные земли, густо населенные, которыми прежде наградил Икшваку царь Ману. Неожиданно лучший среди людей обратился к почтенному колесничему голосом, напоминавшим опьяненного любовью лебедя:

– Когда еще, вернувшись к моим отцу и матери, поброжу я по этим цветущим лесам, преследуемым рекой Сарау? Я не мог подолгу охотиться в лесах царственных мудрецов, они считали это невозможным в подходящий период. Я не принимал это за обиду. Лучнику (сноска 1, 282) доставляет удовольствие сама погоня, но мне не хотелось этого, пока не настало время моего изгнания.

Так продолжал свой путь потомок Икшваку, сладкоречиво делаясь мыслями с колесничим.

Глава 50. Рама встречается с Гухой

Достигнув границы обширного и восхитительного царства Кашалы, старший брат Лакшманы, прозорливый Рама повернулся в сторону Айодхьи и, выражая почтение со сложенными ладонями, сказал:

– Прощай, о самый процветающий из городов, покровительствуемый Какутстхой! Прощайте, о боги и покровители этого города, живущие там! Исполнив долг перед отцом, пусть я увижу тебя снова и встречу с моими отцом и матерью!

С покрасневшими глазами и лицом мокрым от слез, царевич, подняв свою правую руку, печально обратился к жителям отцовского царства:

– Вы достаточно явили мне свою любовь и внимание; ни к чему продолжать предаваться скорби; возвращайтесь к своим обязанностям!

Толпа, почтительно обойдя вокруг него, медленно рассеялась, и пока они без конца сокрушались, Рагхава скрылся с их глаз, словно солнце с наступлением ночи.

Тигр среди героев, сидя в своей колеснице, пересек границы царства Кошалы, богатого зерном и сокровищами, свободного от всяких опасностей и благословенного, приятного, полного храмов и жертвенных колеи, украшенного гирляндами и манговыми садами, царства, которое пересекают прекрасные реки, населяют процветающие и удовлетворенные люди, которое изобилует стадами, которым управляет индра среди людей и которое оглашено звучанием религиозных текстов.

Лучший среди воинов мужественного сердца вошел в плодородную и улыбающуюся страну, полную восхитительных садов, достойных царей, и увидел небесную Гангу с тремя ее притоками и прохладными чистыми водами, любимую и часто посещаемую мудрецами. Украшенный древними хижинами, стоявшими недалеко друг от друга, прозрачными запрудами, в которых часто играли небесные нимфы, а также девами, данавами, киннарами и гандхарвами, которым служат жены нагов и гандхарвов, холмами, ставшими местом развлечений небожителей, этот священный поток, являющий бесчисленные чарующие картины, украшенный садами богов, в раю называемый «поток золотых лотосов», эта святая река, чьи волны своим гулом напоминают глубокий смех, в своем быстром беге покрывается пеной, белой как снег, радостно несет свои воды и, падая с вершин скал, напоминает девичью косу.

Река украшена прекрасными водоворотами, глубокими и темными, рев ее вод провозглашает присутствие самой Гангаджи. Этот священный поток, в котором плавают и ныряют небожители, украшенный белыми лотосами и окаймленный высокими рельефными песчаными берегами, оглашаемый криками лебедей, журавлей и птиц чакура, по берегам своим порос прекрасными деревьями и покрылся зарослями водяных лилий и лотосов. Иногда его воды, покрасневшие от лепестков лотосов, напоминают прекрасную женщину в малиновом сари, а иногда, сверкая, предстают зелеными, как изумруд. Жемчужно чистая река уносит прочь всякую скверну. Ее густые леса, охраняемые слонами четырех сторон света или могучими вепрями, опьяненными соком Мада, оглашаются трубными звуками огромных животных, носящих на себе богов. Плоды и цветы, молодые побеги и цветущие кусты, бесчисленных птиц можно увидеть близ этой реки, которая берет начало из стоп Вишну, божественной, нетронутой пороком и уничтожающей грехи. Дельфины, крокодилы и змеи плещутся в тех водах, которые стекли с локонов Шивы благодаря духовной силе потомка Сагары (сноска 1, 283) и теперь бежали близ города Шрингавера, где к Ганге подошел могучерукий Рама, слушая крики диких гусей и цапель, оглашавшие ее, супругу океана. Глядя на реку с ее бесчисленными волнами, этот воин на великой колеснице сказал Сумантре:

– Сегодня мы остановимся здесь, недалеко от реки под огромным деревом ингуди (сноска 1, 284), чьи ветви покрыты цветами; давай отдохнем, о колесничий. Здесь я вижу превосходнейшую среди рек, Гангу с ее священными водами, пред которой благоговейт боги, гандхарвы, люди, лани, змеи и птицы. Лакшмана и Сумантра отвечали:

– Быть тому! – и направили коней к дереву ингуди. Рама, светоч династии Икшваку, достиг удивительного дерева и сошел с колесницы вместе со своей супругой и Лакшманой. Вернувшись, Сумантра распряг и отпустил коней, а потом со сложенными ладонями присел близ Рамы у подножия дерева.

Правитель этой страны по имени Гуха, любивший Раму как собственную душу, был могущественным и знаменитым монархом рода Нишада. Узнав, что Рама, тигр среди людей, вступил на земли его царства, он вышел его встречать, сопровождаемый своими престарелыми министрами и родственниками. Увидев приближающегося царя Гуху, правителя Нишадов, Рама вместе с Саумитри пошел ему навстречу. Гуха, преисполненный печали, обнял Раму и сказал:

– О Рама, что я могу для тебя сделать? Пусть это царство станет для тебя второй Айодхьей! О могучерукий воин, возможно ли принять более дорогого гостя?

Затем он почтил царевича, предложив ему аргхью, рис и множество других вкусных подношений и сказал:

– О великий воин, приветствую тебя! Эта страна в твоём распоряжении! Мы – твои слуги, ты – повелитель. Это царство – твоё, повелевай нами. В твоём распоряжении блюда всех видов, сладости и вина, а также превосходное ложе и корм для коней!

Рама отвечал Гухе, обратившемуся к нему:

– О Гуха, ты так почтителен ко мне! Как только царь склонился, чтобы коснуться его стоп, Рама заключил его в тесное объятие и добавил:

– О Гуха, как славно видеть тебя в добром здравии, а также всю твою семью! Все ли благополучно в твоём царстве, с твоими друзьями и лесами? Благодарю тебя за все, что ты по-дружески предложил мне, но я не могу этого принять. Знай, что долг велит мне аскетом жить в лесу, облачившись в древесную кору и шкуру антилопы, питаюсь кореньями и фруктами. Мне не нужно ничего, кроме корма для коней; это единственное, что я могу принять от тебя! Кони эти очень дороги моему отцу Дашаратхе, и я буду счастлив, если они будут сыты.

Гуха велел своим слугам:

– Сейчас же дайте коням корм и воду! Затем Рама, обвязанный корой

(сноска 1, 285), сотворил вечерние молитвы и ритуалы, приняв лишь немного воды (сноска 2, 285), которую принес ему Лакшмана. Когда он лег рядом со своей супругой, Лакшмана омыл ему стопы и сел в отдалении под деревом.

Гуха заботливо охранял Раму с луком в руках, беседуя с колесничим и Саумитри. Знаменитый, добродетельный сын Дашаратхи, великодушный герой, достойный счастья несмотря на удары судьбы, всю эту долгую ночь спал спокойно.

Глава 51. Печальное бдение Лакшманы

Глубоко расстроенный Гуха сказал Лакшмане, который в неустанной заботе о брате не смыкал глаз:

– О друг, для тебя готово удобное ложе, иди отдохни в мире на мягкой кровати, о царевич. Мы привыкли к усталости, но ты приучен к жизни, исполненной радостей; мы будем охранять Какутстху всю ночь. Для меня нет ничего дороже Рамы; я говорю истину! По его милости я надеюсь обрести славу в этом мире, высшую заслугу, а также награду за исполненный долг, принесенную пользу и доставленное удовольствие! С луком в руках вместе со своими спутниками я защищу моего дорогого друга Раму, который уснул рядом с Ситой, от всех опасностей! Нет ничего неведомого в лесу, в котором я всегда брожу и где мы сможем противостоять даже огромной армии из четырех воинских соединений!

Лакшмана отвечал ему:

– Под твоей защитой, о несравненный царевич, верный долгу, нам ничего не грозит, но когда старший сын Дашаратхи вместе с Ситой лежит на земле,

возможно ли мне спать или наслаждаться радостями жизни? Взгляни, тот, кого девы и асуры, объединив усилия, не могут сокрушить в сражении, глубоко уснул на траве, рядом с Ситой! Рожденный родителями силой мантр, умерщвления плоти и многих других героических деяний, сын Дашаратхи единственный походит на своего отца. Теперь, когда этот герой изгнан, царь долго не проживет, и земля овдовеет. Издав душераздирающий вопль, изнуренные женщины упадут в безмолвии; я уверен, глубокая тишина царит во дворце; ни Каушалья, ни царь, ни моя мать не переживут ночь! Даже если моя мать останется жить ради Шатругхны, Каушалья, у которой нет никого кроме сына, не устоит под натиском горя! Город, полный преданных людей, которые даже теперь наслаждаются счастьем, разделив печаль царя, погибнет! Как в отсутствие великодушного сына, своего первенца, жизненный воздух не покинет тела щедрого монарха? Царь не выдержит, и Каушалья тут же погибнет, и тогда моя мать немедленно последует за ней. Не в силах короновать Раму, хотя это было сокровенным желанием сердца, царь покинет этот мир. Когда пробьет тот час, наиболее удачливые окажут все почести моему почившему отцу на погребальной церемонии. После того они будут счастливо жить в принадлежавшем моему отцу царском дворце и городе с его садами и парками, где всегда проводились праздники, с его широкими дорогами, пересекающими весь город, храмами и богатыми домами, чью пышность умножают чарующе танцующие девушки, с его колесницами и слонами, загрозоздившими дороги, и звуками труб. Это обитель всех наслаждений, полная радостных и процветающих людей! Но, может быть, все же Дашаратха останется жить, и мы, вернувшись из лесного изгнания, увидим этого великодушного монарха, верного своим обетам? Неужели проведя в лесу положенный срок, мы вернемся в процветающую Айодхью вместе Рамой, верному своему обещанию?

В скорби провел великодушный и неудачливый царевич ночь, стоя на страже. Царский сын, заботившийся о благе других, продолжал искренне говорить, а Гуха, преисполненный преданности благословенному Раме, охваченный горем и мучимый лихорадкой, сокрушался, словно слон, страдающий от боли.

Глава 52. Рама пересекает Гангу

Ночь уступила место рассвету, и герой с могучей грудью, величайшей славы Рама сказал сыну Сумитры, знаменитому Лакшмане:

– Взгляни, солнце почти взошло и благоприятная ночь прошла! Поет птица кокила темного оперения, слышны крики павлинов, развлекающихся в лесу; о друг, давай переправимся через быстрые воды Джахнави, бегущие к морю.

Саумитри, радость своих друзей, передал слова Рамы Гухе и колесничему, и снова предстал перед братом. Узнав о божественных намерениях Рамы, правитель Нишадов немедленно собрал своих людей и сказал:

– Приготовьте прочный челн с хорошим парусом, а также проводника, который перевезет этого героя на другой берег!

Послушный воле царя, первый министр принес превосходный челн и, сообщив о этом Гухе, со сложенными ладонями обратился к Рагхаве:

– Лодка в твоём распоряжении, о царевич, что еще я могу для тебя сделать? О подобный потомку богов, о тигр среди героев, это судно поможет тебе переправиться через реку, что течет к морю; поспеши же сесть в него, о добродетельный!

Могучий Рама отвечал Гухе:

– Ты исполнил все мои желания, позволь же нам поскорее отправляться!

Пристегнув свои колчаны, опоясавшись мечами и взяв в руки луки, два потомка Рагхавы приготовились вместе с Ситой переправиться через Гангу. Тогда колесничий, поклонившись со сложенными ладонями, с великим смирением подошел к добродетельному Раме и спросил:

– Что мне делать?

Едва коснувшись его правой рукой, Дашаратхи отвечал:

– О Сумантра, поспеши вернуться к царю и служи ему с преданностью. Иди сейчас же, ты исполнил свое служение мне. Покинув колесницу, мы войдем в

лес пешими!

Видя, что Рама отпускает его, несчастный колесничий сказал этому тигру среди людей, потомку Икшваку:

– Никто в этом мире не страдает так от судьбы, как ты; ты должен жить в лесу вместе с братом и супругой, словно обычный человек! Поскольку ты так страдаешь, я не верю более, что жизнь брахмачари и изучение Вед могут принести какой-то плод, так же как доброта и щедрость! О герой, потомок рода Рагху, изгнание в лес вместе с Ваидехи и братом принесет тебе славу, равную победе на трех мирами. Но мы, о Рама, обманутые в своих надеждах, погибнем. Мы падём под влиянием злобной и порочной Кайкеи!

Колесничий Сумантра говорил с Рамой, словно со своим вторым «я» и, видя, что добродетельный царевич все же отправляется, горестно и долго плакал. Справившись с собой, он умылся, ополоснув рот, и Рама мягко обратился к нему:

– Я знаю, что нет никого более преданного Икшваку, чем ты; сделай все, чтобы царь не скорбел обо мне. Монарх обезумел от страданий, он стар; он одержим желанием, и потому я прошу тебя служить ему. Делай все, о чем бы ни попросил государь в угоду Кайкеи, исполни все безотлагательно. Цари носят жезл, как символ царской власти, который позволяет им исполнять все желания. Не позволяй, чтобы этот великий царь встречался с препятствиями, смотри, чтобы он не погиб под бременем горя. О Сумантра, следи за этим!

Царь, старый и благородный человек, властелин чувств, никогда прежде не ведал беды; поклонись ему от моего имени и скажи: «Я не жалею, так же как и Лакшмана; изгнанные из Айодхьи, мы проведем в лесу четырнадцать лет, а потом ты снова увидишь Лакшману, меня и Ситу!»

Вот что ты должен сказать царю и моей матери, о Сумантра, а также другим царицам и Кайкеи. Передай поклоны и пожелания блага Каушалье, поклонись ее стопам от имени Ситы и от меня, поскольку я старший, а также от имени Лакшманы. Затем обратись от моего имени к государю и скажи: «Пошли за Бхаратой и, когда он придет, возведи его на трон! Когда ты обнимешь его и передашь ему царство, ты освободишься от горя, вызванного нашей неудачей!» Скажи также Бхарате: «Относись ко всем моим матерям с таким же уважением, какое ты оказываешь царю! Заботься о Сумитре и божественной Каушалье, моей матери, с такой же любовью, как о Кайкеи. Доставляя радость царю и исполняя все царские обязанности, ты несомненно будешь счастлив в этом мире и в следующем!»

Так Рама наставил Сумантру, и тот, выслушав его, обратился к Какутстхе, которого безмерно любил:

– Будь милостив, прости слова, что я сказал тебе не из лести, а по дружбе и из преданности. О дорогой повелитель, как вернусь я без тебя в город, разбитый разлукой с тобой, словно мать, плачущая о сыне? Увидев твою колесницу пустой, жители еще острее ощутят свое одиночество! Увидев пустую колесницу, город пребудет в горе, как армия, в сражении лишившаяся своего военачальника и увидевшая его вернувшуюся пустую колесницу. Даже в далеком лесном изгнании ты вечно владеешь мыслями людей, которые, помня о тебе, отказались от всякой пищи. Подумай, о Рама, какое страдание причинил людям твой уход, повергнув их в глубокую растерянность. Скорбь их возрастет в сотни раз, когда они увидят меня с пустой колесницей, и что я скажу царице Каушалье? «Я отвез твоего сына к твоему брату, не грусти!» Как произнесу я эту ложь и как передам печальную истину? Послушные моей воле, эти быстрые кони привыкли возить членов твоей семьи – как повезут они колесницу без тебя? Я не в силах вернуться в Айодхью один, о безупречный герой! Позволь мне сопровождать тебя в изгнании! Если ты отвергнешь мою просьбу, я сразу же брошусь в огонь вместе с колесницей. Какие бы препятствия на пути аскетизма ты ни встретил в лесу, я преодолю их с моей колесницей, о Рагхава.

Благодаря тебе я рад быть колесничим и благодаря тебе я обрету счастье, живя в лесу. Даруй мне эту милость, я хочу остаться с тобой; осчастливь меня, произнеся эти желанные слова: «Останься со мной!» Даже кони будут рады, продолжая служить тебе в лесу, о герой! Послушный тебе, я буду исполнять свою основную обязанность, неважно, будь то Айодхья или Девалока. Я не смогу вернуться в Айодхью без тебя, как зло не может проникнуть в

обитель могущественного Индры. Когда изгнание твое закончится, я счастлив буду привезти тебя на этой колеснице в столицу. Четырнадцать лет в лесу пройдут как одно мгновение близ тебя, но без тебя они покажутся вечностью. О дарующий радость своим слугам, ты не можешь отослать меня обратно, я следовал за сыном моего господина, верный долгу и твоему преданному слуге!

Так горячо молился Рама несчастный Сумантра, и Рама с любовью отвечал ему:

– Я знаю, твоя преданность совершенна, о друг своего повелителя, но знай, по какой причине я отсылаю тебя в город. Моя младшая мать Кайкеи будет довольна увидеть тебя и скажет: «Рама ушел в лес». Она перестанет подозревать добродетельного монарха, думая: «Он обманул меня!» Более того, я желаю, чтобы моя младшая мать вкусила вышей власти в лице своего сына Бхараты. Из преданности мне и царю, о Сумантра, возвращайся в город и со всем тщанием исполни мои поручения! Утешив этими словами колесничего, Рама с добрым чувством и силой обратился к Гухе:

– Не должно мне, о Гуха, жить в тех обитаемых лесах! По традиции я должен жить в уединении, в одеждах аскета, совершая аскезы. Я должен выразить свое желание служить отцу Сите и Лакшмане и, спутав волосы, идти дальше. Принеси мне сок дерева ньягродха!

Гуха тут же доставил то, о чем попросил царевич, и Рама смочил древесным соком и уложил волосы Лакшмане и себе. Те двое братьев, могучеруких героев, двое тигров среди людей, облаченные в древесную кору, со спутанными волосами напоминали сияющих риши. Рама, вместе с Лакшманой решивший вступить на путь аскетизма и жить как отшельник, сказал сопровождавшему ему Гухе:

– О Гуха, не оставляй свою армию, богатства, крепости, укрепления и своих подданных, потому что царство не так легко защитить!

Простившись с Гухой, потомок Икшваку вместе с супругой и Лакшманой, не оглядываясь, решительно направился к челну. Желая пересечь быструю Гангу, Рама сказал Саумитри:

– О тигр среди людей, вступи же в лодку, что заботливо приготовлена для нас, но прежде почтительно перенеси туда Ситу! Лакшмана, послушный воле брата, поспешил исполнить все, о чем тот попросил. Прежде всего он помог Маитхили, а потом и сам вступил в челн.

Наконец, сел и старший брат Лакшманы, а Гуха, царь Нишадов, повелел одному из своих родственников грести.

Могучий Рама стал молиться об успехе их путешествия в традициях брахманов и кшатриев. Ополоснув уста, как это велят священные писания, вместе с Ситой и великим Лакшманой он с радостным сердцем отдал дань почтения реке и совершил поклонение. В последний раз Рама махнул Сумитре и Гухе со всей его свитой, а затем, стоя в лодке, приказал гребцам поторопиться, и благодаря их усилиям челн, ведомый опытным проводником и послушный тем могучим гребцам, стал быстро рассекать волны. Когда челн достиг середины Бхагиратхи, безупречная Ваидехи со сложенными ладонями стала вызывать к реке:

– О Ганга, пусть сын Дашаратхи под твоим покровительством исполнит волю своего отца! Пусть он спустя четырнадцать лет вернется вместе с Лакшманой и со мной! О деви, о благословенная Ганга, вернувшись живой и невредимой, преисполненная радости, когда все желания мои исполнятся, я совершу тебе жертвоприношение. О богиня из трех притоков, протекающая через обитель Брахмы и явившаяся на земле супругой царя океана, я кланяюсь тебе и почитаю тебя! Благополучно вернувшись, этот тигр среди людей будет править страной, а я, дабы доставить тебе удовольствие, раздам сотни тысяч коров, а также одежды и вкусные блюда брахманам. О богиня, вернувшись в город, я предложу тебе тысячу сосудов с золотом и жертвенный студень, дабы удовлетворить тебя! Я буду поклоняться всем божествам, которые живут на твоих берегах, а также всем священным местам и святилищам, если этот могучерукий воин, сопровождаемый мною и своим братом вернется из лесного изгнания в Айодхью, о безупречная!

Такие молитвы обращала к Ганге безгрешная Сита, сидя справа от своего господина и стремительно приближаясь к правому берегу реки. Достигнув

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
далекого берега, тур среди людей вышел из челна и сказал любимому сыну
Сумитры:

– О Саумитри, будем вместе защищать Ситу как в людных, так и в пустынных местах! В девственном лесу воины, подобные нам, должны защищать других. Иди вперед, и пусть Сита следует за тобой! Я пойду последним, следя за Ситой и за тобой; о тур среди воинов, мы должны защищать друг друга, хотя еще не имели случая испытать свои силы! Теперь Ваидехи узнает, как трудно жить в лесу. Сегодня она поймет, что лес лишен людей (сноска 1, 293), что здесь нет полей или садов, но только опасности и множество препятствий!

Послушный Рама Лакшмана вышел вперед, за ним последовала Сита, а потом и Рагхава, радость династии Икшваку.

Когда Рама причалил к противоположному берегу и скрылся из виду, престарелый Сумантра, провожавший его печальным взглядом, безутешно заплакал. Великий герой высокой души, силой не уступающий покровителю мира, пересек широкую реку и достиг процветающей земли Ватсов, изобилующей богатыми урожаями.

Два брата застрелили четырех диких животных – борова, рию, пришату и великого руру (сноска 2, 293), отделили те части, которые писания считают чистыми, и приняли немного пищи, расположившись на ночь под огромным фиговым деревом, господином леса.

Глава 53. Рама беседует с Лакшманой

Рама, лучший среди тех, кто дарует утешение, сидел под деревом и, исполнив свои вечерние обязанности, обратился к Лакшмане:

– Это наша первая ночь в девственном лесу; расставшись Сумантрой, мы спокойны; теперь мы должны бдительно охранять покой и безопасность Ситы, которая зависит от нас обоих, о Лакшмана. Давай сегодня устелем землю, чем найдем, и устроимся на ночлег!

Распростершись на земле, Рама, привыкший спать на великолепном ложе, произнес Саумитри такие памятные слова:

– Конечно, о Лакшмана, великому царю будет плохо спать по ночам, пока Кайкеи не утолит своего тщеславия. Не покусится ли царица Кайкеи в своей жажде власти, видя Бхарату коронованным, на жизнь царя? Что делать ему, оставшемуся без защиты, старому, без меня, одержимому страстью к Кайкеи, ее рабу? Размышляя о неудаче этого монарха и его умственном расстройстве, я думаю, что страсть берет верх над истинными интересами человека и чувством долга. Но какой отец, обманутый женщиной, даст волю своим страстям и ради нее изгонит своего сына, о Лакшмана? Хорошо, пусть Бхарата, сын Кайкеи с его нежной супругой будут счастливы, пусть он станет единственным повелителем прекрасной Кошалы! Он один будет править страной, потому что отец наш уже стар, а я изгнан в лес. Его, поправшего свои истинные интересы и долг, постигнет та же злая участь, что и царя Дашаратху.

Мне кажется, Кайкеи пришла в наш дом погубить Дашаратху, изгнать меня и короновать Бхарату, друг мой! Более того, теперь из враждебности ко мне Кайкеи, опьяненная успехом, будет мучить Каушалью и Сумитру. Из-за нас моя мать и царица Сумитра будут глубоко несчастны; поэтому завтра же утром вернись в Айодхью, о Лакшмана! Я останусь в лесу с Ситой. У Каушалы нет защиты, и ты будешь служить ей. Злобная Кайкеи в своей ненависти пойдет на преступление и прикажет отравить мою мать и твою, о добродетельный царевич. Несомненно, в прежней жизни мать моя лишила какую-то женщину сына, раз ее настала такая беда, о дорогой Саумитри. Горе мне, если взрастив и выкормив меня, она лишилась меня, когда ей настало время вкушать плоды служения! О Саумитри, пусть ни одна женщина не родит сына, который подобно мне станет для матери источником постоянного горя! По-моему, Майина, который сказал: «Пронзи стопу врага!», был еще более привязан к своей матери чем я, о Лакшмана. Что я могу сделать для нее, несчастной, у которой нет сына, кроме меня, и который ничем не может ей помочь, о победитель врагов? Конечно же она страдает, лишившись меня, тонет в океане горя. Если бы это касалось меня одного, в гневе я бы пронзил своими стрелами Айодхью и весь мир, о Лакшмана, но это не вопрос доблести.

Я боюсь совершить ошибку по отношению к другому миру, о безупречный воин, и

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
потому отказался от короны.

Долго сокрушался Рама, сидя под тем уединенным деревом, обливаясь слезами горя, и когда он замолчал, словно погасший огонь или неподвижное море, Лакшмана попытался его утешить:

– О Рама, самый доблестный среди воинов, несомненно, с тобой город Айодхья утратил сияние и теперь напоминает небо без луны, но о Рама, слезы эти не достойны тебя. Ты повергаешь меня и Ситу в печаль, о тур среди людей. Без тебя, о Рагхава, ни я, ни Сита не проживем и мгновенья, как рыба без воды! Вдали от тебя я не желаю снова видеть ни отца, ни Шатругхну, ни Сумитру, о победитель врагов, ни даже небеса!

Лакшмана заботливо приготовил для Рамы и Ситы постель у подножья дерева ньягродха, и добродетельный герой лег отдохнуть вместе со своей женой. Выслушав утешительные слова Лакшманы об их пребывании в лесу, Рагхава, победитель своих врагов, решил провести в лесу четырнадцать лет, этот огромный срок, во исполнение долга. Два могущественных потомка Рагху без страха или печали жили в бескрайнем диком лесу, подобно двум львам, живущим на склонах горы.

Глава 54. Они достигают хижины Бхарадваджи

Проведя мирно ночь под великим деревом, с восходом безукоризненного солнца они покинули то место, отправились туда, где Ямуна сливается с Бхагиратхой Гангой, и углубились в дремучий лес. Знаменитые изгнанники увидели там много уединенных пристанищ, доселе неведомых им, и Рама, спокойно осматривая цветущие деревья, сказал Саумитри на закате дня:

– Взгляни, недалеко от Праяга поднимается столб дыма, что говорит о большом костре; пойдём со мной, наверняка недалеко отсюда живет какой-то аскет. Мы близ слияния Ямуны и Ганги, слышен шум этих двух рек. Вот и бревна, срубленные дровосеками, которые живут в огромном лесу и рубят разные деревья.

Два воина с луками в руках быстро пошли вперед и к закату достигли места слияния Ганги и Ямуны и хижины мудреца. Рама приблизился к ашраму, вспугнув ланей и птиц. Вскоре дорога привела его к Бхарадваджу. Двое героев вместе с Ситой, желая увидеть мудреца, вошли в хижину, впервые сделав остановку за весь этот долгий день. Они подошли к великодушному риши, строгому, созерцательному, с острым благодаря аскезам взглядом, окруженному несколькими учениками, занятому разведением жертвенного огня. Благословенный Рама, сопровождаемый Ситой и Лакшманой, со сложенными ладонями почтительно приветствовал отшельника и представился:

– О благословенный, мы – сыновья Дашаратхи, Рама и Лакшмана, а это моя супруга, добродетельная Ваидехи, безупречная дочь Джанаки, которая последовала за мной в безлюдный лес. Меня изгнали, а Саумитри, мой младший и любимый брат, которого ты видишь, из преданности решил сопровождать меня. По воле отца, о благословенный, мы удалились в пустынный лес, дабы предаться аскезам, живя на кореньях и фруктах.

Выслушав добродетельного царевича, великодушный мудрец предложил им мадхупарку (сноска 1, 297) с аргхьей и воду омыть стопы. Святой аскет подал им различные виды пищи и напитков из лесных фруктов и корней, а также приготовил скромное место отдыха. Окруженный оленями, птицами и другими мудрецами, риши Бхарадваджа пригласил Раму и, выразив почтение, обратился к нему со справедливыми словами:

– Давным-давно, о Какутстха, предвидел я твой приход; я слышал о твоём несправедливом изгнании. Это уединенное место близ слияния двух великих рек чисто и приятно; оставайся здесь и будь счастлив!

Рагхава, преданный всеобщему благу, отвечал:

– О благословенный, страна моя лежит недалеко отсюда. Я думаю, мои подданные, узнав о том, что мы так близко, будут посещать меня и Ваидехи. Поэтому я не могу остаться здесь. О благословенный, поведай, где найти мне уединенное пристанище, которое было бы приятно Ваидехи, дочери Джанаки, достойной счастья!

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
Бхарадваджа, знаменитый муни, отвечал с пониманием:

– О дорогой сын, в десяти милях отсюда есть гора, часто посещаемая великими риши, священная и прекрасная, ты мог бы там жить. Обезьяны и медведи обходят ее; это гора Читракута, напоминающая Гандхамадану. Те, кто видел вершины Читракуты, обрел радость и освободился от иллюзии. Многие аскеты, прожив там сотни лет, силою епитимий вознеслись на небеса, не покидая своих тел. О Рама, я думаю, это подходящее для тебя место, но останься еще со мной в лесу!

Так сказал Бхарадваджа в великой радости, исполнив желание Рама, своего возлюбленного гостя, а также его брата и супруги. Пока Рама беседовал с великим риши на различные темы, спустилась благоприятная ночь. Какутстха вместе с Лакшманой и Ситой, привыкшей к роскоши и очень утомленной, счастливо провели ночь в той восхитительной хижине, принадлежавшей Бхарадвадже. Наутро этот тигр среди людей обратился к мудрецу:

– О благословенный, преданный истине, мы провели в твоей хижине ночь, позволь теперь нам отправиться в обитель, указанную тобой!

Бхарадваджа ответил:

– О Рама, иди к Читракуте, изобилующей медом, кореньями и фруктами; мне кажется, тебе понравится там, о могучерукий воин, где в разнообразных рощах живут киннеры и змеи, где раздаются крики павлинов, куда часто приходят могучие слоны. Иди туда и живи на широко известной горе Читракута, чистой, приятной и изобилующей кореньями и фруктами. О Рагхава, ты увидишь там стада слонов и оленей, резвящихся на полянах! Когда ты будешь гулять с Ситой среди рек, водопадов, холмов и ущелий, скал, утесов и стремительных горных потоков, сердце твое преисполнится радости.

Отправляйся сейчас же в эти благоприятные, вызывающие восторг места, где воздух оглашен брачными криками чибисов и кукушек, часто посещаемые оленями и многочисленными слонами, опьяненными течкой, и живи там вместе со своими спутниками!

Глава 55. Рама пересекает Ямуну

Проведя ночь в Праяге, двое царевичей, победители своих врагов, почтительно поклонились великому риши и направили путь свой к горе Читракута. Когда они уходили, знаменитый мудрец благословил их, словно отец – своих сыновей, рожденных из собственной поясницы. Великий муни суровых аскез дал свои наставления Рама, отмеченному героизмом:

– Тебе следует переправиться через место слияния Ганги и Ямуны, о тур среди людей, и держаться реки Калинди, что течет на запад. Продолжая идти берегами Калинди с ее извилистым течением, ты без труда найдешь большой проход, о Рагхава. Там ты сможешь соорудить маленький челн и переправиться через великолепную реку. Затем ты увидишь великое зеленое дерево нягродха, имя которому Шьяма. Ему поклоняются сиддхи, а кругом растут бесчисленные другие деревья. Сита со сложенными ладонями должна будет предложить ему свои молитвы. Вы сможете остаться там на некоторое время или продолжить свой путь. В миле оттуда ты увидишь темный лес из деревьев шаллака и бадри, а также дикий кустарник Ямуны; это путь к Читракуте, я часто ходил туда; он прекрасный, ровный, там нет опасности лесных пожаров.

Описав путь, великий риши вернулся в свою хижину. «Быть тому!» – отвечал Рама, поклонившись уходящему мудрецу, а затем обратился к Лакшмане:

– Пусть процветание сопутствует тебе! Как повезло нам, что мы обрели милость этого аскета!

Посоветовавшись, два тигра среди героев велели Сите идти впереди, и так достигли реки Калинди. Увидев ее быстрый поток, они сразу стали искать переправу. Два брата из двух кусков дерева соорудили остов большого плота, щели заделали сухими вьюнами и покрыли ветвями ушира. Доблестный Лакшмана, срезав стебли вереска и ветви дерева джамбу, сделал удобное сидение для Ситы, а Рама, сын Дашаратхи, помог своей возлюбленной, которая была подобно Шри невообразимо прекрасной и достаточно сообразительной, ступить на плот; рядом Рама положил две ее коры, драгоценности, лопату и корзину. Посадив Ситу на плот, два сына Дашаратхи спустили его на воду, а потом бодро

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
запрыгнули на него и, оттолкнувшись от берега, стали переправляться через реку.

На середине реки Сита стала молиться Калинди:

– О богиня, приветствую тебя! Позволь без помех пересечь тебя! Пусть мой господин исполнит свой обет! Когда Рама счастливо вернется в город и станет править страной, я совершу тебе жертвоприношение и предложу тысячу коров!

Воззвав к богине Калинди со сложенными ладонями, справедливая Сита благополучно достигла далекого берега. Так при помощи плота, сооруженного из многих деревьев, растущих по берегу реки, изгнанники переправились через чудесную яму с ее быстрым течением, украшенным гирляндами волн.

Оставив плот и покинув лесистые берега Ямуны, они достигли дерева ньягродха по имени Шьяма со свежей зеленой листвой. Ваидехи приблизилась к этому дереву и поприветствовала его:

– Почтение тебе, о могучее дерево! Пусть мой господин исполнит свой обет! Пусть мы увидим снова Каушалю и благословенную Сумитру!

С этими словами добродетельная Сита со сложенными ладонями обошла вокруг дерева. Глядя на безупречную Ситу, нежную и почтительную, которая возносила молитвы, Рама сказал Лакшмане:

– О младший брат Бхараты, иди вперед с Ситой, а я с оружием последую за вами, о глава людей. Каких бы фруктов или цветов ни пожелала дочь Джанаки, Ваидехи, сорви их для нее, чтобы доставить радость!

Встречая невиданные прежде деревья, кусты и цветущие лианы, молодая женщина спрашивала Раму о них, и Лакшмана по ее просьбе срывал Сите восхитительные цветы всех видов. Чарующая река с песчаными берегами, где эхо разносило крики цапель и лебедей, наполняла сердце дочери Джанаки радостью.

Пройдя часть пути и переправившись через великую реку, двое братьев Рама и Лакшмана испили чистой воды и застрелили прекрасного оленя, подходящего для пищи и жертвоприношения, и приготовили еду. Разделав оленя, они предложили часть предкам и богам. Два потомка Рагху, бродя по вместе с Ситой в прекрасному лесу, который был оглашен криками павлинов и населен слонами и обезьянами, пришли к живописному месту, порадовавшему Ситу, и остановились под священным фиговым деревом.

Глава 56. Лакшмана строит хижину

С рассветом Рама, тур в роду Рагху, мягко поднял Лакшману, наслаждавшегося крепким сном:

– О Саумитри, послушай пение птиц в лесу! Пойдем, вставай, время подниматься, о сокрушитель врагов!

Разбуженный братом Лакшмана, стряхнув сон и усталость от проведенного в трудах дня, поднялся. Вместе они искупались в водах священной реки и направили свой путь к Читракуте, которую часто посещают риши. Идя рядом с Лакшманой, Рама обратился к Сите, чьи глаза были огромными, словно лепестки водяной лилии:

– О Ваидехи, взгляни на цветущие со всех сторон цветы, словно горящие факелы! Посмотри на деревья кимшука, украшенные короной из цветов; конец зиме! Вот бхаллатака и билва, бесполезные для людей; они склонились под тяжестью цветов и плодов, которые человек не может есть. О Лакшмана, посмотри на пчелиный мед, который словно в кувшинах висит с левой стороны каждого дерева! Натьюха призывает, а шикхин отвечает в этом восхитительном лесу, покрытом ковром цветов. Взгляни на Читракуту, эту гору с величественной вершиной, стадами слонов, что живут на ней, и стаями птиц, ожививших ее своим пением! Это прекрасное и ровное место, поросшее бесчисленными деревьями, такое чистое, этот лес Читракута станет для нас приятным пристанищем, о друг.

Идя пешком и беседуя, двое братьев вместе с Ситой достигли горы Читракута, любимой слонами и оленями, оглашенной криками и пением птиц и изобилующей фруктами и кореньями.

Рама сказал Лакшмане:

– О превосходный, гора эта, поросшая различными деревьями и ползучими растениями с сочными корнями и фруктами, которые позволят нам поддерживать жизнь, с чистыми ключами и озерами во всем своем великолепии предстала перед нами. О дитя, пусть она станет нашей обителью, здесь мы и будем жить!

Сита, Рама и Лакшмана, сложив ладони, вошли в хижину, принадлежавшую Вальмики и все вместе поклонились ему.

Великий риши преисполнился радости. Сведущий в своих обязанностях, он оказал им теплый прием и, спросив Раму о благополучии, сказал:

– Оставайтесь здесь!

Длиннорукий повелитель, старший брат Лакшманы по традиции рассказал аскету их историю, а потом повелел:

– О Лакшмана, пойди разыщи несколько кусков прочного дерева, подходящего для всех времен года, и построй для нас хижину, о друг; мне нравится здесь!

Саумитри, победитель врагов, тут же отправился искать деревья всех пород, а затем построил покрытую листьями хижину с дверью, приятной на вид. Когда все было готово, Рама сказал послушному и трудолюбивому Лакшмане:

– Мы возьмем плоть черной антилопы и предложим ее божеству нашей хижины, как это предписывает традиция (сноска 1, 302), о Саумитри, тем, кто желает жить долго. Убив антилопу, принеси ее сюда, о большеглазый Лакшмана. Ритуал нужно исполнить в соответствии со священными предписаниями, соблюдай традицию!

Вняв желаниям брата, Лакшмана, победитель врагов, исполнил их, и Рама снова сказал ему:

– Теперь разделай мясо, мы предложим его божеству хижины! Поторопись, это благоприятное время, этот день посвящен Дхруве! (сноска 2, 302)

Блистательный Лакшмана, сын Сумитры, убил черную антилопу, подходящую для жертвоприношения и, спустив всю кровь, стал жарить ее на огне, а потом обратился к Рагхаве, тигру среди героев:

– Оленина готова и хорошо прожарена, о подобный богу богов, теперь соверши жертвоприношение, в чем ты столь искусен.

Омывшись, Рама, благочестивый и добросовестный, сведущий в молитвах, прочитал все священные тексты, которыми начинают жертвоприношение и, совершив подношение сонмам богов, вошел в хижину.

Этот герой непомерной славы чувствовал прилив радости в сердце. Те молитвы, сулящие мир их обители и обращенные к Вишвадевам, Рудре и Вишну, Рама прочитал про себя (сноска 1, 303). Снова омывшись в реке, он провел заключительное жертвоприношение во искупление грехов. Затем Рагхава, как положено, соорудил алтари во всех четырех сторонах хижины, и пригласил своих спутников в нее, устланную листьями, приятную с виду.

Хижина эта, искусно построенная по всем правилам, стала им прибежищем от ветров.

живя близ удивительной горы Читракута и реки Мальявати со священными бродами, часто навещаемый оленями и птицами, Рама преисполнился радости, и изгнание его из Айодхьи более не волновало его.

Глава 57. Возвращение Сумантры

Преисполненный печали Гуха долго беседовал с Сумантрой о Рама, который достиг правого берега реки, а потом вернулся домой. От местных посланцев он узнал, что Рама побывал в хижине Бхарадваджа в Праяге, где его тепло приняли, и отправился на гору Читракуту.

Сумантра, покинутый Гухой, запряг своих превосходных коней и с тяжелым сердцем отправился в город Айодхью. С тревогой он смотрел на цветущие леса, реки и озера, минуя города и деревни. На второй день колесничий достиг города и нашел его в печали. Видя молчаливые и пустынные улицы и молясь в неистовом горе, Сумантра с беспокойством думал: «Как бы город с его конями и слонами, с его жителями и царским домом вовсе не исчез в огне страданий, вызванных несчастьем Рамы!» Поглощенный такими мыслями, на быстрых конях он скоро достиг ворот столицы и тут же сотни и тысячи людей бросились к колесничему с криком: «Где Рама?» и он отвечал им, бегущим за колесницей:

– Вопреки моей настойчивой просьбе Рагхава, этот добродетельный и великодушный герой, на берегу Ганги отправил меня, так что я вынужден был вернуться; а сам он вместе с Лакшманой и Ваидехи переправился через реку!

От этой новости слезы с новой силой хлынули их глаз, горестные возгласы раздались в толпе: «Увы! О Рама!» Колесничий, собрав людей, сказал:

– Несомненно, мы потеряны, поскольку не видим более добродетельного Рагхаву на церемониях, жертвоприношениях, свадьбах или посреди великих собраний! Что теперь порадует или вдохновит людей, если Рамы, который покровительствовал городу, словно отец, больше нет здесь!

Сумантра так же услышал голоса женщин, раздававшихся из окон, выходивших на главную дорогу, которые сокрушались о Раме, и лицо его омрачилось. Он направил коней ко дворцу и скоро достиг обители царя Дашаратхи.

Поспешно сойдя с колесницы, он миновал семь дворов, полных искусных воинов. Увидев его, женщины из благородных домов в три и семь этажей, оплакивающие уход Рамы, закричали: «Увы! Увы!» Их огромные глаза ослепли от слез, в великом горе они более не в силах были разглядеть друг друга. Из дворца раздавались рыдания жен Дашаратхи. Видя Сумантру, они говорили:

– Что скажет Сумантра, уехавший с Рамой, но вернувшийся один, Каушалье, разбитой горем? Мы думаем, что жизнь невыносима для Каушальи, но и смерть не в радость ей, потому что она пережила падение и изгнание ее сына!

Слыша эти многозначительные слова царских жен, Сумантра преисполнился еще большего горя и, миновав восьмые врата, увидел мраморный дворец страдающего монарха, оплакивающего своего сына.

Приблизившись к сидевшему царю, Сумантра поклонился и с верой передал слова Рамы. Царь, молча выслушав его, обезумел и, дав волю своему горю, без чувств повалился на пол. Женщины, видя своего государя без сознания, в отчаянье подняли руки, издавая пронзительные вопли. С помощью Сумитры Каушалья подняла своего супруга, безжизненно лежавшего на полу, и сказала:

– О великий царь, почему ты не отвечаешь посланцу того, кто теперь живет в лесу, избрав столь тяжкий жребий? Причина этого несчастья, ты теперь смущен, о Рагхава! Поднимись, поднимись, пусть процветание сопутствует тебе! Пусть подданные твои избавятся от печали! О царь, здесь нет Кайкеи, в страхе перед которой ты не смеешь спросить колесничего о Раме! Не страшись, поговори с ним!

Сказав так, Каушалья, не в силах сдержать горя, неожиданно сама упала на пол в слезах и скорби.

Видя несчастную Каушалью, распростершуюся на полу в присутствии супруга, все женщины подняли вой, и слыша крики молодых и старых, раздающиеся из внутренних покоев, остальные женщины разразились рыданиями, так что весь город снова пришел в волнение.

Глава 58. Сумантра передает царю послание Рамы

Царь пришел в себя и призвал к себе колесничего, чтобы расспросить о Раме.

Сумантра со сложенными ладонями предстал перед царем, горюющем о Раме, согбенным под бременем лет и отчаянья, стонущем и полном беспокойства, напоминаям только что пойманного слона или того, кто изгнан из своего рода. В величайшем горе монарх обратился к колесничему, который стоял перед ним, покрытый пылью, печальный, с лицом, мокрым от слез:

– Где теперь живет Рагхава, не имея ничего кроме фруктов и корней? Прежде живя в роскоши, что будет он есть, не ведавший несчастий и теперь давший обет страдать, о Сумантра? Привыкший к удобной постели, как будет сын мой, повелитель земли, спать на земле, словно бездомный? Во время путешествий сопровождаемый пешими воинами, колесницами и слонами, как Рама будет жить в девственном лесу? Как юные царевичи и Ваидехи живут в тех лесах, полных слонов и диких зверей, изобилующих черными змеями? Как могут те царевичи вместе с исключительно юной и благословенной Ситой оставить свою колесницу и продолжать путь пешими, о Сумантра? Ты, конечно, очень удачлив, поскольку ты видел, как двое моих сыновей удалились в лес, словно двое Ашвинов на горе Мандара. Что сказал Рама? Что сказал Лакшмана, прежде чем углубиться в лес, о Сумантра? Что сказала Маитхили? О колесничий, поведай, где Рама сидел или отдыхал, что он ел, этим ты немного продлишь мне жизнь, как старому Яяти среди саду!

Колесничий отвечал монарху сдавленным голосом, дрожащим от рыданий:

– О великий царь, Рагхава, верный долгу, сложив ладони и склонив голову, сказал мне: «О колесничий, передай мой низкий поклон августейшим стопам моего отца, славному величием души. Отдай поклон всем женщинам во внутренних покоях, о колесничий и всем до одной, как подобает, передай мои почтительные пожелания блага. Матери моей Каушалье пожелай от моего имени счастья, с почтением и преданностью, и скажи: «Утвердись в долге и должное время проводи агнягару; о царица, служи царю, как Богу! Отбросив гордыню и эгоизм, живи среди цариц; о мать, почитай Кайкейи, поскольку она пользуется особым расположением царя. Относись к юному Бхарате как к государю; царям нужно покоряться, даже если они не являются старшими сыновьями, это царская привилегия, помни об этом!»

Передай так же поклон Бхарате и скажи ему от моего имени: «Почитай всей цариц!» Пусть этот длиннорукий воин станет радостью рода Икшваку и, приняв трон, помогает моему отцу. Царь уже стар, но не свергай его; поделив с ним власть, живи, прислушиваясь к его воле!»

Затем Рама, плача, добавил: «Еще скажи Бхарате: «Относись к моей матери, как к своей, поскольку она горюет по сыну!»

Таковы были слова длиннорукого воина, знаменитого Рамы с большими, как лепестки лотоса, глазами. Потом он громко заплакал; но Лакшмана, гневно вздыхая сказал:

– За какое преступление изгнан этот царевич? Царь свершил то, что не должен был делать в угоду Кайкейи, но тем не менее мы вынуждены страдать!

Неважно, Рама изгнан из-за того, что царь стал рабом своей страсти к Кайкейи или из-за данного ей слова – это бесславное деяние! На благо это повелителю или нет, я не вижу причины для изгнания Рамы. Это незаконное решение, принятое необдуманно или безответственно, вызовет бесчисленные возражения. Я не признаю в этом великом царе своего отца. Рагхава для меня брат, повелитель, друг и отец! Изгнав любимого всем миром Раму, может ли царь, еще наслаждающийся служением других, надеяться сохранить любовь своих людей? Выслав добродетельного Раму в лес, которого любили все подданные, вызвав всеобщее осуждение, как сохранит царь свое положение?»

О великий царь, Джанаки стояла вздыхая, печальная и словно одержимая, она не обратила ко мне ни единого слова. Лицо ее было бледно, не сводя глаз со своего повелителя, она последовала за ним в лес, не переставая скорбеть.

Так говорил Рама; лицо его было омыто слезами, когда он стоял со сложенными ладонями, поддерживаемый Лакшманой. Несчастливая Сита, плача, стояла рядом, взгляд ее был устремлен на царскую колесницу и на меня.

Глава 59. Горе царя Дашаратхи

Сумантра продолжал:

– Я должен был возвращаться, но кони отказывались бежать по дороге и, роняя жгучие слезы, выражали свою печаль разлуки с Рамой. Со сложенными ладонями поклонившись двум царевичам, я стоял, прислонившись к моей колеснице, терзаемый горем. Несколько дней я провел с Гухой, надеясь: «Может быть, Рама еще позовет меня!»

В твоём бескрайнем царстве неопишное несчастье коснулось даже деревьев, на которых поблекли цветы, почки и молодые побеги. Реки и озера высохли, листва в лесах увяла, звери перестали бродить повсюду, не видно больше змей. Кажется, будто лес скорбит из-за несчастья, постигшего Раму. Лепестки голубых лотосов поникли, воды в реках вздулись; водяные лилии, ковром устилавшие зеркальные озера, завяли; рыбы и птицы более не играют; цветы, росшие на земле и в воде, из которых собирают гирлянды, утратили свою красоту, а фрукты – прежний вкус. Сады и парки пустыны, птицы неподвижно сидят на ветвях; я не увидел очарования в прекрасных садах, о тур среди людей. Возвращаясь в Айодхью, я не заметил и тени радости. Люди, не видя Раму, непрерывно плачут. О царь, увидев издали вернувшуюся царскую колесницу, толпа, заполнившая главную дорогу, умылась слезами. Женщины, глядя на колесницу из окон, с балконов и крыш и сокрушаясь о Раме, кричали «Увы! Увы!», их большие глаза были полны слез, они не могли разглядеть друг друга. Я тоже в горе не мог сказать, друг или враг. Люди, лишённые счастья, плакали, так же как слоны и кони; весь город, стена и охая погружен в молчание. В одиночестве и печали, в которые повергло её изгнание Рамы, Айодхья напомнила мне Каушалю, лишившуюся сына.

Выслушав колесничего, царь, задыхаясь от рыданий, ответил:

– Порабощенный Кайкеи, порочной по природе, я не послушал совета старейшин, моих искусных советников, я не посоветовался с друзьями, министрами или купцами; это было безрассудством, в угоду женщине я совершил этот поступок! Скорее это судьба, или случайность, навлекшая беду на весь мой род и уничтожившая его, о колесничий! О Сумантра, если я оказывал когда-либо тебе какое-нибудь служение, то отправляйся сейчас же и привези Раму обратно; время жизни моей истекает. Какое бы распоряжение я ни возлагал на тебя, сейчас привези Рагхаву, я не могу жить без Рамы ни единого мгновенья, или еще лучше, поскольку длиннорукий герой уже далеко, скорее отвези меня на колеснице к нему. Где старший брат Лакшманы с ровными зубами и великим луком? Раз я еще живу, позволь мне увидеть его с Ситой и не на мгновенье, а сколько я пожелаю! Я не вижу более светоча Икшваку, Рагхаву, что может быть печальнее? О Рама, о младший брат Рамы, о несчастная Ваидехи, вы не знаете, что я умираю от горя, словно отвергнутый!

Разбитый горем, монарх погрузился в бескрайнее море печали. Потом он снова заговорил:

– О божественная Каушалю, океан горя разлился с Рамой, неодолимый для живого существа, поглотил меня. Изгнание Ситы – это его ручей, вздохи – его бурные волны, а потоки слез – воды; взмахи рук – это его рыба, крики агонии – гром, растрепанные волосы – его сор, а рот Кайкеи – пасть ада. Мои бесконечные слезы – его источник, слова горбуны – чудовищные крокодилы, его самый дальний берег – изгнание Рамы, содеянное этой злобной женщиной! О, какая беда! Вопреки моему желанию я никогда больше не увижу Раму или Лакшману!

Плача, знаменитый монарх упал вдруг наземь и, стеная, потерял сознание. Эта новая волна скорби о сыне наполнила сердце божественной матери Рамы ужасом.

Глава 60. Сумантра пытается утешить Каушалю

Судорожно дрожа, словно одержимая злым духом, Каушалю безжизненно рухнула на пол, крикнув колесничему:

– Отвези меня к Какутстхе, Сите и Лакшмане; без них я не в силах жить и мгновенья. Скорее разворачивай свою колесницу и вези меня в лес Дандака! Если я снова не встречу с ними, я уйду в обитель смерти!

Слабым голосом, прерывающимся от рыданий, колесничий с молитвенно сложенными ладонями обратился к царице, пытаясь ее как-то утешить:

– Оставь скорбь и отчаяние, вызванные несчастьем. Лишь преодолев печаль, Рагхава сумеет жить в лесу! Отдавая дань почтения стопам Рамы, Лакшмана, этот добродетельный царевич, обуздав чувства, достигнет высшей обители! Сита будет жить в пустынном лесу, словно среди дворцов; она полностью положила на Раму, сердце её принадлежит ему. В Сите не увидишь и тени печали, она выглядит полностью примирившейся со своими странствиями. Как прежде она наслаждалась прогулками в рощах вокруг города, теперь Сита

счастлива в уединенных лесах. Она, чье лицо напоминает полную луну, играет как дитя, рядом с Рамой в лесном уединении душа ее освободилась от печали. Рама целиком владеет ее сердцем и всей ее жизнью; для нее Айодхья без Рамы была бы пустыней! Глядя на деревни и города, реки и деревья всех видов, Ваидехи расспрашивает о них Раму или Лакшману так, словно находится в приятном саду в окрестностях Айодхьи! Я хорошо помню все слова царевны, но что она говорила о Кайкейи, я не припомню!

Пытаясь смягчить силу своих слов, ненамеренно сорвавшихся с его уст, колесничий продолжал утешать Каушалю:

– Путь, неистовый ветер, усталость и жара не касаются Ваидехи, которая сияет, как свет луны. Прекрасное лицо великодушной Ваидехи подобно цветку и сияет, как полная луна, ничто не омрачило ее. Ее розовые стопы прекрасны как бутоны лотосов, с колокольчиками на лодыжках она идет вперед, как всегда нарядная на радость своему повелителю. Видя слонов, львов или тигров в лесу, она не выражает тревоги, потому что верит в силу рук Рагхавы. Ни тебе, ни царю нет нужды сожалеть о них, история их еще не закончена в этом мире.

Отбрось печаль, пусть сердце твое наполнится радостью, они твердо идут по пути великих риши. Они счастливы в лесу, питаюсь дикими фруктами и кореньями, они исполняют заветы своего отца!

Как ни старался колесничий подбирать слова, чтобы утешить ее, царица Каушалья в материнском горе продолжала плакать, сокрушаясь:

– О мой возлюбленный! О сын мой! О Рагхава!

Глава 61. Каушалья упрекает царя Дашаратху

Рама, величайший благодетель, с радостью несущий свой долг, ушел в лес, и Каушалья, рыдая, в горе обратилась к своему супругу:

– Пусть ты и достиг всемирной славы и все говорят: «Рагхава исполнен жалости, великодушия и снисхождения», как мог ты двух сыновей своих и Ситу, выросших в роскоши, обречь на страдания, о глава людей? Нежная юная женщина Маитхили, как никто хрупкая и привыкшая к роскоши, как вынесет она жару и холод? Как большеглазая Сита после всех изысканных блюд будет питаться диким рисом? Как после услаждавших слух певцов и музыкантов перенесет она устрашающее рычание хищных животных?

Сияющий, как Махендра, где теперь будет спать этот могучий герой, подложив под голову руку, словно кусок железа? Когда увижу я лицо Рамы, подобное лотосу, обрамленное чудесными локонами, благоухающими лотосом и напоминающими водяную лилию? Наверное, сердце мое из алмаза, раз, не видя Рамы, оно еще не разорвалось на тысячи кусочков!

Жертвы твоей несправедливости, мои изгнанные дети, достойные счастья, бродят в лесу! Рама вернется через пятнадцать лет, и Бхарата передаст ему царство и все богатства, но он не примет этого. Некоторые на церемонии шраддха сначала кормят своих родственников, а потом из чувства долга вспоминают о том, что нужно пригласить знаменитых дваждырожденных, но добродетельные мудрецы, подобные богам, пренебрегают этим запоздалым приглашением даже если оно сулит нектар. Великодушные и мудрые дваждырожденные не примут остатков пищи других брахманов, считая это быком, лишившимся рогов. Точно так же как примет старший сын, царство, которого достоин, но которым наслаждался младший? Тигр не прикасается к добыче, если кто-то опередил его; тигр среди людей так же отвергнет то, что прежде было изведано кем-то! Сому, очищенное масло, приготовленный рис, траву куша и столбы кхадира, использованные в жертвоприношении, не используют вторично на церемониях, и Рама тоже не примет царство, напоминающее кислое вино, словно жертвоприношение без сомы! Рама не потерпит такого оскорбления, как тигр не позволит прикасаться к своему хвосту. Вы не боитесь столкновения с ним? Этот добродетельный герой способен подчинить своей благородной власти всю вселенную, даже если она поклялась во зле! Этот доблестный длиннорукий герой своими золотыми стрелами истребит моря, как в конце мира уничтожаются все элементы. Воин, могущественный, как лев, с глазами тура, первый среди людей, сражен собственным отцом, который подобен рыбе, проглотившей свою икру. Разве ты не знаешь о долге дваждырожденных, о котором риши знают из вечных писаний, о царь, изгнавший своего сына, преданного долгу? Первым

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
прибежищем женщины является муж, вторым – сын, а третьим – ее родственники, о царь; четвертого не дано; теперь ты никто для меня, Рама ушел в лес, и я не могу последовать за ним, у меня нет родных!

Ты полностью уничтожил меня! Ты потерял свое царство и корону, родственников и советников, ты навлек беду на меня и моего сына, а так же на всех жителей города; счастливы только Бхарата и супруга твоя Кайкейи!

Слушая упреки, которые Каушалья бросала ему, несчастный монарх горестно воскликнул:

– О Рама! – и, вспоминая о совершенном грехе, отдался терзаниям неистового горя.

Глава 62. Царь Дашаратха молит Каушалью о прощении

Слушая резкие слова, которые в гневе обращала к нему страждущая мать Рамы, царь был подавлен. Победитель врагов, монарх долго не мог освободиться от этого чувства, он был взволнован, пока не пришел в себя.

Справившись с волнением, он тяжело и горячо вздыхал и, глядя на Каушалью, которая стояла рядом, снова впал в печальную отрешенность. Мысленно он возвращался к невольно совершенному греховному деянию, когда он на звук выпустил стрелу, и воспоминание об этом, так же как и несчастье, постигшее Раму, разрывало ему сердце, так что великий царь чувствовал себя под двойным ударом. Несчастный, раздавленный двойной печалью, дрожа, со сложенными ладонями он стоял перед Каушальей. Пытаясь ее утешить царь со склоненной головой сказал:

– О Каушалья, я умоляю тебя, прости! Ты мягкая и никогда никому не причиняла зла, даже своим врагам. Женщины, верные своему долгу, видят в муже – хорошем или плохом – бога, о царица. Ты верна своему долгу и способна различить, что благородно, а что низко в этом мире; несмотря на свое горе ты не должна упрекать того, кто так несчастен!

В ответ на мольбы несчастного царя Каушалья залилась слезами, словно вода, хлынувшая по канавам после недавнего ливня. Стеная и возложив себе на голову руки царя, почтительно сложенные, словно бутон лотоса, голосом, дрожащим от волнения и прерываемым рыданиями, она обратилась к нему:

– Кивни головой, что ты простил меня! Я молю тебя, кладу свою голову к твоим стопам! Мольбы твои сразили меня, о царь, я не достойна твоей пощады.

Нет женщины более низкой, чем та, что позволила своему добродетельному супругу, почитаемому в обоих мирах, просить у нее прощения. Я знаю о своем долге, о верный слову, и знаю о твоей честности; боль о сыне заставила меня обратиться к тебе с такими словами. Горе лишило терпения, понимания, горе разрушило все; нет худшего врага, чем горе! Непредвиденный удар, нанесенный неизвестным противником, можно перенести, но неожиданное горе, даже незначительное, пережить невозможно! Уже пятая ночь, как Рама ушел в лес, что убило всю мою радость, мне кажется, что прошло пять лет!

Мысли о нем умножают печаль моего сердца, как соленые воды океана нарастают благодаря впадающим в него великим рекам.

Пока Каушалья говорила, на западной стороне небосвода исчезли последние солнечные лучи и опустилась ночь. Царь, утешенный словами божественной Каушальи и изнуренный горем, позволил себе уснуть.

Глава 63. Царь Дашаратха повествует историю юного аскета

Проснувшись после короткого сна, разбитый горем царь Дашаратха погрузился в глубокие раздумья. Изгнание Рамы и Лакшманы наполняло монарха, подобного Васаве, печалью, словно демон Рагху, окутавший солнце тьмой! С уходом Рамы и его супруги правитель Кошалы, вспоминая о свершенном прежде злодеянии, пожелал поведать о нем Каушалье с темными ресницами. На шестой день после ухода Рамы в лес, в полночь царь Дашаратха вернулся мыслью к тому случаю и, скорбя о сыне и допущенном грехе, обратился к Каушалье, охваченной материнским волнением:

– Что бы человек ни делал – будь то добро или зло – он пожнет плод своих

деяний, о благословенная и прекрасная царица! Только глупец, предпринимая что-то, не предвидит тщетности или серьезности последствий! Человек, который желая плода, вырубает манговую рощу и поливает деревья палаша в период цветения, раскается, когда придет время собирать урожай! Тот, кто предпринимает что-то, не оценив последствий, пожалеет об этом, подобно человеку, во время сбора урожая ухаживающему за деревом кумшика! Я срубил манговую рощу и полил деревья палаша, изгнав Раму, и когда настало время собирать урожай, я оплакиваю свою глупость. В юности, упражняясь в стрельбе из лука, я направлял свои стрелы на звук, о Каушалья; естественно, о царица, меня настигла беда, как ребенка, по неведению испившего яд. Подобно человеку, плененному деревьями палаша, я пострадал от неожиданных последствий стрельбы на звук! О царица, я еще не был женат на тебе; я был законным наследником престола; наступил сезон дождей и я искал удовольствий. В то время солнце, иссушившее землю и испепелявшее мир своими лучами, вступило на южный путь. Жара стала спадать, появились дарующие свежесть облака, радуя лягушек, гусей и павлинов; птицы с мокрыми крыльями, напоминая аскетов после купания, искали прибежища в листве деревьев, чьи кроны волновались и дрожали от дождя и ветра. Покрытые непрекращающимися потоками дождя горы, излюбленные пристанища опьяненных гусей, тонули в воде; каскады чистой воды белого, красного или пепельного оттенка падали со скал, кружась в водоворотах. В это радостное время вооруженный луком и стрелами я на своей колеснице отправился к реке Сараю, желая предаться своему излюбленному развлечению. Чувства мои были необузданны, я убил буйвола, слона, лань и еще несколько диких животных, когда они приходили на водопой. И вдруг в темноте я услышал звук наполняемого водой кувшина. Не в силах ничего разглядеть, я решил, что это хрюкает слон. Держа наготове стрелу с наконечником, жгучим, как ядовитая змея, и желая убить слона, я выпустил ее туда, откуда раздавался звук, и острая стрела полетела, словно ядовитая змея. Во тьме раздался пронзительный крик аскета: «Ах! Ах!» Крича, он упал в воду с пронзенной грудью. Человеческий голос стонал:

– Кто пронзил стрелой аскета, подобного мне, когда я ночью пришел к пустынной реке набрать воды? Кто сразил меня стрелой? Кому я причинил зло? Я, риши, отказавшийся от насилия и живущий в лесу на диких фруктах? Кто поразил меня стрелой, аскета со спутанными волосами, который носит одежду из древесной коры и шкуру антилопы? Кто пожелал моей смерти и что плохого я сделал? Несомненно, никто не одобрит этот бесплодный и полностью бесполезный проступок, как если бы ученик осквернил постель своего гуру! И все же я не столько скорблю о своей смерти, как о моих матери и отце; я страдаю о них. Они старые, долгое время я оставался их единственной поддержкой. Когда тело мое вновь станет землей, водой, огнем, воздухом и эфиром, что станется с ними? Стрела эта сразила меня и моих родителей! Все мы умираем от руки бесчувственного человека, который не умеет владеть собой!

Услышав этот жалобный голос, я, всегда стремившийся исполнять свой долг, от горя выпустил из рук лук и стрелы. Слыша стенания аскета, раздававшиеся в ночи, я обезумел от отчаяния и вне себя бросился на его голос.

Душу мою терзали муки, ум был взволнован. На берегу реки Сараю я увидел раненого аскета, локоны его растрепались, кувшин опрокинулся, тело испачкалось в пыли и крови, пронзенный стрелой, он лежал на земле. Я весь дрожал, когда он поднял на меня свои глаза и обратил ко мне суровые слова, которые уничтожили меня, как огонь:

– Что плохого я сделал тебе, о царевич, живя в этом лесу? Ты убил меня, когда я набирал воду для своих престарелых родителей! Стрела, нанеся мне смертельную рану, поразила также и тех двух стариков, моих родителей, которые слепы! Несчастные, они ждут меня, чтобы утолить жажду!

Истомленные жаждой, они будут жестоко страдать! И это награда за аскетизм и изучение Веды? Отец мой не знает, что я лежу на земле, и даже если бы он знал, что бы он сделал, если он не может идти без поводья, как дерево, которое не может помочь другому дереву, вырванному с корнем, о Рагхава!

Иди и разыщи моего отца и расскажи ему все! Я боюсь, в гневе он уничтожит тебя, как яростный огонь уничтожает лес! К хижине моего отца ведет единственный путь, о царевич. Иди и умилостивь его, дабы в гневе своем он не проклял тебя, но сначала вытащи острую стрелу из моей груди, потому что она мучит меня, как течение реки подмывает ее высокий и сыпучий берег. Мне больно дышать, пока стрела у меня в груди, но как только ты вытащишь ее,

Несчастный и разбитый горем, я слушал его и думал, как мне вытащить стрелу.

Видя мою нерешительность и терзания, мудрец, сын аскета, сведущий в духовном знании, мучительно обратился ко мне. Корчась, не в силах пошевелиться, с закатывшимися глазами, с каждым мгновением теряя последние силы, он с трудом произнес:

– Силой терпения я хочу преодолеть свое горе, я желаю уйти безмятежным. Выброси из своей головы мучительную мысль, что ты убил брахмана! Я не дваждырожденный, о царевич, не беспокойся! Я рожден матерью-шудрой и вайшьей-отцом, о великий правитель людей!

Он сказал это с величайшим усилием, и грудь его, пронзенная стрелой, остановилась, судорожно дрожа. Он неподвижно лежал на земле, и я, ужасно страдая, выдернул стрелу. Аскет в предсмертных муках взглянул на меня и вздохнул. Глядя на его члены, омытые потом, его пронзенную грудь, на его скорбь и беспрестанные стоны, я стоял пораженный, о удачливая царица.

Глава 64. Царь Дашаратха умирает от горя

Добродетельный монарх, скорбя о невольной смерти великого мудреца, сказал Каушалье:

– По неведенью совершив этот грех и страдая в одиночестве, я размышлял: «Теперь я никогда не буду счастлив!» Тем временем я наполнил кувшин свежей водой и пошел указанной дорогой. Скоро я нашел бедных и старых родителей, которые, оставшись без поддержки, слепые, напоминали две птицы с обрезанными крыльями. Они сидели, без усталости беседуя о своем сыне, их единственной надежде, которой теперь навсегда лишились из-за моей ошибки. Ум мой был раздавлен горем, сердце стыло от страха, когда я входил в хижину, муки мои возросли тысячекратно. Заслышав звук моих шагов, мудрец спросил:

– Почему ты задержался, о сын мой? Скорее дай мне пить! Пока ты ходил за водой, о дорогое дитя, мать твоя пребывала в беспокойстве; иди, скорее войди в хижину! Если я или твоя мать чем-то опечалили тебя, о дорогое дитя, твое сердце аскета забудет об этом. Ты поддерживаешь тех, кто не имеет поддержки, ты зрение тех, кто лишен его. Наша жизнь и дыхание зависят от тебя, почему ты не говоришь с нами?

Я весь дрожал, когда прерывающимся от волнения голосом со страхом обратился к аскету. Глядя на него и усилием воли пытаюсь собраться с духом, я твердо поведал ему об ужасном несчастье, постигшем его сына:

– Я воин Дашаратха, я не твой сын, о великодушный аскет! Беда, в которой обвинят меня честные люди, произошла по моей собственной ошибке. О благословенный, с луком в руках я пришел к реке Сараю пострелять диких животных и, возможно, слона, когда он придет на водопой. Неожиданно я услышал звук наполняемого водой кувшина. Я подумал: «Это слон», – и тут же выпустил стрелу. Потом я побежал на берег реки и увидел аскета, распростершегося на земле с пронзенным моей стрелой сердцем. По его просьбе, поскольку он сильно страдал, я выдернул стрелу из его груди. Едва я вытащил стрелу, он вознесся на небеса, о благословенный, плача о вас обоих и вопия: «Они слепы!» По неведенью я убил твоего сына; теперь он мертв, скажи, что мне делать. Услышав ужасную весть из моих виновных уст, благословенный аскет не в силах был пошевелиться; лицо его омывали слезы, стеноя в горе знаменитый мудрец сказал мне, стоявшему перед ним со сложенными ладонями:

– Если бы ты не сказал мне о случившемся несчастье, о царевич, наказание, которое обрушилось бы на твою голову, было бы в тысячу раз сильнее! Сознательно совершенное воином убийство, особенно лесного жителя, осуждает даже бог-громовержец! Если кто-нибудь с оружием в руках коварно ранит муни, занятого аскезами и изучающего Веду, голова такого воина расколется на семь частей, но поскольку ты содеял это по неведенью, ты останешься жить! А иначе весь род Рагхавы погибнет, так ты значителен! О царевич, отведи нас к тому месту!

Потом он добавил:

– Теперь мы будем видеть на нашего сына только в прошлом! Омытый кровью, со сбившейся шкурой антилопы он неподвижно лежит на земле, став добычей смерти!

Я отвел тех несчастных к берегу реки, чтобы мудрец и его жена могли коснуться тела сына. Приблизившись к своему дитя, оба пальцами прикоснулись к нему и тотчас же упали на труп, плача:

– О дорогое дитя, ты не приветствуешь нас больше, не говоришь с нами! Почему ты распростерся на земле, ты несчастен? Ты больше не любишь нас? О сын мой, хотя бы взгляни на свою добродетельную мать; почему ты не обнимешь ее и не обратишь к ней ласковых слов? Из чьих уст еще с наступлением ночи услышу я чтение священных писаний и пуран, которые радуют душу? Кто в сумерки, омывшись, разведет для меня жертвенный огонь и, присев рядом, утешит меня в страшном горе потери сына, обрушившемся на меня? Кто будет искать корни, клубни и фрукты, чтобы покормить меня, как дорогого гостя, ведь я не в силах сделать что-нибудь или собрать без посторонней помощи? Как смогу я служить нуждам твоей слепой и престарелой матери в ее потере и материнском горе? Подожди, о сын мой, не уходи сегодня в обитель Ямы, подожди до завтра, когда твоя мать и я последуем за тобой! Преисполненный горя, без поддержки в лесу, потеряв тебя, мы не замедлим войти в обитель Ямы! Представ перед Вайсватой, я скажу ему: «О Господь правосудия, прости меня; пусть сын мой будет и впредь поддерживать своих родителей. Ты справедливый покровитель людей, безгранично прославленный, тебе надлежит даровать мне, несчастному, это благословение и избавить от страха!» О сын мой, ты безгрешен, и все-таки злобный человек убил тебя: поэтому иди поскорее в обитель тех, кто не отступает в сражении и умирает перед лицом врага. О сын мой, иди в ту обитель, куда ушли Сагара, Шивья, Дилипа, Джанамеджая, Нахуша и Дхундхумара; эту честь заслуживают те, кто изучал Веду, совершал аскезы, раздавал дары земли, разводил огонь жертвоприношений и те, кто был справедлив к своим женам; обитель эта для тех, кто раздал в милостыню тысячи коров, кто с преданностью служил своим гуру и расстался с жизнью – насладись Парадисом, о дорогое дитя! Несомненно, тот, кто родился в моей семье, не пойдет лишенным благословения путем, но тот, кто убил тебя, последует им, дитя мое!

Причитая и жалобно стеная, аскет и его жена стали совершать погребальный обряд; потом, приняв облик небесного существа, добродетельный сын этого мудреца благодаря своему благочестию немедленно вознесся, сопровождаемый Шакрой, на небеса. Уходя, он обратился к престарелой чете, утешая:

– Я достиг высшей обители благодаря служению вам; оба вы скоро встретитесь со мной!

Сказав так, сын аскета, владея собой, вознесся на небеса на чудесной небесной колеснице. Мудрец суровых епитимий и его жена совершили очистительное омовение, и потом он сказал мне, стоявшему рядом со сложенными ладонями:

– Теперь убей меня, моя смерть не будет преступлением, о царевич, одной стрелой лишивший меня единственного сына и оставивший меня без потомства! Поскольку ты по неведению убил моего сладостного сына, я проклинаю тебя, навлекая на тебя великую беду, которая принесет тебе горестную муку! Горе, которое испытал я со смертью своего сына, настигнет и тебя с твоим собственным сыном и станет причиной твоей смерти! Судьба эта, устрашающая и роковая, настигнет тебя так же, как заслуга неизменно сопутствует тем, кто раздает милостыню!

Предав меня проклятию и скорбя, престарелая чета взошла на погребальный костер своего сына и удалилась на небеса.

Вспоминая о свершенном прежде грехе, о царица, когда я необдуманно выпустил на звук стрелу, я осознаю, что сейчас пожинаю плоды того поступка, словно болезнь, вызванную нездоровой пищей! О удачливая царица, пусть слова того благородного аскета не сбываются! И все же я чувствую, что горе о сыне лишит меня жизни; я уже не в силах разглядеть тебя, о Каушалья, подойди ближе и коснись меня. Те, кто приближаются к обители смерти, ничего не видят. Если бы только хоть однажды он коснулся меня или был бы рядом! Если бы я мог отдать ему свое богатство и все царство, я убежден, я бы еще пожил!

То, как я поступил по отношению к Рагхаве, недостойно меня, о царица, тогда как его поведение по отношению ко мне достойно его. Даже если бы он был виновен, какой человек в этом мире отвергает своего сына? Какой сын, изгнанный отцом, не упрекает его за это? Глаза мои мутнеют, стирается память, я вижу посланцев Смерти, ринувшихся на меня, о Каушалья, но я не вижу добродетельного Раму, отмеченного исключительным героизмом. Горе разлуки с моим сыном несравненных подвигов иссушает источник моей жизни, как жара иссушает озеро. Несомненно, это не люди, а боги, кто спустя пятнадцать лет вновь увидят лик Рамы, украшенный сверкающими серьгами, чьи глаза подобны лепесткам лотоса, с красивыми бровями, прекрасными зубами и совершенной линией носа. Счастливы те, кто еще раз увидят лик Рамы, словно царя звезд, осеннюю луну или распускающуюся водяную лилию; о мой Рама, чей лоб умощен сандаловой пастой; как счастливы вы, кто переживет его изгнание и увидит его возвращение в Айодхью! Благословенны те, кто увидит Раму, равного Шакре, одиноко шествующего по большой дороге! О Каушалья, сердце мое разрывается! Я теряю чувство осязания, вкуса и слуха, я больше ничего не вижу; увы, со смертью чувства гаснут, как огонь в светильнике, в котором заканчивается масло. Печаль, которая стоит мне жизни, уносит меня прочь, как река, размывающая свои берега, я остался без поддержки и понимания своих близких! Увы, о доблестный Рагхава! Увы, своим уходом ты лишил меня силы! О исполненный сыновней преданности, ты моя поддержка!

Увы, о добродетельная Сумитра! Горе тебе, мой жестокий враг Кайкеи, о разрушительница рода!

Стеная, царь Дашаратха, окруженный Каушальей и Сумитрой, испустил дух. Сокрушаясь, несчастный монарх благородного лика, обезумев в разлуке с любимым сыном, почил в полночь под бременем страданий.

Глава 65. Горе цариц

Ночь прошла. Утром следующего дня к царскому дворцу пришли певцы, барды и панегиристы, сведущие в традициях династии, искусные музыканты (сноска 1, 323), чтобы по очереди явить свое искусство. Они пели славу царю, громко произнося слова благословения, и пение их раздавалось во всех залах дворца. Пока вестники читали гимны, остальные прославляли подвиги монарха, отбивая ритм в барабаны; звук этот пробудил дворцовых птиц и они начали свои трели, одни из них сидели на деревьях, а другие в садах, и голоса их звучали в гармонии со звуками вин, благословений и повторением гимнов, заполнивших все вокруг.

В это время собрались слуги, заботившиеся о туалете монарха, камергеры, женщины, всегда ожидавшие царских приказаний, и евнухи, чтобы исполнить свои обязанности. Те, кто заботился о царском омовении, в должное время и согласно правилам принесли в золотых сосудах воду с желтым сандалом.

Прекрасные женщины и девственницы приготовили все, что доставляло наслаждение телу, части туалета, ароматные масла, мази, зеркала, гребни и полотенца, и все это было превосходного качества и благоприятно, полезно и приятно.

С восходом солнца все эти люди ожидали своего государя, с беспокойством спрашивая друг друга:

– Почему царь еще не поднялся?

Тем временем женщины, которые убрали постель правителя Кошалы, подошли пробудить своего господина, делая это как обычно осторожно и бережно, но приблизившись к ложу, они увидели, что монарх неподвижен.

Сведущие люди, не уловив в нем дыхания, прониклись страхом и озабоченностью относительно жизни царя и, дрожа, напоминали верхушки тростника посреди стремительного потока. Полные дурных предчувствий, те женщины устремили глаза свои на царя и окончательно убедились в том, чего опасались.

Каушалья и Сумитра, изнуренные страданиями о сыновьях, не поднялись в обычный час. Каушалья с бледным лицом лежала, раздавленная горем, тело ее истощилось, она утратила свое обычное сияние, словно звезда, сокрывшаяся во тьме. С одной стороны спала Каушалья, с другой – Сумитра, так же утратившая свою красоту, печаль и слезы исказили ее прекрасные черты.

Служанки внутренних покоев нашли цариц спящими, а монарха – недвижимым, и подумали, что все трое мертвы. В великом горе они закричали, как слоники в лесу, вожака которых травят из его убежища. От их пронзительных воплей поднялись обескураженные Каушалья и Сумитра. Глядя на царя, они коснулись его тела и закричали:

– О мой дорогой господин! – и упали на пол. Дочь Кошалы Каушалья лежала на полу, покрытая пылью, утратив все свое сияние, как звезда, упавшая с небес на землю. И женщины смотрели на Каушалью, которая напоминала убитую слониху.

Затем начали причитать все жены царя, возглавляемые Кайкейи, и, охваченные горем, падать в обморок. Крики цариц слились в устрашающий вопль, который постепенно нарастал, оглашая весь дворец, заполненный взволнованными людьми. Со всех сторон раздавались крики ужаса, царская семья пребывала в муках. Всякой радости пришел конец, только горе и волнение царило во дворце государя, чья судьба свершила свой суд. Видя, что блестящий тур среди монархов мертв, царицы, пронзительно вопя вокруг него и горестно обнимая, скорбели о потере своего покровителя.

Глава 66. Царицы упрекают Кайкейи

Глядя на монарха, который справедливо вознесся на небеса и напоминал погасший огонь, или высохший океан, или солнце, лишившееся лучей, истерзанная горем Каушалья, чьи глаза были залиты слезами, подняла голову царя и излила на Кайкейи бесконечные упреки:

– Будь довольна, о Кайкейи, без помех наслаждайся царством! О презренная, ты покинула царя, одержимая коронацией сына! Оба они оставили меня одну: Рама ушел в изгнание, а мой господин удалился на небеса; я словно покинута караваном в пустыне; я не в силах жить! Покинутая мужем, который был для нее богом, какая женщина захочет жить, кроме Кайкейи, поправшей свой долг? Честолюбец не замечает своих погрешностей, как человек, съевший незрелый плод. Подстрекаемая горбуньей, Кайкейи уничтожила род Рагхавы! О бесстыдная женщина, услышав, что ты изгнала Раму вместе с его женой, Джанака будет горевать, так же как и я! Лотосоокий Рама еще не знает, что я вдова и осталась без поддержки. Хотя и живой, он мертв для меня. Дочь царя Видехи, нежная, преданная и не привыкшая бедствовать, перед лицом опасности испытает великое беспокойство в лесу. Слыша по ночам устрашающий рев диких зверей и наводящие ужас шорохи птиц, она будет искать прибежища у Рамы. Царь Джанака, старый и не имеющий сыновей, умрет от горя, сокрушаясь о судьбе Ваидехи. Я тоже из преданности моему господину исполню сегодня свой последний долг и, обняв его тело, войду в пылающий огонь, который поддерживают подношениями!

Несчастливая Каушалья сокрушалась в своем беспредельном горе, пока слуги, обхватив ее руками, не увели прочь.

Чиновники распорядились поместить тело царя в чан с маслом и безотлагательно совершить все необходимое для его сохранения, потому что сведущие советники не склонны были в отсутствие царского сына приступить к церемонии Самкалана (сноска 1, 326) для монарха. Чтобы сохранить мертвое тело царя, его поместили в чан с маслом.

– Увы, он умер! – от этой новости женщины выли, а остальные, несчастные, протягивая к небесам руки с мокрыми от слез лицами, стенали от горя и восклицали:

– Увы, великий царь, благодетель, почему ты покинул нас, когда мы и так лишились Рамы? Вдали от Рагхавы как мы будем жить близ Кайкейи, женщины порочного нрава? Наше прибежище, наш могущественный повелитель, благословенный Рама ушел в лес, отрекшись от трона царя! Вдали от тебя и этого героя, разбитые горем, как выживем мы, жертвы тирании Кайкейи? Уничтожившая царя, Раму и доблестного Лакшмана с Ситой, кого она пощадит?

Восхитительные супруги Рагхавы, преисполненные печали, проливали слезы, с того часа чуждые радости.

Словно беззвездная ночь или женщина, лишившаяся своего повелителя, Айодхья, потерявшая великодушного государя, утратила свой блеск, ее благородные жители плакали, голосили измученные женщины, парки и дома опустели, столица

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
более не излучала прежнего сияния.

Царь избавился от страданий, удалившись на небеса, а царицы распростерлись на земле, солнце остановилось и неожиданно сокрылось от глаз, призвав ночь.

В отсутствие сына собрались родные и близкие государя, и, посоветовавшись, решили не разводить погребального костра и поместить тело в хранилище, где оно будет недоступно взору.

Город лишился своего великодушного государя, его улицы и парки были полны рыдающих людей, он напоминал день без солнца или ночь без звезд. Мужчины и женщины меж собой поносили мать Бхараты, столица была погружена в траур.

Глава 67. Старейшины советуют, чтобы члены рода Икшваку избрали царя

Безрадостная ночь, полная слез и скорби, окутала город Айодхью, и когда она, наконец, прошла, и поднялось солнце, дваждырожденные, наделенные царскими полномочиями, собрались на совет. Престарелый Маркандея, Маудгалья, Вамадева, Кашьяпа, Катьяяна, Гаутама и Джавали великой славы – все мудрецы и советники высказали по очереди свое мнение Васиштхе, главному царскому священнослужителю:

– Эта ночь показалась нам сотней лет! Монарх в своей отцовской заботе соединился с землей, огнем, воздухом, водой и небом! Великий царь на небесах, Рама удалился в лес, а благородный Лакшмана сопровождает его.

Бхарата и Шатругхна, победители своих врагов, пребывают в царстве Кекайи в восхитительном городе Раджагриха, на знаменитой земле матери. Нужно избрать царя из рода Икшваку! Без правителя страна наша погибнет. В стране, лишенной царя, Парджанья с громовым гласом и увенчанный молнией, не проливает больше землю небесные ливни! В стране без правителя не собрать во время урожая и гости зерна; в стране без правителя главы семей не видят послушания со стороны своих сынов и жен! Там где нет царя, нет и процветания; там нет воинов и царит беззаконие; откуда в такой стране взятый благо, если в ней нет царя? В такой стране люди не строят залов собраний или прекрасных садов, великолепных зданий как это бывает во времена процветания! На земле, лишенной царя, дваждырожденные, отвечающие за жертвоприношения, воздержанные брахманы суровых обетов не совершают Шаттр (сноска 1, 328). Священнослужители не получают жертвенных даров, а брахманы – богатой милостыни! Там нет веселых певцов и танцоров, праздники и собрания, свидетельствующие о процветании империи, не венчаются успехом. Без царя купцы терпят неудачу в своих торговых делах, а те, кто привык слушать декламацию святых традиций, не найдет их столь же чарующими, как прежде. Без царя не встретишь более вечером молодых женщин, украшенных золотыми драгоценностями, развлекающихся в прекрасных садах. Богатый человек не сможет спать спокойно с открытыми дверями и жить доходами от своих полей и стад. Молодые люди с женщинами не поедут на быстрых колесницах в лес. В царстве без правителя не увидишь на дороге шестидесятилетних и еще более старых слонов с колокольчиками на шеях и прекрасными бивнями. Там не услышать звука выпущенных лучниками стрел и не увидишь купцов с товарами, бесстрашно странствующих по дорогам.

В государстве, лишенном царя, не найти одиноких самоудовлетворенных аскетов, поглощенных медитацией на высшее «я» и отдыхающих там, где настигла их ночь. Без царя человек не сможет мирно насладиться плодами своих праведных трудов, а армия – победить противника в сражении. Богатые люди в роскошных одеждах более не отправятся за границу на своих горячих, красивых скакунах, а сведущие в духовных традициях более не удалятся в леса или рощи для дискуссий. Там, где нет царя, благочестивые люди не предлагают богам милостыни, гирлянд или сладостей, а царевичи, умашенные сандалом и пастой алоэ более не являют ярких зрелищ, словно распускающиеся весной деревья. Империя без царя подобна рекам без воды, лесам без растительности или стадам без пастуха. Колесницу можно узнать по ее репарт, огонь – по дыму, но наш царь снова соединился с богами! В стране без царя никто ничего не имеет и люди, будто рыбы, пожирают друг друга. Озлобленные, они преступят все границы, страх их рассеется, они почувствуют себя всемогущими, потому что нет царя, который своим царским жезлом правит ими. Как глаза постоянно следят за телом, так и царь является покровителем истины и справедливости в своем государстве. Царь – это истина, царь – справедливость, он – семья тех, кто лишен семьи, он – отец и мать для людей и источник добра. Добродетельный монарх превосходит Яму, Ваишравану, Шакру

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
и Варуну безграничной власти. В мире воцарится непроглядная тьма, потому что там нет царя, который может отличить хорошее от дурного! О Васиштва, пока великий царь жил, никто из нас не смел возразить твоим указам, как океан никогда не выходит из берегов!

О лучший среди дваждырожденных, ты видишь, мы лишились законного государя, трон пуст; возведи на него юного потомка Икшваку – Бхарату или кого-нибудь другого!

Глава 68. Гонцы отправляются за Бхаратой

Васиштва отвечал друзьям своим, царским советникам, и брахманам:

– Поскольку удачливый Бхарата, наследник трона, вместе с братом Шатругхной с удовольствием проводят время в доме своего дяди по матери, пусть гонцы на быстрых конях поскорее отправляются за ними и привезут домой тех доблестных братьев; как вы думаете?

– Отправляй гонцов! – отвечали все.

Выслушав их, Васиштва добавил:

– Сиддхартха, Виджая, Джаянта, Ашока и Нандана, подойдите и выслушайте мой приказ. Садитесь на быстрых коней и поспешите в город Раджагриха. Без тени скорби передайте Бхарате от меня послание: «Семейный священник, а также советники желают тебе счастья и настоятельно просят сейчас же возвращаться домой, дабы решить вопросы, требующие твоего присутствия».

Не говорите ему об изгнании Рамы, о смерти отца или бедствии, обрушившемся на род Рагху. Возьмите с собой шелковые одежды и украшения для царя и Бхараты; отправляйтесь не медля!

Посланники удалились готовиться к путешествию. Чтобы достичь царства Кекайя, они выбрали лучших коней. Сделав необходимые приготовления и простившись с Васиштхой, посланники не теряя времени пустились в путь, направляясь на север к горе Праламба, миновали Апаратала на юге и дальше поехали вдоль русла реки Малини, что течет между ними. У Хастинапура они переправились через Гангу и повернули на запад, дорогой Куруджагала достигнув Панчалы. Спеша исполнить возложенную на них миссию, посланники по дороге увидели множество озер, полных лотосов, и прозрачных рек. Скоро они достигли небесной реки Шараданда со спокойными водами, излюбленного места бесчисленных водяных птиц, но коварного из-за сильного течения. На западном берегу они увидели священное дерево (сноска 1, 330), приблизившись, выразили ему почтение, а затем вошли в город Кулинга.

Миновав Теджобхихавану, они достигли Абхикалы и переправились через священный поток Икшумати, относившийся к землям Икшваку. Там они увидели несколько брахманов, сведущих в Веде, которые пили, ладонями зачерпывая воду; затем они вошли в земли Бахлика и увидели гору Судаман, отмеченную стопами Вишну. Стремясь скорее исполнить волю своего учителя, они преодолели большой путь, оставляя за спиной реки Випаша, Шалмали, потоки, каналы, пруды и другие водоемы. Они встретили множество диких животных – львов, тигров, слонов и ланей, пока, наконец, на утомленных долгим путешествием конях не достигли прекрасного города Гирибраджа.

Чтобы исполнить волю своего повелителя и сохранить царскую династию, из почтения к роду Икшваку посланники глубокой ночью поспешно вошли в город.

Глава 69. Сон Бхараты

В ту ночь Бхарата увидел неблагоприятный сон. Проснувшись на рассвете и вспомнив свой сон, сын царя царей был сильно обеспокоен. Его юные друзья, видя царевича мрачным, попытались рассеять его печаль, рассказывая истории в веселом собрании, играя на музыкальных инструментах, танцуя или читая поэмы, некоторые пытались развлечь его шутками. Но великодушный Бхарата не находил более удовольствия в играх и смехе друзей, и один из них, особенно преданный ему, сказал:

– О друг, мы всячески пытались развлечь тебя, почему ты не улыбаешься? Бхарата отвечал ему:

– Услышь причину моей печали! Во сне мне явился отец в выцветших несвежих одеждах, волосы его были растрепаны. С вершины горы он летел в яму с навозом! Мне казалось, он барахтается в море навоза, пия масло из рук и то и дело раздражаясь хохотом. Потом я увидел, как он ест рис с сезамовыми зернами, тело его в масле, в которое он погружен вниз головой. Я увидел во сне, что земля высохла, а луна упала на землю, мир погрузился во тьму. Бивни слонов, на которых ездил монарх, были разломаны на куски, а огонь в жаровне неожиданно погас. Я увидел расколовшуюся землю с увядшими деревьями, горы исчезли в тумане. Я увидел монарха одетым в черное и сидящим на железном стуле, осмеянным женщинами в черном и желтом. Добродетельный монарх с красной гирляндой, умашенный сандаловой пастой, сидел в колеснице, запряженной ослиами, которая направлялась на юг. Наконец, я увидел женщину в красном, демоницу отвратительного облика, которая, словно играючи, уносила царя прочь. Вот что я увидел этой ужасной ночью! Несомненно, мне, Раме, царю или Лакшмане грозит смерть. Когда человек видит во сне колесницу запряженную ослиами, скоро над ним взойдет дым погребального костра. В этом причина моей печали, вот почему меня не радуют ваши беседы. В горле у меня пересохло, ум воспален. Я не вижу причин для скорби, и все же я трепещу; голос мой дрожит, лицо бледно, я стыжусь себя, но не знаю почему. Когда я размышляю над этим плохим и непонятным сном, не имеющим какой-то внешней причины, великий страх сковывает мне душу.

Глава 70. Бхарата покидает Раджагриху

Пока Бхарата рассказывал свой сон, посланники на изнуренных конях вошли в город Раджагриху, окруженный непроходимым рвом.

Представ перед царем и его сыном (сноска 1, 332), они приветствовали их и, обняв стопы государя, обратились к Бхарате:

– Священнослужитель твоей семьи приветствует тебя, а также все советники; ты должен срочно вернуться, дабы решить безотлагательные вопросы, требующие твоего присутствия! Эти дорогие одежды и драгоценности предназначены для того, чтобы ты преподнес их своему дяде и деду, о большеглазый царевич! Здесь двадцать коти (1 кот – 10 млн.) царю, а также цельный кусок в десять коти для твоего дяди, о царевич!

Окруженный преданными друзьями, Бхарата принял дары и, почтив посланников вниманием и дарами в свою очередь сказал:

– Все ли благополучно с моим отцом Дашаратхой? Все ли хорошо с Рамой и Лакшманой великой души? В добром ли здравии благородная Каушалья, неизменно преданная своему долгу и умело исполняющая его? Все ли благополучно с Сумитрой, сведущей в своих обязанностях, матерью Лакшманы и Шатругхны, исполненной добродетели, второй среди цариц? Как настойчивая в своих желаниях и раздражительная Кайкеи, мать моя, которая воображает себя добродетельной; что она передала мне?

Посланники осторожно отвечали Бхарате:

– Все, о ком ты спрашиваешь, о тигр среди людей, благополучны; процветание ожидает тебя (сноска 1, 333), поэтому вели готовить колесницу!

– Позвольте мне поговорить с царем, – сказал им Бхарата, – и сообщить, что посланники торопят меня проститься с ним!

Поговорив с гонцами, приехавшими за ним, Бхарата передал все деду:

– О царь, я должен возвращаться к отцу, посланники торопят меня; если ты когда-нибудь пригласишь меня, я с радостью приеду снова!

Царь, его дед, поцеловал Бхарату, потомка Рагху, в бровь и благосклонно ответил:

– Иди, дитя мое, я отпускаю тебя; Кайкеи счастлива, имея такого сына, как ты! Передай мои приветствия своей матери и отцу, о победитель своих врагов! Отдай дань почтения священнику вашей семьи и всем знаменитым дваждырожденным, а также великим лучникам Раме и Лакшмане.

Царь Кекайи одарил Бхарату богатыми дарами: хорошо обученные слоны, бесчисленные шерстяные одежды и шкуры антилопы; царь подарил ему собак с

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
огромными зубами и хвостами, похожих на тигров и обученных охранять дворец. Царь Кекайи милостиво дал ему две тысячи нишкав (сноска 2, 333) золота и шестнадцать тысяч коней. Он послал также своих преданных и прозорливых советников сопровождать Бхарату домой.

Дядя подарил Бхарате слонов Айравату и Индраширу, прекрасных с виду, и пару проворных мулов.

Однако дары царя Кайкейи не обрадовали Бхарату, он желал отправляться немедленно. Настоятельная просьба посланников и сон накануне наполняли сердце его мукой. Он покинул свою обитель и, сияя великолепием, один вступил на несравненную главную дорогу, запруженную людьми, колесницами и слонами.

Удачливый Бхарата, издали увидев внутренние покои, которым не было равных, вошел туда, не спрашивая, и простился с дедом и дядей Юдхаджитом; затем, взойдя на колесницу, он отбыл вместе с Шатругхной. Слуги запрягли сотню колесниц с хорошими колесами, а также верблюдов, быков и мулов, и отправились с Бхаратой в далекое путешествие. Под защитой армии знаменитый Бхарата, сопровождаемый представителями царя и воинами, вместе с Шатругхной бесстрашно покинули дворец, словно Сиддха, выступивший из царства Индры.

Глава 71. Бхарата достигает Айодхьи

Покинув Раджагриху, этот блистательный герой направился на восток и пересек реку Судаму, которой придерживался; затем удачливый потомок Икшваку переправился через широкую реку Хладини, что течет на запад, а также реку Шатадру. Перейдя через Еладхану, он достиг деревни Апаравата и перешел Шилу и скалу Акурвати, достигнув Агйеи и Шальякаршанам. Этот справедливый человек, очистившись, посмотрел на гору Шилаваху и направил свой путь через скалы в леса Чаитаратха. Достигнув места слияния Ганги и Сарасвати и миновав северную область Вираматсья, он вошел в лес Бхаунда.

Перейдя быстрые воды реки Кулинга, что течет меж холмов, он переправился также через Ямуну и здесь позволил своей армии немного передохнуть.

Освежившись и дав отдохнуть измученным коням, они напились воды и пополнили запасы, а потом снова отправились в путь.

Благословенный царевич на колеснице миновал обширный и девственный лес, подобно богу ветра, пересекающему космос. Зная, что у Аншудханы великую реку Бхагиратху сейчас перейти невозможно, потомок Рагху поспешил к знаменитому городу Прагвата; так он переправился через Гангу и достиг Кутикоштики. Оставив позади и это место, он вместе со всей свитой прибыл в Дхармавардхану. Сын Дашаратхи направился Джамбупрастхи к югу от Тораны и вошел в прекрасную деревню Варутху. Здесь он сделал короткую остановку в чарующем лесу и потом направился на восток, пока не достиг парка Уджихана, состоящего преимущественно из деревьев прияка. В тех рощах деревьев шала и прияка Бхарата позволил своим быстрым коням немного передохнуть; затем, отдав приказы своему войску, поспешил дальше.

Следующую остановку сделав у Сарватиртхи, он переправился через реку Уттарарагу и другие более мелкие реки с помощью горных мулов. Около Хастаприштхаки этот тигр среди людей взял курс на реку Кутику и у Лохитьи перешел Капивати. Близ Экашалы он переправился через реку Стханумати, а у Винаты – через Гаутами; достигнув леса из деревьев шала, он вошел в город Калинга, который покинул в эту же ночь вместе со своим измученным войском.

На рассвете Бхарата увидел Айодхью, построенную Ману. Спустя семь дней пути царевич, глава людей, увидел перед собой город Айодхью и сказал колесничему:

– О колесничий этот город великой славы и прекрасных садов издали кажется мне кучей бесцветной глины! Прежде этот город с его добродетельными брахманами и священнослужителями, сведущими в Веде, густо населенный богатыми гражданами и выдающимися раджариши, которые являются его защитниками, был со всех сторон оглашен громкими и радостными криками мужчин и женщин. Теперь я ничего не слышу! Сады, куда вечерней порой люди приходили развлечься, бегая туда-сюда, теперь выглядят иначе. Мне кажется, что они в трауре, и юные любовники покинули их. Город напоминает мне пустынный лес, о колесничий; не видно более почтенных людей, как прежде въезжающих и выезжающих из него на своих колесницах, слонах и конях. Парки,

полные людей во время празднеств, где они с радостью встречались и где устраивали бесконечные увеселения, теперь выглядят довольно печальными, деревья, чьи листья усыпали дорогу, кажутся скорбящими! Я не слышу ланей и птиц, опьяненных счастьем, всегда в этот час наполнявших воздух своими мягкими и мелодичными голосами, они не поют, как прежде. Почему не чувствуется чистого и благоприятного ветерка, несущего аромат алоэ и сандала, как это было всегда? Почему до сих пор не слышно звука литавр и вин, по которым бьют коной (сноска 1, 336), который прежде звучал непрерывно? Я вижу бесчисленные дурные предзнаменования, сулящие беду, и сердце мое сжимается! О колесничий, не может быть, чтобы с моими близкими было все благополучно, дух мой трепещет, я теряюсь.

Подавленный, с сердцем, охваченным опасениями, и глазами полными слез Бхарата немедля въехал в город, которым правили потомки Икшваку.

Стражники спросили об успехе его путешествия, когда он на усталых конях въезжал в ворота Ваиджаянта, и присоединились к его свите. Потомок Рагху с трепещущим сердцем почтительно приветствовал всех, кто стоял в ворот, и обратился к колесничему Ашвапати, измученному усталостью:

– Почему ты спешно привез меня назад без всякой причины, о безупречный? Душа моя предчувствует беду, и я теряю силы; о колесничий, я вижу все признаки траура, о котором говорил прежде, имея в виду смерть царя! Повсюду во дворах не выметен мусор, двери широко открыты; в домах, утративших свой блеск, не готовят подношений и не зажигают благовоний; семьи голодают, люди доведены до нищеты! Я не вижу ни проблеска радости, нет гирлянд, которые украсили бы заброшенные дворы. Храмы богов пустуют и не сияют, как прежде; никто не почитает божества, не собирается проводить жертвоприношения. Сегодня базары, где продают гирлянды, пусты, не видно торговцев, выставивших свои товары; люди кажутся унылыми, дела их встали.

Птицы и звери, часто посещавшие храмы и священные статуи, выглядят несчастными, я вижу людей – мужчин и женщин – в грязных одеждах, истощенных, с лицами, мокрыми от слез, погруженных в мрачные и печальные мысли.

Сердце Бхараты разрывалось, когда он говорил с колесничим, глядя на унылую Айодхью, затем он вошел во дворец. Видя прежде процветающий город, сиявший, как обитель Индры, ныне заброшенным вместе со всеми его парками, домами и дорогами, ржавыми дверями и засовами, царевич преисполнился горя.

От этих дурных предзнаменований, прежде неведомых городу, великодушный герой повесил голову, сердце его разрывалось от муки; не ища более радости он вошел в дом своего отца.

Глава 72. Царица Кайкейи рассказывает Бхарате, что произошло в его отсутствие

Не увидев отца, Бхарата тут же направился в покои матери, и Кайкейи, увидев сына, вернувшегося из дальнего путешествия, радостно поднялась со своего золотого кресла.

Добродетельный Бхарата, войдя в материнскую обитель, утратившую прежнее величие, и увидев мать, почтительно коснулся ее благословенных стоп. Кайкейи обняла знаменитого Бхарату, прижав его к себе. Посадив его рядом, она стала расспрашивать:

– Сколько ночей прошло, как ты покинул дом своего благородного дяди? Столь поспешное путешествие не утомило ли тебя? Все ли благополучно с твоим дедом, а также Юдхаджитом, твоим дядей? Ты доволен поездкой, сын мой? Расскажи мне все!

В ответ на полные любви расспросы матери, потомок царей лотосоокий Бхарата подробно обо всем ей поведал:

– Уже семь дней, как я покинул дом деда. С ним и его супругой все благополучно, так же как и с дядей Юдхаджитом. Золото и драгоценности, которые царь, победитель своих врагов, дал мне, тормозили меня, и потому я оставил их и скорее приехал. Лишь получив от посланников царский приказ, я безотлагательно отправился в путь! Теперь скажи, о мать, о чем я желаю узнать. Почему ложе твое, украшенное золотом, пусто? Я нигде не вижу

благословенного потомка Икшваку. Монарх обычно был подле тебя, но сегодня я не вижу его, хотя повсюду искал его, лишь только вошел во дворец. Я хочу выразить почтение стопам моего отца, где он? Ответь мне! Может быть, он в покоях Каушалы, самой старшей из моих матерей? Кайкейи заискивающе изрекла несведущему сыну жестокие и неприятные слова. В своей жажде власти зашедшая слишком далеко, она сказала:

– Отец твой отправился путем, по которому идут все живые существа; этого великодушного и знаменитого монарха, всегда совершавшего жертвоприношения, настигла судьба, которой никто не в силах избежать!

От этих слов бесхитростный Бхарата упал наземь от бремени обрушившегося на него горя. «Увы, я погиб», – рыдал он в муках. Протягивая к небу свои длинные руки герой этот вновь упал наземь. Жестоко страдая от смерти отца, несчастный царевич великой славы, предался безумной скорби:

– Ложе это, прежде озаренное великолепием моего отца, который подобен луне, озарившей безупречный ночной небосвод в конце сезона дождей, без этого добродетельного монарха утратило свой блеск, словно небо без луны или море без воды!

Закрыв свое прекрасное лицо одеждами, этот лучший среди отмеченных победой, плакал, отдавшись горю; глядя на этого воина, прекрасного как бог, в страданиях распростершегося на полу, словно дерево шала, вырубленное в лесу топором, мать его помогла ему подняться. Сыну, подобному слону, сияющему, как луна и охваченному горем, она сказала:

– Вставай, вставай, почему ты лежишь здесь, о знаменитый государь! Царственные особы, подобные тебе, не проявляют открыто своего горя! О добродетельный царевич, мудрость твоя, проявленная в совершенных жертвоприношениях, добродетельных деяниях, изучении писаний и аскезах, подобна свету солнца.

Словно не слыша матери, Бхарата долго плакал, катаясь по земле в великом горе. Потом он сказал:

– Я думал: «Царь решил возвести Раму на престол и совершить жертвоприношение», – и с великой радостью поспешил домой, но теперь сердце мое разбито, я больше не вижу моего отца, всегда занятого тем, что приятно и полезно. О дорогая мать, что так губительно повлияло на отца накануне моего приезда? Как удачливы Рама и другой мой брат, сумев совершить последние ритуалы по моему отцу. Великий и знаменитый монарх не ведал о моем приезде, и теперь я не могу поклониться моему дорогому отцу и ощутить на лбу прикосновение его уст. Где ласкающая рука моего дорогого отца счастливой судьбы, которая стерла бы дорожную пыль, покрывшую меня? Сейчас же сообщи о моем прибытии Раме бессмертных подвигов, кто мне брат, отец и друг и чей я верный раб. Старший брат столь благородных кровей, сведущий в долге, становится отцом, и я жажду обнять его стопы; теперь он мое прибежище! О благородная царица, каковы были последние слова того богатого монарха, верного своим обетам, знающего, в чем его долг, который был самим воплощением долга и верности? Я желаю услышать высшую волю того добродетельного монарха из твоих уст!

В ответ на это законное требование Кайкейи сказала:

– Царь крикнул: «О Рама, о Сита, о Лакшмана!» – и с этими словами великодушный и лучший среди добродетельных людей ушел в иной мир. Это были последние слова твоего отца. Под ударами судьбы он попал в петлю смерти, словно могучий слон. «Те, кто увидят Раму, вернувшегося вместе с Ситой и могучерукой Лакшманой, достигнут исполнения всех своих желаний!» – так сказал твой отец.

От этих слов Бхарата задрожал, боясь услышать о дальнейших бедствиях, и с удрученным видом стал снова спрашивать мать:

– Где добродетельный и любимый сын Каушалы, где его брат и Сита? Мать прямо рассказала ему все, что произошло, думая обрадовать его теми горестными вестями:

– О сын мой, царевич, облачившись в древесную кору, ушел в лес Дандака вместе с Ваидехи, сопровождаемый Лакшманой.

– Как могло такое случиться?! Неужели Рама лишил брахмана имущества? Он плохо обошелся с невинным человеком, будь он богат или беден? Он посмотрел на чужую жену? За что брат мой Рама изгнан в лес Дандака? И тогда своенравная царица, послушная своей женской природе, поведала ему обо всем, что сотворила. Отвечая на вопрос великодушного Бхараты, Кайкеи говорила уверенно и радостно, в безумии своем считая себя мудрой:

– Нет, Рама никого не лишил имущества, никого не обидел словом. Рама не смотрел на чужую жену. Это я, о мой дорогой сын, узнав, что царь хочет его короновать, потребовала у твоего отца его изгнания и твоей коронации. Верный обету, данному мне, Рама, сопровождаемый сыном Сумитры, удалился в лес вместе с Ситой. Не видя любимого сына, знаменитый монарх под бременем горя почил. Сегодня же, о мой добродетельный сын, прими корону! Все это я сделала для тебя! Отбрось горе, оставь страдания, вспомни о своей доблести, мой дорогой сын! Город, так же как и процветающее царство отныне твои! Сын мой вместе с главными брахманами, сведущими в традициях, под руководством Васишти соверши погребальный обряд для своего великого отца и взойди на трон правителя мира!

Глава 73. Бхарата упрекает мать

Охваченный горем Бхарата ответил:

– Зачем трон мне, безутешному, лишившемуся отца и брата, который был мне как отец? Ты – груда несчастья на несчастье! Ты бросила царя в могилу, а Раму – в изгнание, как если бы вылила едкую кислоту на рану! Как ночь смерти, ты пришла сюда разрушить мою семью! Беря тебя в жены, отец мой не сознавал, что ты подстрекательница! Ты довела до смерти моего государя, проклятая женщина! По своей глупости ты уничтожила свой процветающий род, о оскорбительница рода; даже зная тебя, мой отец, честный и славный царь Дашаратха погиб, убитый горем. Этот великий царь, мой отец, верный своему долгу, умер! По какой причине изгнан Рама, почему он ушел в лес? Из-за тебя, о мать моя, жизнь стала в тягость Каушалье и Сумитре, потому что они тоскуют по своим сыновьям! Разве благородный и доблестный Рама, преданный своим гуру, не выражал величайшего почтения тебе, как родной матери, разве старшая из наших матерей, большеглазая Каушалья, зная свой долг, не относилась к тебе, как к сестре? Ее великодушного сына в одеждах из древесной коры ты заставила жить в лесу. Почему ты не испытываешь угрызений совести, о порочная? Что заставило тебя сослать этого знаменитого героя, властелина чувств, чуждого страданиям, в лес в одеждах аскета? Я думаю, ты не знала о моей преданности Рагхаве, и потому, жажда царства, навлекла на всех это бедствие! Без этих двух тигров среди людей – Рамы и Лакшманы – где возьму я достаточно силы, чтобы защитить царство? Великий и добродетельный монарх всегда с надеждой смотрел на своего доблестного и всемогущего сына, ища у него поддержки, словно лес – на гору Меру! Как теленок выдержит тяжесть, которую несет на себе бык, где мне взять столько силы, чтобы вынести это бремя? Что бы я ни сделал силой йоги или разума, я не способен удовлетворить твоего материнского тщеславия! Как могла задумать ты столь греховный замысел, недостойный наших предков, своим поведением отделив себя от добродетельных людей? По традиции нашей династии старший сын наследует трон, и его братья клянутся в верности ему.

Похоже, ты не ведаешь о царской традиции, о порочная, и не сознаешь последствий, приносимых этим справедливым обычаем. Среди царевичей, только старший одевает корону; это установленный закон царствования, и особенно в роду Икшваку. Сегодня ты грубо попрала этот строгий закон, и вместе с ним тех, кто знаменит своими наследственными обрядами и благородными традициями. О богатая царица, родившаяся в царском доме, как пришел тебе на ум столь коварный план? О злобная негодяйка, знай, я никогда не поддамся иллюзии, которая ведет к попранию закона и моей гибели. Наоборот, к твоему великому расстройству, я приведу из леса своего брата, друга всех людей, о бесстыдная! Вернув Раму невообразимой славы, я всем сердцем стану его рабом!

Великодушный Бхарата бросал матери горькие упреки. Он предавался горю, из груди его вырывался непрерывный рев, словно у льва в своей пещере на горе Мандара.

Глава 74. Он продолжает осуждать Кайкеи

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
Обвинив мать, Бхарата во власти неистового гнева продолжал:

– Уходи из царства, о Кайкейи, порочное и жестокое создание! Сама добродетель отвернулась от тебя! Плачь не о мертвых, а обо мне! Что сделали тебе Рама или царь, исполненный добродетели, что одного ты довела до могилы, а другого сослала в лес? Уничтожив род, ты взяла на себя грех убийства брахмана! О Кайкейи, ты отправишься в ад, но не в мир, обретенный моими предками! Причиненным злом и безбожным поведением изгнав того, кого все любили, ты навлекла на меня позор! Из-за твоей ошибки отец мой умер, а Рама изгнан в лес, и это опорочило меня и в этом мире и в следующем! Ты мать лишь по названию, в действительности ты в своей жажде власти мой жестокий враг, никогда не обращай ко мне, о злобная негодяйка, убийца своего мужа! Каушалья, Сумитра и другие мои матери из-за тебя пребывают в горе, о оскорбительница рода! Нет, ты не дочь Ашвапати, который поддерживает дхарму и исполнен мудрости; тебя родила ракшаси в уничтожение дома моего отца; ты выдворила добродетельного Раму, воплощение героизма, в лес, из-за тебя отец мой удалился в обитель богов. О навлекшая на мою голову несчастье осиротевшего государства, отвергнутая двумя моими братьями и ненавидимая всем миром; ты лишила добродетельную Каушалью супруга и сына. Без причины навредившая остальным, что ожидает тебя? Ты отправишься на адские планеты! Разве ты не знаешь, что главной опорой нашей семьи является Рама, старший сын, равный своему отцу, рожденный Каушальей, о жестокое создание? Рожденный из ее членов и органов, сын – порождение сердца матери, и она любит его больше всех, хотя она может любить и всех своих родных. В давние времена добродетельная Сурабхи (сноска 1, 343), почитаемая богами, увидела, как два ее сына на земле тянут плуг, теряя сознание от усталости. Увидев в полдень своих изнуренных пахотой сыновей, она преисполнилась печали, лицо ее омылось слезами.

Тем временем ниже проходил великодушный царь богов, и ее слезы, ароматные как сандал, упали на него. Подняв глаза, царь богов увидел Сурабхи, стоявшую в небесах, печальную и одинокую, охваченная скорбью, она мычала. Видя почтенную богиню в горе, Индра-громовец, царь богов, трепеща, со сложенными ладонями спросил:

– Нам грозит великое бедствие? Почему ты скорбишь? Скажи, о доброжелательница мира.

На вопросы прозорливого царя богов Сурабхи красноречиво и благоразумно отвечала:

– Не беспокойся, о глава бессмертных, нам ниоткуда не грозит опасность, но я плачу о двух моих несчастных сыновьях. Когда я вижу их изнуренными, печальными, мучимыми солнечными лучами и избитыми работником низкой души, тех двух быков, рожденных из моей поясницы, которые умрут под тяжестью своего бремени, видя их столь несчастными, я страдаю, потому что для матери нет никого дороже сына.

Индра, первый среди богов, чувствуя ароматные слезы, что падали на его члены, проникся почтением к Сурабхи (сноска 1, 344).

Если она, уравновешенная и безупречная в своем желании накормить миры, столь славная, чьи деяния в согласии с нравом, мать тысяч сыновей, Камадука, так страдала, то что говорить о Каушалье, лишившейся Рамы? Эта добродетельная царица имеет только одного сына, и теперь по твоей милости она осталась без него! Ты всегда будешь несчастна, в этом мире и в следующем! Я же сделаю все, чтобы восстановить в правах моего брата и отца во имя их процветания и славы! Непременно! Чтобы вернуть этого длиннорукого воина, могучего правителя Кошалы, я пойду в девственный лес, обитель аскетов. Как стерплю я твою несправедливость перед лицом разбитых горем жителей? Ты же войди в огонь или сама отправляйся лес Дандака, или лучше одень веревку себе на шею; ты не заслуживаешь лучшей участи!

Сказав так, словно змей, раненый в лесу ядовитой стрелой, он упал наземь, в гнев дыша как ящер. Глаза его пылали, одежды были в беспорядке.

Сокрушитель врагов, он лежал на земле, словно знамя Индры по завершении церемонии. (сноска 2, 344)

Глава 75. Бхарата пытается утешить Каушалью

Прошло немало времени, пока он пришел в себя. Потом этот герой поднялся с глазами, мокрыми от слез, и, глядя на свою неудачливую мать, в кругу советников отрекся от нее:

– У меня нет желания править, я никогда не говорил об этом своей матери; я не знал о намерениях царя относительно коронации, потому что вместе с Шатругхной был в это время в далекой стране. Я ничего не знал об изгнании великодушного Рамы, о судьбе Саумитри и Ситы!

Пока доблестный Бхарата предавался скорби, его голос узнала Каушалья и сказала Сумитре:

– Приехал Бхарата, сын безжалостной Кайкеи! Я желаю видеть прозорливого Бхарату!

С бледным и изнуренным лицом, дрожа и лишаясь чувств, Каушалья говорила с Сумитрой, которая уже собиралась пойти за Бхаратой. Но в это время царскому сыну вместе с Шатругхной случилось проходить мимо покоев Каушальи. Бхарата и Шатругхна, увидев разбитую горем Каушалью, обняли ее.

Их слезы слились в одну реку. Благородная и добродетельная Каушалья, превозмогая горе, обняла их в ответ и обратилась к Бхарате:

– Она без помех завоевала для тебя трон, которого ты жаждал; по милости Кайкеи, благодаря ее несправедливости скоро ты обретешь его! Она отправила моего сына жить в лесу и носить одежды из коры! Что злобная Кайкеи надеется извлечь из этого? Пусть она сейчас же сошлет меня к моему сыну, Хираньягарбхе, (сноска 1, 345) или лучше я вместе с Сумитрой после огненного жертвоприношения (сноска 2, 345) счастливо уйду путем, по которому пошел Рагхава; пока ты сам не отведешь меня туда, где аскетом живет мой сын, тигр среди людей, до тех пор это обширное царство, полное богатства и зерна, изобилующее слонами, конями и колесницами, has been made over to thee!

Обвиняемый во многих грехах, которые не совершал, Бхарата задрожал, как от стрекала вонзившегося в открытую рану. Он упал царице в ноги, издавая невнятные звуки. Придя в себя, Бхарата со сложенными ладонями отвечал на упреки Каушальи, полной бесчисленных подозрений:

– О благородная женщина, почему ты обвиняешь меня, когда нет на мне вины? Ты знаешь, как сильно я люблю Рагхаву. Пусть ум человека, посоветовавшего сослать царевича, верного дружбе, лучшего из людей, следующего закону, станет невосприимчив ко всем священным писаниям, пусть он станет рабом мерзких негодяев, пусть солнце помочится ему в лицо, пусть лягнет его спящая корова! Пусть он станет слугой жестокого хозяина, который нагружает своих слуг тяжелой работой, не давая вознаграждения! Пусть он несет бремя вины тех, кто ищет зла царю, который покровительствует своим поданным, словно родным детям! Пусть вина монарха, который берет шестнадцатую часть доходов своих подданных, но лишает их своей защиты, ляжет на того, кто посоветовал изгнать Раму. Пусть грех тех, кто дал слово на огненном жертвоприношении, отказался раздать традиционную милостыню, ляжет на того, кто посоветовал изгнать того благородного царевича! Пусть грех того, кто spolна владея слонами, конями, колесницами и оружием, не в силах сражаться честно, ляжет на того, кто посоветовал изгнать царевича!

Пусть этот порочный негодяй забудет тонкие наставления писаний, переданные мудрыми гуру, и извратит их смысл! Пусть тот, кто пожелал этого изгнания, никогда не увидит этого широкоплечего царевича, сияющего как солнце или луна, восседающего на троне! Пусть тот, кто безжалостно настоял на его изгнании, страдает так же, как и человек, без пользы принявший молоко, рис и рыбу, или не испытывающий почтения к своим гуру! Пусть он страдает, как человек, пинающий корову, осуждающий своего гуру и оскорбляющий друзей!

Пусть это злобное создание разгласит хранимую тайну! Пусть он не узнает служения, оказанного ему и останется неблагодарным; пусть он останется без поддержки, без стыда, пусть друзья презирают его. Пусть родные, сыновья, рабы и слуги прогонят его из собственного дома, пусть он ест сладости, не делясь с остальными (сноска 1, 347). Пусть он не найдет супруги из той же касты, пусть он умрет без потомства, не исполнив своих религиозных обязанностей! Пусть он живет, не видя своих наследников, пусть будет несчастен в своем союзе, пусть дни его будут короткими! Пусть на него ляжет

вина за убийство царя, женщины, ребенка или старика, пусть он страдает от позора бегства своих слуг! В следующих рождениях пусть он страдает от таких же дурных черт, как и тот, кто торгует лаком, мясом, медом, медью и ядом (сноска 2, 347), ради пропитания своей семьи! Пусть враги его убьют, когда он будет бежать в разгаре сражения. Пусть этот грешник блуждает по свету с деревянной чашей в руках, в холстине, прося милостыню, подобно безумцу.

Пусть получит он вино, женщин и азартные игры, пусть одолеют его страсть и гнев! Пусть справедливость не найдет себе места в душе того, кто посоветовал изгнать Раму, пусть он развивает семейственность с теми, кто не заслуживает ее! (сноска 3, 347) Пусть воры унесут все его богатства и собственность! Пусть падет на его грех того, кто спит на рассвете и в сумерки! Пусть его обвинят в поджоге, непочтении к постели гуру и предательстве друга! Пусть такой человек не покорится богам, питриям и своим отцу и матери! Пусть он будет изгнан из общества добродетельных людей, не слышит их добрых имен и праведных деяний! Пусть тот, кто посоветовал изгнать длиннорукого и широкоплечего царевича, перестанет выражать почтение своей матери и будет обречен на праздность и лень! Пусть он, имея бесчисленных родственников, останется без средств, подорванный лихорадкой и болезнью и живет в постоянных страданиях! Пусть ляжет на него грех тех, кто обманул надежды страждущих, в своей нищете поднимающих глаза свои и молящих о помощи!

Пусть потворствует он всем видам обмана, будет хитрым, подлым, вероломным и живет в страхе перед законной властью! Пусть обвинит его благочестивая и преданная супруга, приблизившись к нему в расцвете своей красоты. Пусть ляжет на него проклятие брахмана, добровольно лишившегося потомства!

Пусть вина того, кто извратив свой ум, не оказал почтения брахману и обманул корову, кормящую своего маленького теленка, ляжет на того, кто посоветовал изгнать царевича! Пусть он, пренебрегая собственной женой, ухаживает за женой другого и в своем безрассудстве преступит закон! Пусть преступление того, кто осквернил колодец или подложил яд другому, ляжет на него! Пусть ляжет на него грех, того, кто имя воду, не дал ее истомленному жаждой! Пусть грех того, кто судит две религиозные дискутирующие стороны, выражая пристрастие к одной из них, ляжет на него, пососоветовавшего изгнать лотосоокого Раму!

Несчастный царевич, пытаясь утешить Каушалю, лишившуюся супруга и сына, припал к ее стопам. И тогда царица сказала Бхарате, изрекшему те страшные проклятия, обезумевшему от горя:

– О сын мой, страдания мои увеличиваются, когда я вижу тебя лежащим здесь, сердце огорчено твоими проклятиями! По милости небес душа твоя, полная благородства, не отступит от своего долга! О дитя мое, справедливость приведет тебя в благословенную обитель!

С этими словами она посадила Бхарату, преданного брату, к себе на колени и обняла его могучерукого, давая волю своему горю.

Скорбя, великодушный царевич, обезумев от страданий, чувствовал себя на грани обморока. Заикаясь, он произнес несколько несвязных слов. Все время вздыхая, вне себя, он лежал на полу, в горе не замечая, как проходит ночь.

Глава 76. Погребальные церемонии царя Дашаратхи

Бхарата, сын Кайкеи пребывал в горе, когда к нему обратился Васиштха, самый красноречивый из аскетов:

– Довольно предаваться скорби; будь счастлив, о царевич великой славы, пришло тебе время совершить торжественные ритуалы погребения царя!

Бхарата, зная свой долг, низко поклонился и стал готовиться к обряду.

Он извлек тело царя Дашаратхи с золотистым лицом из земли, где оно лежало в масле и казалось спящим, поместил его на великолепное ложе, украшенное всеми видами драгоценных камней и, преисполненный горя, сказал отцу:

– О великий царь, что ты сделал, накануне моего возвращения, изгнав добродетельного Раму и доблестного Лакшману? Куда ты ушел, о великий монарх, покинув своих подданных, скорбящих в разлуке с Рамой, львом среди

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
людей благословенной судьбы? Кто обеспечит безопасность и мир твоих подданных в этом городе, когда ты удалился на небеса, а Рама ушел в лес, о дорогой отец? Земля овдовела, о царь; она утратила свое сияние; город кажется ночью без луны.

Видя терзания Бхараты, к нему обратился Васиштха, великий мунни:

– О доблестный царевич, без промедления и ропота, соверши положенные погребальные обряды по ушедшему царю!

– Быть тому! – отвечал Бхарата и, послушный воле Васиштхи, тут же созвал со всех сторон священнослужителей с их помощниками и мудрецов.

За пределами агньягары (сноска 1, 350) священнослужители и их слуги согласно ритуалу развели огонь для того индры среди людей. Затем слуги, положив тело царя на носилки, с удрученными лицами, плача, вынесли его; люди, разбрасывая золото, серебро и одежды всех видов шли перед царем, тогда как другие собирали сандал, сладкий алоэ и различные ароматные травы, а также груды деревьев шаралы, ведадару и падмака, чтобы устроить погребальный костер. Приблизившись туда, где лежал царь, ритвиджи предложили сандал, стебли водяной лилии, сладкие корни и благовония и, вылив в огонь масло, начали читать молчаливые молитвы; после этого певцы стали читать Сама-веду, как это указывают писания.

Женщины из дворцовых покоев покинули город в паланкинах и на колесницах согласно занимаемому положению, сопровождаемые престарелыми стражниками; священники, окружавшие царский погребальный костер, велели им идти слева от себя, и женщины, охваченные горем, шли вслед за Каушалей.

Лишь только они сошли со своих колесниц на берега реки Сараю, раздались их душераздирающие крики.

Совершив водный ритуал (сноска 2, 350), жены монарха, а также советники и священнослужители вместе с Бхаратой вернулись в город, глаза их тонули в слезах. В течение десяти последующих дней глубокого траура (сноска 3, 350) они спали на земле.

Глава 77. Горе Бхараты и Шатругхны

Спустя десять дней царевич, превозмогая горе, приготовился к дальнейшим церемониям и раздал брахманам золото, драгоценности, лущеный рис, бесспорные стада коз, серебро, коров, слуг и служанок, колесницы и просторные дома. На тринадцатый день на рассвете длиннорукий воин Бхарата, разбитый горем, излил свою скорбь и, представ на очистительной церемонии у погребального костра, голосом полным печали, сказал:

– О отец мой, изгнав Раму в лес, которого всегда считал моим спутником, сам ты покинул меня, оставив без поддержки! Куда ты ушел, о дорогой отец, о мой царь, покинув Каушалю? Она осталась без защитника, потому что ее опорой был Рама!

Глядя на пламя погребального костра с пеплом побелевших костей, где сгорело тело его отца, он упал на землю, громко крича и теряя сознание. Видя несчастного царевича, в рыданиях лежащего на земле, словно великое знамя индры, которое необходимо поднять (сноска 1, 351), все советники бросились помочь этому чистосердечному царевичу, как прежде риши помогли Яяти, упавшему с небес, когда истощился запас его благочестия.

Шатругхна, видя Бхарату во власти горя, взывающего к отцу, тоже без чувств упал наземь, и словно утратив разум, вне себя, вспоминая все добро, содеянное для него отцом, погрузился в океан печали, навлеченной Мантхарой, в котором подобно крокодилу плавала Кайкейи, безвозвратно теряя все дарованные прежде благословения.

– О дорогой отец, – кричал он, – куда ты ушел, покинув своего нежного и юного сына, которого ты так любил? Кто теперь позаботится о нашей пище, питье, одежде и украшениях? О великодушный и добродетельный монарх, почему земля не расколослась, лишившись знаменитого государя? Отец мой вернулся на небеса, а Рама ушел в лес, как теперь мне жить? Я брошусь в огонь! Без отца и брата не могу вернуться в Айодхью, которой правил Икшваку и которую теперь покинул. Я буду жить в хижине!

Слушая скорбные слова двух братьев и видя их горе, окружавшие их спутники преисполнились печали. Шатругхна и Бхарата потеряли сознание и упали наземь, словно два тура, лишившиеся рогов.

Тогда Васиштха, добродетельный и мягкий духовный наставник их отца, помог Бхарате подняться и сказал (сноска 1, 352):

– О господин, уже тринадцатый день, как почил царь, почему ты медлишь собрать кости и пепел? Все живое без исключения страдает от трех вещей, человек не может избежать их (сноска 2, 352).

Сумантра помог Шатругхне и утешая, красноречиво напомнил, что все сущее имеет начало и конец.

Поднявшись, те двое тигров среди людей, исполненные великолепия, напоминавшие два стяга Индры, поникшие от солнца и дождя, вытерли слезы и с красными глазами, все еще скорбя, понуждаемые советниками, поспешили завершить оставшиеся погребальные ритуалы.

Глава 78. Шатругхна наказывает Мантхару

Пока Бхарата грустно размышлял о том, как ему вернуть Раму, Шатругхна, его младший брат сказал:

– Тот, кто хранит все живое от беды и способен постоять за себя, Рама, исполненный доблести, изгнан в лес женщиной. Почему Лакшмана, сильный и мужественный, не защитил Раму, даже если бы он нарушил волю отца?

Размышляя о справедливости происшедшего, я считаю, что царя, оказавшегося под влиянием женщины, нужно было остановить с самого начала!

Пока Шатругхна, младший брат Лакшманы, говорил с Бхаратой, в дверях появилась горбунья, в дорогих украшениях. Она была умощена сандаловой пастой, одета в богато расшитые царские одежды. Подпоясанная кушаком, в бесценных камнях она напоминала обезьяну, связанную веревками. Увидев горбунью, главный источник всех бед, стражники грубо схватили ее и, притащив к Шатругхне, сказали:

– Эта злобная женщина стала причиной изгнания Рамы и смерти твоего отца; делай с нею все, что сочтешь достойным ее!

Разгневанный Шатругхна воскликнул:

– Пусть эта женщина, принеся столько горя моим братьям и отцу, получит плоды своего зла!

С этими словами, он сильной рукой вытащил горбунью из толпы служанок, и дворец огласился ее пронзительными воплями. Видя разгневанного Шатругхну, остальные в ужасе разбежались во все стороны, говоря: «Гнев его так силен, что он убьет всех нас! Нужно скорее искать прибежища у сострадательной и великодушной Каушалы, исполненной добродетелями; там мы наверняка найдем защиту!

Охваченный гневом Шатругхна, победитель своих врагов, обрушил на горбунью ливень ударов, и она, бросившись наземь, стала пронзительно кричать, все ее многочисленные украшения рассыпались по полу, так что великолепный царский дворец стал сверкать еще сильнее, словно осеннее небо, усеянное мириадами звезд.

Держа горбунью, этот тур среди людей обратился к Кайкеи гневно и с угрозой обратился к нечестивой Кайкеи, и царица в ужасе стала искать защиты у своего сына. Тогда Бхарата, обратив на Шатругхну гневный взгляд, сказал:

– Нельзя убивать женщину, поэтому держи себя в руках! Я сам бы приготовил злобную Кайкеи к смерти за ее отвратительное поведение, но я боюсь добродетельный Рама упрекнет меня потом за смерть моей матери. Если Рагхава справедливой души услышит о смерти этой горбуни, он наверняка сделает что-нибудь с тобой или со мной!

Слова эти остановили младшего брата Лакшманы, он отпустил обессилившую от

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
страха горбунью; Мантхара припала к стопам Кайкеи, еле дыша и жалобно всхлипывая.

Мать Бхараты понемногу успокоила несчастную горбунью, обезумевшую от страха перед Шатругхной и напоминавшую птицу краунча, попавшую в петлю.

Глава 79. Бхарта отрекается от трона

Ранним утром четырнадцатого дня те, на ком лежал долг провозгласить (нового) царя, собрались вместе и обратились к Бхарате:

– Наш почтенный повелитель, Дашаратха, изгнав твоего старшего брата Раму в лес вместе с доблестным Лакшманой, а сам удалился на небеса. Теперь ты наш царь, ибо царство осталось без защиты и подвержено любым непредвиденным нападениям. Все готово для церемонии коронации, твои родственники, а также все люди Айодхьи, ждут случая, о царевич, потомок династии Рагху! Займи трон предков, о Бхарата, прими божественное помазание и правь нами, о тур среди людей!

Бхарата, верный своему долгу, обошел вправо священную урну и ответил всем:

– По традиции нашей с семьи трон принадлежит старшему сыну; поэтому, о праведные люди, не провозглашайте меня царем! Рама, мой старший брат будет царем, я же удалюсь в лес на четырнадцать лет! Готовьте великую армию из четырех воинских соединений! Я отправляюсь искать Раму в лесу и пошлю вперед все, что вы приготовили для коронации. Там мы проведем первую церемонию коронации Рамы, этого тигра среди людей, а когда я привезу его обратно, вы разведете священный огонь жертвоприношения! Я никогда не пойду на поводу у этой женщины; уж лучше я удалюсь в недоступный лес, а Рама станет царем. Наберите рабочих проложить дороги и выровнять холмистую землю, прежде послав вперед опытных людей исследовать опасные районы.

В ответ на слова Бхараты о Рам люди почтительно сказали:

– О царевич, за то, что ты желаешь дать земле старшего царского сына, пусть богиня процветания всегда сопутствует тебе!

Глаза всех, кто слышал милостивую речь Бхараты, увлажнились слезами, что подчеркнуло благородство их лиц. Счастливые министры отбросили печаль и сказали, обращаясь к Бхарате:

– О первый среди людей, согласно твоему приказу мы соберем огромное число преданных людей и отряд рабочих в дорогу!

Глава 80. Строительство дороги

Созвали всех, кто был разбирался в породах земли, был опытен в лесах, а также рабочих, энергичных и могучих, землекопов, механиков, архитекторов, инженеров, плотников, дорожных ремонтников, лесорубов, поваров, парфюмеров, тех, плетет корзины, кожевников и землемеров, и вся эта могучая толпа напоминала море в полнолуние.

Отовсюду пришли люди, сведущие в строительстве дорог, снабженные всем необходимым инструментом, и выступили вперед проложить путь, вырубая лианы и кустарник и, где необходимо, ветви деревьев. Силачи бросали в огонь стволы деревьев и ровняли землю глиной, заполняя рвы и канавы, другие мостили маленькие реки и потоки и расчищали дорогу от камней и терниев, дробили скалы, преграждавшие водяные потоки. В безводных областях на маленьких ручьях соорудили плотины и рыли пруды и глубокие колодцы, где до воды можно было спуститься по уступам в ярусах и где человек мог отдохнуть. Дорога для царской армии ровная и широкая с цветами по обеим сторонам, где пели бесчисленные птицы, опьянев от радости, украшенная стягами, окропленными сандалом и усыпанная цветами всех видов, напоминала дорогу богов. Среди чарующего пейзажа с прекрасными деревьями, обремененными сладкими фруктами, выбрали место для лагеря великодушного Бхараты, умелые ремесленники щедро украсили его, так что оно казалось сплошным орнаментом; учитывая накшатру и мухурту (сноска 1, 356) они устроили для знаменитого Бхараты лагерь с высокой насыпью из песка, окруженный рвом, улицы там сверкали как сапфиры. Увенчанный башенками, укрепленными штукатуркой валами, со сверкающими знаменами и искусно проложенными дорогами, с величественными террасами, храмами, украшенными богатым орнаментом лагерь

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
Бхараты напоминал своим великолепием город Шакры!

Дорога эта вела до самой Джанхави, чьи чистые прозрачные воды, изобилующие рыбой, текут меж всех видов лесов и рощ; дорогая, проложенная Бхаратой при помощи умелых рабочих, была великолепной, как безукоризненная ночь, освещенная луной и звездами.

Глава 81. Васиштха созывает царское собрание

На исходе той благоприятной ночи раздалась голоса бардов и певцов, поющих хвалебные гимны во славу Бхарате, зазвучали барабаны, (сноска 1, 357) в которые били золотыми палками, другие дули в сотни пронзительные раковины, извлекая из них все возможные звуки. Музыка, заполнившая небеса, только умножила печаль Бхараты. Преисполненный горя он поднялся и, повелев всем замолчать, сказал Шатругхне:

– Я не царь! О Шатругхна, взгляни на этих заблудших людей, последовавших примеру Кайкеи! Царь Дашаратха ушел, оставив мне это бремя страданий! Будущее государства, основанного на справедливости, теперь в опасности, словно дрейфующее судно без руля в океане! Нашего всемогущего лоцмана, Рагхаву, мать моя, изгнала в лес, поправ всякую добродетель!

Услышав скорбные слова Бхараты, женщины во внутренних покоях подняли крик. В этот момент в зал собраний Икшваку, построенный из чистого золота и выложенный драгоценными камнями, подобный залу Судхарме (сноска 2, 357) вошел знаменитый Васиштха, верный царской традиции.

Добродетельный аскет, сведущий в Веде, заняв свое место на золотом сиденье, покрытом превосходной тканью, вышитой благоприятными символами, отдал своим посланником приказ:

– Сейчас же соберите брахманов, кшатриев, министров и военачальников, вопрос великой важности ожидает их. Пригласите также знаменитого Бхарату и Шатругхну, а также других царевичей и Юдхаджита, Сумантру и всех остальных достойных сана.

Повсюду звучали крики «Халахала!» тех, кто спешил на колесницах, конях и слонах; затем вошел под шумные приветствия людей и Бхарата, словно Шатакрату, приветствуемый богами или царь Дашаратха в прежние времена.

Зал этот, украшенный присутствием сына Дашаратхи, казался спокойным озером, изобилующим жемчугом, раковинами и песком, полным громадных рыб и змеев, словно сам Дашаратха вновь воцарился в Айодхье.

Глава 82. Бхарата готовится к поискам Рамы

Бхарата увидел благородное собрание, подобное ночи на полную луну. Почтенные люди занимали свои места согласно занимаемому положению, богатство их одежд и украшений усиливало окружающее величие, так что зал собраний сиял, словно звездная ночь в полнолуние в конце сезона дождей.

Видя, что собрался весь царский двор, главный священнослужитель Васиштха мягко обратился к Бхарате:

– О дорогой сын, царь Дашаратха удалился на небеса по пути почета, оставив тебе это плодородное царство, изобилующее богатством и зерном! Как восходящая луна не изливает на землю свой благодатный свет, так и Рама, преданный долгу добродетели, остался смиренен перед отцовской волей. Твой отец и брат покинули трон; ничто не препятствует тебе наладить власть на радость твоим министрам, прими божественное помазание! Пусть все люди и титулованные особы из северных, южных и западных стран поднесут тебе бесчисленные драгоценные камни!

Слова эти огорчили праведного Бхарату, жаждущего справедливости, твердо решившего тотчас же отправиться за Рамой! Задышавшись от рыданий, напоминая лебедь, этот царевич разразился слезами на глазах у всего собрания, а потом с упреком обратился к своему духовному учителю:

– О господин, как могу я вырвать из рук трон у того, кто соблюдая обет брахмачарьи, сведущ в науке Веды и верен своему долгу? Как сын Дашаратхи станет узурпатором короны? Оба царства и я сам принадлежим Раме; давайте

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
говорить согласно справедливости! Какутстха – первый сын, непревзойденных достоинств, исполнен преданности и равен Дилипе и Нахуше; трон принадлежит ему, как прежде принадлежал Дашаратхе. Я совершу страшный грех, недостойный моего благородного рода, если запятнаю в этом мире имя Икшваку! Я ненавижу ошибку, допущенную моей матерью и хочу со сложенными ладонями отдать дань почтения тому, кто живет в недоступно глубоких лесах! Я последую за Рамой, он высший правитель людей; Рагхава достоин править тремя мирами!

От этих слов все собрание, вспоминая Раму, разразилось слезами радости! Бхарата продолжал:

– Если я не смогу вернуть царевича из леса, я сам останусь там, по примеру благородного Лакшманы. Я приложу все силы, чтобы убедить этого героя вернуться в обществе знаменитых и добродетельных дваждырожденных.

У меня есть добровольные рабочие, которые могут расчистить путь, и путешествие, которое я задумал, радует меня!

Добродетельный Бхарата, полный любви к брату, обратился к Сумантре, сведущему в мантрах и стоявшему рядом:

– Скорее приготовься Сумантра к походу за Рамой, мы должны привезти его безотлагательно!

Воодушевленный приказом Бхараты, Сумантра радостно сделал все необходимое; с радостью в сердце министры и слуги доблестного Бхараты слушали о том, в каком направлении отправляться на поиски Рагхавы. Жены солдат в каждом доме радостно собирали своих мужей в этот поход, предназначенный вернуть Раму.

Офицеры, провожаемые женами, распорядились всей армии с быстротой мысли седлать коней, готовить колесницы и воловьих повозки.

Видя, что армия готова выступить, Бхарата в присутствии гуру сказал Сумантре, стоявшему неподалеку:

– Скорее готовь мою колесницу!

Преисполненный радости Сумантра поспешил к своей колеснице, чтобы запрячь превосходных коней. Затем потом Рагху, исполненный преданности, доблести, неизменный и добродетельный, решивший привезти из леса благословенного и знаменитого Раму, сказал исключительно послушному колесничему:

– Скажи генералам безотлагательно собирать отряды, о Сумантра, я желаю убедить Раму оставить свое лесное уединение во имя спасения мира!

Получив от Бхараты, осуществлявшего свои возвышенные намерения, ясный приказ, Сумантра созвал министров и генералов армии вместе с царевичами и дружелюбной толпой, пока воины, купцы и люди низших каст запрягали свои колесницы, слонов и воловьих повозки.

Глава 83. Бхарата достигает берегов Ганги

Ранним утром Бхарата, взойдя на свою великолепную колесницу, скорее отправился в путь, всем сердцем жажда увидеть Раму.

Бхарата, радость династии Икшваку, начал свое путешествие, сопровождаемый министрами священнослужителями, которые возвышались на колесницах, запряженных конями, равными коням бога солнца, и на богато украшенных слонах. Шестьдесят тысяч колесниц с лучниками, вооруженными всеми видами оружия, следовали за царевичем, величественно продвигающимся вперед. Сотни тысяч конников сопровождали сына Рагху, Бхарату, знаменитого потомка царя.

Кайкеи, Сумантра и благородная Каушалья, радуясь возвращению Рамы, взойшли на великолепную колесницу, и за ними согласно занимаемому положению последовали множество людей, с нетерпением желая снова увидеть Раму и Лакшману; с ликующими сердцами она называли друг друга удивительные достоинства этого героя:

– Когда увидим мы могучерукого царевича, чье тело цветом подобно темному облаку, этого героя непоколебимого мужества и непреклонной целеустремленности, который избавит землю от печали? Как только мы увидим

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
Рагхаву, страдания наши рассеются, как тьма с восходом солнца!

Продолжая свой путь, жители Айодхьи счастливо говорили о славных подвигах Рамы и обнимали друг друга. Были там также и торговцы и простолюдины в праздничных нарядах, радующиеся скорой встрече с Рамой.

Ювелиры, горшечники, кожевники всех видов, оружейники, ловцы павлинов, плотники, резчики по камню и слоновой кости, кондитеры и поставщики ароматных сандала, алоэ и проч., золотых дел мастера и известные торговцы шерстью, массажисты, врачеватели, парфюмеры, виноделы, прачечники, портные, главы деревень, пастухи, фокусники и рыбаки – все пустились в это путешествие вместе со своими женами. Брахманы, сведущие в Веде и славные своей добродетелью разместились на тысячах колесниц и воловьих повозках, чтобы сопровождать Бхарату. В чистых и нарядных одеждах, умашенные красной сандаловой пастой, они спокойно следовали за Бхаратой, возвышаясь на своих великолепных повозках. В великой радости армия сопровождала сына Кайкеи, Бхарату, отправившегося на поиски любимого брата.

Соблюдая необходимую дистанцию, она продолжали свой путь на колесницах и повозках, на своих конях и слонах, пока не достигли Ганги близ города Шрингавери. Рядом жил друг Рамы, доблестных Гуха вместе со своими родственниками, бдительно охраняя границы государства. Достигнув берегов Ганги, излюбленного места диких птиц, армия, сопровождавшая Бхарату, остановилась. Осмотрев свою армию близ Ганги благословенных вод, Бхарата обратился к офицерам с речью, исполненной добрых чувств:

– Я приказываю всей армии отдыхать! Завтра, когда все отдохнут, мы переправимся через эту реку, служанку океана! Набрав воды из реки, я желаю предложить ее почившему царю ради блага в его будущей жизни!

Офицеры отвечали в один голос:

– Быть тому! – и на свое усмотрение с удобством расположили свои силы на берегах Ганги, могущей реки. Пока армия ела, Бхарата с волнением размышлял, как ему вернуть великодушного Раму.

Глава 84. Гуха разыскивает Бхарату

Наблюдая за армией, расположившейся на берегах Ганги, царь нишадов сказал окружавшим его родственникам:

– Взгляните на эту армию, огромную, как океан! Я не в силах вообразить ее размеров! Несомненно, это глупый Бхарата. Неужели этот могучий воин, над колесницей которого развевается флаг с изображением дерева ковидара (сноска 1, 362), свяжет нас веревками или убьет, а потом нападет на Раму, изгнанного отцом из царства? Завидуя недостижимой славе Рамы, истинного государя, сын Кайкеи пришел уничтожить его! Сын Дашаратхи, Рама, – мой друг и повелитель; вы, разделяя в сердцах его интересы, вооруженными можете оставаться здесь, на берегах Ганги. Пусть все мои могущественные сторонники остаются здесь, препятствуя Бхарате переправиться через реку. Приготовьте пятьсот лодок, чтобы в каждой было по сто молодых и опытных рыболовов! Распорядившись, Гуха добавил:

– Если бы Бхарата был хорошо расположен к Раме, его армия сегодня же в полной безопасности переправилась бы через реку!

С этими словами государь нишадов, взяв с собой в дар рыбу, мясо и мед, направил шаги свои к Бхарате.

Увидев царя, Сумантра, сын колесничего побеседовал с ним достаточное время, а потом смиренно сообщил Бхарате:

– Этот господин, окруженный тысячей своих людей и хорошо знающий лес Дандаку, является старым другом твоего старшего брата! О Какутстха, пусть Гуха, царь нишадов, получит твою аудиенцию; без сомнений, он знает, где находится Рама и Лакшмана!

Бхарата отвечал радостно:

– Сейчас же пригласи ко мне Гуху! Довольный приглашением Гуха в

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
сопровождении родственников приблизился к Бхарате и, поклонившись ему, сказал:

– Эти места богаты пищей, и хотя ты удивил нас, мы услужливо предоставляем все, располагайся, как дома. Нишады собирали здесь много корней и фруктов, здесь также много свежего и сушеного мяса и все остальных даров леса. Пусть армия твоя располагается и проведет здесь ночь; завтра, взяв с собой все необходимое, ты все со своими людьми продолжишь путешествие!

Глава 85. Бхарата развеивает подозрения Гухи

Бхарата отвечал Гухе, государю Нишадов, доброжелательно, раскрывая свои намерения:

– О повелитель и друг, ты исполнил все мои желания, оказав гостеприимство моей большой армии!

Приветствовав Гуху такими учтивыми словами, знаменитый и благословенный Бхарата спросил, куда дальше держать путь:

– Как мне достичь хижины Бхарадваджи? Эта страна, омытая водами Ганги, полна густых лесов, берега рек заболочены, по ней не легко путешествовать!

Гуха, хорошо зная местные пути и непроходимые леса, со сложенными ладонями благоразумно отвечал:

– О доблестный царевич, опытные и послушные слуги проведут тебя, я сам буду сопровождать тебя! И все же твоя огромная армия вызывает у меня опасения; возможно, ты намерен причинить зло Раме, герою бесчисленных подвигов?

Бхарата, чья душа была подобна безупречным небесам, мягко отвечал Гухе:

– Я далек от той греховной мысли, в которой ты никогда не должен подозревать меня! Я собираюсь вернуть Какутстху из леса, в котором он живет; у меня нет иных намерений, о Гуха, я говорю истину!

Гуха, чье лицо снова приняло безмятежное выражение, радостно отвечал:

– Будь благословен! Тебе нет равных на земле, о Бхарата, желающий отречься от империи, которую приобрел, не прилагая к тому усилий!

Несомненно, слава твоя будет жить в веках, если ты освободишь Раму от его страшного обета!

Пока Гуха беседовал с Бхаратой, солнце село и спустилась ночь.

Удачливый Бхарата, довольный встречей с Гухой, вернулся в лагерь и лег отдохнуть рядом с Шатругхной. Но мысли о Раме опечалили сердце великодушного Бхараты, жаждавшего лишь исполнить свой долг. Как лес полых деревьев истреблен огнем, сокрытым в их полых стволах, также иссушало его горе, пот катился по всем его членам, как талый снег с Гималаев под солнечными лучами. Сын Кайкеи был раздавлен этой горой неудачи, где его заботы и беспокойства были ее скалистыми пещерами, его вздохи и стоны – ее лесами, его страдания и усталость – ее вершинами, его отчаяние – бесчисленные дикими зверями, а его напряжение – дрок и тростник в ее лесах.

Во власти горя, вздыхая, с расстроенным умом, на вершине страданий он не мог уснуть, потому что огонь лихорадки бушевал в груди этого исключительного человека, напоминавшего тура, отбившегося от стада.

Охваченный печальными воспоминаниями Бхарата, окруженный слугами, разыскал Гуху, который понемногу утешил его относительно его старшего брата.

Глава 86. Гуха рассказывает Бхарате о преданности Лакшманы

Гуха, житель здешних густых лесов, поведал Бхарате о преданности великодушного Лакшманы:

– Бдительный, увенчанный всеми добродетелями, с луком в руках и превосходными стрелами, которыми он всегда готов защитить своего брата – таков Лакшмана! Я сказал ему: «Друг, вот удобная постель для тебя; отдохни

спокойно, о потомок Рагху! Мои люди привыкли к лишениям, но ты всегда жил в роскоши, о добродетельный царевич; мы позаботимся о безопасности Рама! Никто в мире не дорог нам, как оно; не беспокойся, я говорю тебе истину! По милости Рама я обрету величайшую славу в этом мире, а также награду за исполненный долг, плод истинных интересов и законное наслаждение. Дорогой друг, пока Рама спит рядом с Ситой, я с луком в руках буду охранять его вместе с моими родственниками! Ничто не ускользнет от моего взора в этом исхоженном мною лесу! Мы даже готовы отразить нападение армии из четырех воинских соединений!»

Выслушав меня, великодушный Лакшмана поблагодарил всех нас, но, исключительно верный своему долгу, ответил: «Могу ли я отдыхать в тишине и покое, когда Дашаратхи спит на земле рядом с Ситой? О Гуха взгляни на него, способного противостоять объединенным силам богов и демонов, но теперь распростершегося на траве вместе с Ситой! Прошедший через множество аскез и испытаний плоти, этот сын Дашаратхи как никто другой походит на своего отца. Изгнав его, царь не долго не проживет, и земля овдовеет. Женщины во внутренних покоях будут издавать душераздирающие крики, а потом замолчат в изнеможении; шум в царском дворце стих. Я не верю, что Каушалья, царь или моя мать переживут эту ночь! Сумитра еще выживет благодаря своей любви к Шатругхне, но не Каушалья, лишившаяся единственного сына! Видя, что надежды рухнули, не в силах отдать Раме трон, отец мой умрет, а те, кто достиг своей цели, проведут погребальные обряды. Потом они будут радостно жить в царской столице моего отца с ее прекрасными перекрестками, парками, большими дорогами, роскошными зданиями, дворцами, инкрустированными драгоценными камнями, со всеми ее конями, слонами и колесницами, звучащими барабанами, местами развлечений, полными процветающих, сытых людей, с ее великолепными садами и парками, постоянными собраниями и праздниками. Пусть мы с этим добродетельным героем, верным своим обетам, счастливые вернемся туда по истечении срока его изгнания!»

Пока великодушный царевич сокрушался, стоя на страже, прошла ночь. И как только взошло безупречное солнце, два царевича, спутав волосы с моей помощью, поднялись на этот берег реки Бхагиратхи. Со спутанными волосами, в одеждах из древесной коры два добродетельных брата, похожих на вожаков слоновьего стада, вооруженные луками удивительными стрелами, эти два победителя врагов оглянулись, бросив на меня прощальный взгляд, и ушли вместе с Ситой.

Глава 87. Горе Бхараты

Бхарата слушал Гуху в глубокой печали. Мягкий, могучерукий и великодушный царевич с львиными плечами, огромными как распустившиеся лотосы глазами, деликатный и изящных во всех отношениях неожиданно вздохнул и в муках потерял сознание, словно слон, раненый стрелом в самое сердце.

Видя Бхарату без чувств, Гуха побледнел и задрожал, как дерево во время землетрясения. Шатругхна, что стоял рядом, не поднял Бхарату с земли и, издав громкий крик, преисполнился горя.

В этот момент царицы, изнуренные постом и великим несчастьем потери мужа, не находя утешения, с рыданиями окружили Бхарату, распростертого на земле. Каушалья, терзаемая горем, склонилась над ним, обняла его и обласкала, как корова теленка. Потом несчастная царица, дав волю горю и плачу, спросила Бхарату:

– О сын мой, что за болезнь сковала все твои члены? Этот царский дом теперь зависит только от тебя! Рама вместе со своим братом в лесу, царь Дашаратха умер, лишь даешь мне силы жить; или ты услышал какие-то дурные вести о Лакшмане и моем единственном сыне, изгнанном в лес вместе со своею супругой?

Знаменитый царевич пришел в себя и, все еще плача, успокоил Каушалью.

Потом он обратился к Гухе:

– Где мой брат, Сита и Лакшмана провели ночь? На чем он спал, приняв немного пищи? О Гуха, расскажи мне все.

И тогда царь нишадов Гуха рассказал Бхарате все, что он как доброжелательный и гостеприимный хозяин сделал для Рама:

– Я снова принес Рама все виды пищи, различные фрукты, но этот герой, отверг все и, памятуя о своем долге воина, сказал: «Мы не должны ничего принимать, друг мой, мы должны давать». С такими словами великодушный герой поблагодарил нас всех. Испив воды, принесенной Лакшманой, знаменитый Рагхава продолжал поститься вместе с Ситой. Лакшмана допил остаток воды и все трое в час сандхья предалось молчаливым воспоминаниям, сидя подле друг друга. Затем Лакшмана быстро приготовил для Рагхавы удобную постель из собранной травы, и Рама расположился на ней вместе с Ситой, а Лакшмана, омыв стопы, удалился.

Здесь, у подножья дерева ингуди, на траве спали Рама и Сита, а Лакшмана, победитель своих врагов, в перчатках из кожи гоха, с колчаном полым стрел, который он закрепил на спине, ходил вокруг них всю ночь. Я же, захватив с собой свои стрелы и чудесный лук остался подле Лакшманы вместе со своими неутомимыми родственниками, тоже вооруженными луками, чтобы защитить этого героя, равного Индре.

Глава 88. Скорбь Бхараты

Слушая Гуху, Бхарата вместе со своими советниками подошел к подножью дерева ингуди. Взглянув на постель Рама, он сказал своей матерям:

– Здесь лежал великодушный герой, члены его отпечатались на земле! Рожденный великим и прозорливым Дашаратхой, потомок царского рода, Рама не заслужил спать на голой земле! Привыкший спать на мягких покрывалах, покрытых превосходными оленьими шкурами, как этот тигр среди воинов спал на земле? Живя во дворцах, в лучших покоях, напоминающих колесницы богов, устланных богатыми коврами, щедро убранных цветами и благоухающих сандалом и алоэ, подобных яркому и далекому облаку, оглашенных криками великолепных попугаев, с золотыми стенами, подобными горе Меру, благоухающие благовониями, где он ежедневно просыпался в должный час под звуки песен и музыки, звон украшений, гимны панегиристов, бардов и певцов и достойных его баллад; то, что этот победитель своих врагов теперь вынужден спать на земле – предмет прошлой веры! Это неправда; ум мой обеспокоен, я играю во сне? Воистину, нет силы более необратимой, чем судьба, если сын Дашаратхи, Рама, спит на земле вместе с прекрасной дочерью царя Видехи, нежно любимой супругой Дашаратхи! Эта постель принадлежит моему брату, удача изменила ему; на жесткой земле трава эта была примята его членами! Мне кажется, прекрасная Сита спала не снимая украшений, потому что я вижу осыпавшееся золото и камни. Несомненно, Сита сняла здесь свою накидку, потому что здесь поблескивают шелковые нити. Несомненно, ложе мужа всегда сладостно для женщины, и хотя Маитхили юна и неудачлива, все же несмотря на свою утонченность она не ведает страданий! Увы, я достоин смерти, я настоящий варвар, если обрек Рагхаву, словно нищего, спать на такой постели вместе со своей супругой! Он родился в семье, которая правит всей землей, кому три мира обязаны своим процветанием! Почему он, чье тело цветом напоминает голубой лотос, а глаза слеза красноваты (сноска1, 369), прекрасного облика, не заслуживший неудачи и достойный своей доли счастья, должен спать на земле? Несомненно, Лакшмана удачлив и благословлен судьбой, сопровождая своего брата Раму! Все желания Ваидехи исполнились, когда она последовала за своим мужем! Но наши страдания безмерны, поскольку мы лишились этого великодушного героя! Вселенная осталась без правителя; она мне кажется заброшенной, потому что Дашаратха ушел на небеса, а Рама живет в лесу! Никто даже в мыслях не желал земли, которую он, изгнанный в лес. Защищал свою сильной рукой. Этот царский град без сторожей, наблюдающих за валами, без колесниц, коней или слонов, с воротами без ключей, без защитников, лишенный счастливой армии, во власти горя, подверженный опасности, все будут избегать, даже враги, словно отравленную пищу. С этого дня я тоже буду спать на земле или на траве, питаться кореньями и фруктами, я соберу волосы и одену древесную кору. Все время его изгнания я счастлив буду жить в лесу, чтобы обет этого благородного героя не оказался напрасным. Во имя блага своего брата я буду жить здесь вместе с Шатругхной, а брат мой Лакшмана защитит Айодхью. Какутстха будет возведен на трон дваждырожденными! Пусть боги польют свою милость, и это мое желание исполнится! Пусть Рагхава не отклонит моей просьбы последовать его стопам и жить в лесу; он не сможет отказать мне в этой милости!

Глава 89. Бхарата и его спутники переправляются через Гангу

Проведя ночь на берегу Ганги, Бхарата, потомок Рагху, поднялся на рассвете

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
и сказал Шатругхне:

– Поднимись о Шатругхна, почему ты спишь так долго? Иди и поскорее разыщи царя нишадов Гуху и будь счастлив! Пусть он поможет армии переправиться на другой берег! Сон бежит от меня, я не могу отдыхать, потому что я постоянно думаю о знаменитом Раме!

– Быть тому! – отвечал Шатругхна поднимаясь, и пока те два льва среди людей беседовали меж собой, пришел Гуха и со сложенными ладонями обратился к Бхарате:

– О Какутстха. Хорошо ли ты провел ночь на берегах реки? Все ли благополучно с твоей армией?

Бхарата, преданный Раме, отвечал на исполненные любви слова Гухи:

– Ночь прошла для нас благоприятно, о добродетельный царь; ты окружил нас заботой, но теперь вели своим слугам при помощи многочисленных слуг перевезти нас через Гангу.

Вняв просьбе Бхараты, Гуха поспешно вернулся в свой город и приказал толпе своих людей:

– Поднимайтесь, вставайте, и пусть процветание сопутствует вам! Готовьте лодки, чтобы я мог помочь армии переправиться через реку!

Послушные гласу своего государя, люди отовсюду принесли пятьсот больших челнов, некоторые из них были с большим колоколом, отмечены знаком свастики, великолепно украшены, с флагами, все были крепкими и хорошо оснащены. Один из тех челнов, отмеченный свастикой, покрытый белыми холстинами с великой пышностью принес сам Гуха под шумное одобрение народа. В этот челн он посадил Бхарату, Шатругхну, исполненный добродетели, Каушалью, Сумитру и других царских жен. Первыми на лодки взошли священнослужители и духовные наставники, брахманы, а также дворцовые женщины, после этого перевезли колесницы и, наконец, поклажу с повозок; крики тех, кто остался в своих жилищах или был обременен вещами, наполняли небо. Лодки, полные людей и украшенные флагами, быстро плыли под парусами, ведомые родственниками Гухи; одни из них были полны женщин, другие нагружены животными, третьи перевозили повозки и великой ценности снаряжение для животных.

Достигнув противоположного берега, все выгрузились и друзья и слуги Гухи на обратном пути показывали различные трюки со своими лодками.

Слоны с паланкинами и погонщиками на спинах переплыли реку, одни вступили в лодки, другие переправились при помощи плотов или кожаных сумок или бутылей, а третьи вплавь. Так с помощью слуг Гухи вся армия счастливо переправилась через Гангу в час маитра (сноска 1, с 371), и достигла великолепных лесов Праяга.

Два приказ остановиться и удобно располагаться, великодушный Бхарата отправился вместе ритвиджами и садасьями (сноска 2, 371) посетить Бхарадваджу, знаменитого риши. Любуясь великими лесами, очарованный уединенными хижинами отшельников и деревьями, он скоро достиг обители этого великого брахмана, пурохиты богов и главу аскетов.

Глава 90. Встреча Бхараты и Бхарадваджи

Тур среди людей, Бхарата подошел к хижине Бхарадваджи. Оставив далеко позади свою армию, сопровождаемый советниками добродетельный Бхарата, сняв свое оружие и украшения шел пешком в простой шелковой одежде вместе со своим духовным учителем.

Увидев Васиштху, Бхарадваджа, великий аскет, тут же поднялся со своего сидения и сказал ученикам:

– Быстро принесите аргхью!

Когда Бхарата вместе с Васиштхой выразили ему почтение, знаменитый аскет узнал сына Дашаратхи и предложил обоим воду омыть руки и стопы, а также фрукты. Затем мудрец согласно традиции расспросил об их благополучии, о

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
родственников, об Айодхье с ее армией, сокровищами, друзьями и советниками, но, зная о смерти Дашаратхи, он ничего не сказал о царе. Васиштва и Бхарата в свою очередь спросили о благополучии мудреца, о его жертвеннике, учениках, деревьях и птицах, живущих близ хижины.

– Все хорошо! – отвечал знаменитый Бхарадваджа и обратился к Бхарате, связанному любовью к Рагхаве:

– По какой причине ты пришел сюда, ты, правитель огромной страны?

Победитель врагов, рожденный Каушалей ей на радость вместе с братом и женой надолго изгнан в лес. Этот герой, исполненный славы, из-за интриг женщины собственным отцом осужден жить в лесу четырнадцать лет. Ты хочешь причинить зло этому безупречному царевичу и его младшему брату, чтобы без помех насладиться троном?

Бхарата слушал слова Бхарадваджи, обливаясь слезами. Задыхаясь от горя, он ответил:

– Я пропал, если благословенная личность так относится ко мне! Я не сделал ничего, за что можно было бы упрекать меня, не обвиняй меня напрасно. Я не знал о том, что сотворила моя мать, не поддерживал этого и не имел ни малейшего отношения. Преисполненный любви к своему брату я пришел, чтобы привести этого тигра среди людей обратно в Айодхью и припасть к его стопам. Теперь ты знаешь цель моего путешествия, даруй мне свою милость; о благословенный, пожалуйста, поведай, где находится Рама, повелитель мира!

Отвечая на просьбы Васишты и других священнослужителей, Бхарадваджа с любовью сказал Бхарате:

– О тигр среди людей, неудивительно найти в тебе, потомке рода Рагху, сознание долга перед твоими духовными наставниками, владение чувствами и привязанность к людям добродетели. Я понимал твою цель, но, желая убедиться в ней, а также безгранично увеличить твою славу, я задал тебе этот вопрос! Я знаю, где добродетельный Рама, сопровождаемый Ситой и Лакшманой; твой брат живет на горе Читракута. Завтра ты отправишься туда, а сегодня оставайся здесь вместе со своими советниками; доставь мне это удовольствие, о исключительно добродетельный царевич, преследующий законные желания и интересы!

Благородный и необычайно прекрасный Бхарата ответил:

– С радостью! Так сын царя решил провести ночь в хижине.

Глава 91. Чудесное угощение, предложенное Бхарадваджей Бхарате

Видя, что царевич готов провести с ним ночь, мудрец приготовил для Бхараты, сына Кайкеи, подношения, полные почтения к гостю. Тогда Бхарата сказал ему:

– Разве ты не почтил меня водой, чтобы омыть руки и стопы и не оказал мне гостеприимства, достаточного для лесного отшельника?

Но Бхарадваджа с улыбкой отвечал:

– Я знаю, ты будешь доволен всем, что бы тебе ни предложили, и все же я желаю угостить всю твою армию, о тур среди людей; доставь мне это удовольствие. Почему ты, направляясь сюда, оставил их далеко позади? Почему ты не привел всех с собой, о воин?

И Бхарата со сложенными ладонями отвечал аскету:

– О благословенный, из уважения к тебе я пришел это недоступное

место! Царь или царевич не должны беспокоить аскетов, живущих в лесах! О благословенный, меня сопровождают сильные кони, люди, редкие слоны, опьяненные соком мада, занимая огромное пространство, и я подумал: «Они вытопчут и поломают деревья, хижины и землю, а также осквернят воду в этой обители». По этой причине я пришел один.

Тогда великий аскет сказал:

– Приведи сюда свою великую армию! – и Бхарата сходил за всеми, кто ждал его в лесу.

Тем временем Бхарадваджа провел агнишалу (сноска 1, 374) и, сделав маленький глоток воды, он остаток сбросил с руки; чтобы исполнить свой долг гостеприимного хозяина он призвал Вишвакарму:

– Я призываю Вишвакарму, уравновешенного Тваштару; я желаю исполнить свой долг перед гостями, пусть он поможет мне, снабдив всем необходимым! Я призываю трех стражей мира, богов, возглавляемых Индрой; я желаю исполнить долг хозяина, пусть они помогут мне сделать это! Пусть реки, которые текут на восток и пересекают землю и воздух, сейчас отовсюду придут сюда – одни с волнами маирейи (сноска 2, 374), другие – с восхитительным вкусом суры (сноска 3, 374), а третьи со свежим и прохладным вкусом тростникового сахара! Я призываю девов и гандхарвов, Вишавасу, Хаху и Хуху! Пусть апсары вместе с девами и гандхарвами отовсюду соберутся здесь! Я призываю всех прекрасных женщин, служанок Брахмы и Индры; Читачи, Сома, Адрикритаствхали, а также Тумбуру; пусть все они придут сюда в нарядных одеждах! Я призываю божественный лес Куру, листья и фрукты которого служат одеждой, украшениями и пищей небесным девам; пусть эти все остальные богатства Куверы явятся здесь! Пусть благословенный Сома снабдит меня самыми лучшими продуктами и пищей, сладостями и приправами всех видов и в изобилии, множество гирлянд, природой сплетенных на деревьях, вина и другие напитки, а также мясо всех сортов!

Сказав так, мудрец несравненного сияния, верный своему долгу, предался медитации согласно ведическим писаниям, и пока он медитировал с лицом, обращенным на восток и сложенными ладонями, пред ним одно за другим появились все те божества.

С гор Малая и Дардура подул прохладный и ароматный ветерок, смягчая жару, и небесные облака пролили дождь из цветов, со всех сторон послышались звуки божественных гонгов. Под мелодию ветра танцевали апсары, пели гандхарвы, раздались звуки вин. Земля и небо наполнились сладкой и гармоничной музыкой, мягкой и ритмичной. И когда божественная мелодия, столь приятная человеческому слуху, смолкла, армия Бхараты увидела удивительное творение Вишвакармы.

Огромное пространство приблизительно в двадцать миль было покрыто ковром травы, темной, как изумруд. Повсюду росли деревья билва, кариттха, панаса, читрон, амалаки и манго, полные фруктов. Появился божественный лес Куру, позволяющий вкушать все радости рая; поблизости протекала прекрасная река, берега которой поросли бесчисленными деревьями, виднелись великолепные квадратные дворцы со стойлами для слонов и коней и величественными воротами со сторожевыми башнями и примыкающими по бокам башенками. Царский дворец казался ослепительным, как облако, украшенный сияющими арками, свежими гирляндами и благоухающий небесными ароматами, имел форму идеального квадрата и был полон удобных кушеток, кресел, красивых мест для отдыха, покрытых богатыми коврами; гостей уже ждали вкуснейшие напитки всех видов, а также великолепные наряды и разнообразная пища, искусно приготовленная и разложенная в нержавеющей и чистых сосудах.

По приглашению великого Риши могучерукий герой Бхарата, сын Кайкейи. Вошел в этот дворец, полный драгоценных камней, сопровождаемый своей свитой советников и священнослужителей, и все они пришли в восторг при виде такой обители! Там была отдельная комната с золотым тронem, чамарой и пологом, и Бхарата и его советники обошли вокруг нее, словно она была занята царем, и выразили почтение царскому трону, склонившись перед ним, как если бы Рама сидел на нем; затем Бхарата, взяв в руки опухавшее из хвоста белого яка, занял место слуги (сноска 1, 376). Следуя его примеру, расселись министры и советники согласно занимаемому положению; затем заняли свои места главы армии и певцы.

В одно мгновение по воле Бхарадваджи реки Паяши потекли к стопам Бхараты, на их берегах появились прекрасные небесные дома из белой глины и двадцать тысяч нимф, посланных Брахмой, украшенных божественными драгоценностями. Еще двадцать тысяч сияющих жемчугами, камнями и кораллами нимф пришли из обители Куверы, и апсары, чья красота заставляла мужчин терять голову, пришли из садов Нандана, вместе с двадцатью тысячами своих подруг. Затем перед Бхаратой появились Нарада, Тамбуру и Гопа, своим сиянием напоминавшие

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
солнце, пока Аламбуша, Мишракеша, Рундарика и Вамана танцевали для него, послушные воле Бхарадваджи. Повсюду были гирлянды цветов, излюбленных богами, растущих в лесах Чаитаратха и Пряяга.

Деревья билва приняли форму барабанов, а деревья бибхитака – цимбал, ашваттха деревья стали танцорами благодаря могуществу великого мудреца; шарала, тала и тамалка деревья, превратившись в горбунов и карликов радостно прыгали здесь и там. Деревья шимшара, амалаки, джамбу и лианы всех видов в облике танцовщиц появились в хижине Бхарадваджа, крича:

– О пьяницы, пейте! Вы, пропитанные вином, пейте! Идите, ешьте, что хотите, наслаждайтесь изысканным мясом!

Растерев члены воинов, они помогали им омыться в водах живописной реки. Каждому служили по семь или восемь прекрасных женщин с большими глазами и стройным станом, растирая их и вытирая, одна за другой, и подавая им напитки.

Слоны, кони, ослы и мулы, потомки Сурабхи были ухожены, получив необходимый корм. Кони, принадлежавшие знаменитым воинам, потомкам Икшваку, досыта ели тростникового сахара, меда и жареного зерна из рук энергичных слуг; и наездник уже не узнавал своего коня, а погонщик – своего слона. Вся армия предалась выпивке, развлечениям и женитьбе. Полностью удовлетворенные, умащенные сандаловой пастой и окруженные апсарами, солдаты восклицали:

– Мы никогда не вернемся в Айодхью и не пойдем в лес Дандака! Пусть Бхарата живет на востоке и Рама будет счастлив!

Пехота и конники, более не признавая своих вождей, стали управлять на свое усмотрение и вольготно вести себя. Люди тысячами ходили за Бхаратой, крича: «Воистину, это рай!» Танцуя, смеясь, воспевая, тысячи солдат, опутанные гирляндами цветов бегали туда-сюда. Сытые по горло сладкой как амрита пищей, видя новые блюда, они с жадностью набрасывались на них. Повсюду радовались слуги, рабы, юные девушки и солдаты, облаченные в новые одежды. Слоны, ослы, мулы, быки, кони, олени и птицы были счастливы, не видно было людей в грязных одеждах или неопрятных, с пыльными волосами.

Там были горы козлятины и свинины с изысканными подливами, ароматные и сочные приправы со специями, приготовленные на фруктовых соках; безмолвной от изумления толпе предлагались тысячи сосудов из редких металлов, наполненные рисом и украшенные цветами. В разных частях леса колодцы, прежде полные воды, наполнились Паяшей (сноска1, 377), повсюду бродили коровы, исполняющие желания, по стволам деревьев тек мед. Озера наполнились искристыми винами, а на их берегах возвышались груды блюд из оленины, павлинов и цыплят в сияющих горшках с тысячами тарелок и миллионами чашек, с бесконечным числом огромных чанов, кувшинов, ведер и взбивалок, искусно выгравированных и полных кислого молока с тмином, имбирем и другими приятными пряностями; стояли сосуды с йогуртом и горками сахара рядом. Повсюду ожидали чаши с мазями, сандаловой пастой и эссенциями всех видов для омоложения и ослепительной белизны палочки для чистки зубов и всех видов очищенные пасты в ящиках, полированные зеркала, полотенца, тысячи пар комнатных туфель и другой обуви, помады, гребни, щетки, зонтики, луки, сияющие доспехи, ложа и кресла. Ослы, мулы, слоны и кони легко спускались к прудам, поросшим цветущими лотосами, и пили чистую воду, прозрачную, как небесный свод. В этих кристально чистых водах купание доставляло необычайное наслаждение, а мягкая трава на берегах, зеленая, как изумруд, была прекрасным пастбищем для всех вьючных животных.

Все пребывали в восторге от этих чудес. Реальность показалась божественными грезами, когда жители Айодхьи увидели развлечения, предоставленные им великим риши Бхарадваджей. Пока они, словно боги в садах Нандана, предавались веселью в чарующей сердце обители, прошла ночь.

Гандхарвы вернулись туда, откуда они пришли, исчезли прекрасные апсары, покинув Бхарадваджа, а спутники царевича Бхараты, все еще опьяненные крепкими винами, умащенные небесными алоэ и сандаловой пастой, топтали редкие небесные гирлянды, что грудями валялись у них под ногами.

Глава 92. Бхарата направляется к Читракуте

Бхарата, горя желанием увидеть Раму, наутро вместе со своими спутниками

Рамаяна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
разыскал Бхарадваджа, который столь гостеприимно встретил его.

Увидев Бхарату, тигра среди людей, приближающегося к нему со сложенными ладонями, риши Бхарадваджа, только что разведя жертвенный огонь, сказал:

– О безгрешный царевич, счастливо ли ты провел ночь в моей хижине? Довольны ли твои люди пиршеством? Скажи мне, о безупречный герой!

Бхарата со сложенными ладонями поклонился риши непревзойденного могущества, появившемуся в дверях своей хижины и отвечал:

– Благодарю тебя за твое гостеприимство, о благословенный, так же как и все мои многочисленные воины и животные; ты явил мне свою доброту, и моя армия счастлива! Без тени усталости и страданий, хорошо накормленные и отдохнувшие, мы и наши слуги снова и снова благодарим тебя за щедрость. И все же я желаю покинуть тебя, о благословенный, знаменитый риши! Ныне, оказавшись недалеко от любимого брата, я молю, обрати на меня свой милостивый взор, о святой муни, и укажи мне путь, который ведет к обители этого добродетельного и великодушного героя, поведай, далеко она отсюда!

Видя пылкое желание Бхараты вновь увидеть своего брата, знаменитый Бхарадваджа, суровый аскет, отвечал:

– О Бхарата, в четырнадцати милях отсюда посреди прекрасного леса стоит гора Читракута, чарующая сердце своими пещерами и рощами. К северу течет река Манадакини, чьи берега поросли деревьями и кустами, а гладь покрыта чудесными цветами. Сразу за этим потоком на горе Читракута ты несомненно увидишь хижину, покрытую листьями, которая принадлежит тем двум героям, о сын мой, там их обитель. Ненадолго поднявшись на правый берег, ты увидишь на левом берегу дорогу, что ведет на юг; пусть вся твоя огромная армия слонов и коней отправляется этим путем, о могучий полководец, и ты увидишь Раму!

Слушая, как мудрец описывает их дальнейший путь, супруги царя Дашаратхи спустились со своих великолепных колесниц, которых они были достойны, окружили брахмана и, дрожащие, изможденные, несчастные, сопровождаемые божественной Сумитрой, каушалей, припали к стопам мудреца. Затем та, чьи амбиции не имели равных в мире, проклиная всеми, в смущении коснулась его стоп и обошла вокруг него, выражая почтение благословенному и великому аскету; после этого она заняла свое место недалеко от Бхараты, печальная в сердце.

Великий Муни спросил Бхарату:

– Я хочу познакомиться с твоими матерями, узнать имя каждой из них, о Рагхава.

Добродетельный Бхарата, сложив почтительно ладони, с готовностью отвечал Бхарадвадже:

– О благословенный, это измученная горем и постом царственная супруга моего отца, подобная богине Каушалья; это она, словно Адити, давшая жизнь Дхарату, родила Раму, тигра среди героев с походкой и статью льва. Слева от нее стоит охваченная горем, несчастная Сумитра, средняя среди цариц. Эта царица, подобная ветви дерева карника, цветы которого высыхают на ветвях, дала рождение двум юным героям небесной красоты – Лакшмане и Шатругхне, отмеченных доблестью. Та, чья ошибка повергла тех двух тигров среди людей в несчастье, а царя Дашаратху, лишившегося сына, лишила жизни – эта раздражительная, тщеславная, надменная и честолюбивая женщина, которая держится важной особой, – Кайкеи, моя мать, злобная и вероломная негодяйка, в которой я вижу причину моей великой неудачи.

Речь этого тигра среди людей прерывалась рыданиями, стонами, глаза его воспалились, он дышал, как потревоженная змея. Тогда великий риши Бхарадваджа, наделенный безграничным разумом, дал Бхарате исполненный мудрости ответ:

– О Бхарата, ты не должен винить Кайкеи; изгнание Рамы станет источником величайшей радости и блага для богов, данавов и чистосердечных риши, обитающих в здешних лесах.

Утешенный Бхарата почтительно поклонился мудрецу и обошел вокруг него, отдав приказ:

– Пусть армия готовится к отправлению!

Коней запрягли в бесчисленные колесницы, украшенные золотом, седоки заняли в них свои места, другие вззошли на слонов и слоних с золотыми ожерельями на могучих шеях. Украшенная флагами и знаменами армия снялась с места, и звон колокольчиков слился в единый шум, напоминавший раскаты грома в преддверии лета. Великолепные повозки, огромные и маленькие всех видов, двинулись вперед, сопровождаемые пехотой; женщины, возглавляемые Каушалей, жажда увидеть, радостно отправились в путь. Счастливый Бхарата, которого несли на роскошных носилках, ехал посреди своего эскорта.

Огромная армия, состоящая из бесчисленных слонов и коней, продвигалась на юг и была подобна громадному облаку, появившемуся в небе. Блистательная армия Бхараты шла западным берегом Ганги, преодолевая горы и стремительные потоки, проходила через леса, любимые оленями и птицами. Эскадроны слонов и горячих коней углубились в обширный лес, пугая стаи зверей и птиц.

Глава 93. Бхарата восторгается красотой Читракуты

Видя продвижение огромной армии, жители лесов, толпами собирались вокруг своих вождей, обезумев от ужаса, готовые к бегству, а звери, крупные пятнистые олени и антилопы, которые можно было увидеть через ветви деревьев, разбежались по лесу, на холмы и к реке.

Велика была радость добродетельного сына Дашаратхи, которого окружала шумная армия из четырех воинских соединений и напоминавшая воды океана. Сопровождение великодушного Бхараты покрыло землю, как облака покрывают небо в период дождей. Земли, сплошь покрытой волнами ретивых коней и слонов, подолгу не было видно, пока они проходили по ней.

Пехота, идя на изрядном расстоянии, спотыкалась от усталости. Оглядевшись вокруг благословенный царевич обратился к Васиштхе, самому прозорливому из советников:

– Судя по окрестностям, я думаю, мы достигли места, указанного Бхарадваджей. Вот Читракута, река Мандакини, а вдалеке голубым облаком виднеется лес! Взгляни на красивые выступы горы Читракуты, ныне дрожащей под тяжестью моих слонов, похожих на горы, и на деревья, рассыпавшие свои цветы на ее склонах, словно в конце лета гряды дождевых облаков пролили на них свои ливни! Посмотри, о Шатругхна, эти скалистые места изобилуют конями, словно океан огромными рыбами. Стада быстрых антилоп, согнанные с их пристанищ, бегут, словно груды облаков, гонимые осенним ветром.

Великолепные деревья с ослепительными ветвями, похожими на облака, украшены цветами и похожи на южных людей. Лес этот, прежде всегда молчаливый, принял удивительный облик и кажется городом Айодхью, полным людей. Пыль, поднятая копытами коней, затмила небеса, но ветер сразу разгоняет ее, доставляя мне удовольствие! Взгляни, о Шатругхна, как быстро пересекают лес эти колесницы, запряженные великолепными конями и управляемые лучшим среди возниц! Посмотри, как эти павлины великолепного оперения в ужасе бегут в скалы, убежище птиц. О безупречный царевич, это место восхищает меня; несомненно, эта обитель аскетов – порог рая! Как прекрасны эти пятнистые олени, что бродят вокруг со своими ланями; кажется, будто они усеяны цветами! Пусть солдаты скорее исследуют эти леса и найдут тех тигров среди людей – Раму и Лакшману! Услышав приказ Бхараты, те доблестные воины с оружием в руках углубились в лес и неожиданно увидели струящийся к небу дымок. Они тут же вернулись к Бхарате сообщить о своем открытии:

– В таком пустынном месте не бывает огня; несомненно там живут два потомка Рагхавы. Если это не те двое тигров среди людей, двое царевичей, победителей своих врагов, тогда это должны быть другие аскеты, которые знают о Раме!

В ответ на эти слова, отрадные сердцу Бхарата, могучий сокрушитель врагов, сказал своим воинам:

– Оставайтесь здесь, а мы с Сумантрой и Дхрити сходим туда(сноска 1, 382).

Покорные приказу все колесницы и воины остановились, а Бхарата, не сводя глаз со столба дыма, отправился в путь. Армия, которой Бхарата повелел оставаться на месте, оглядывала окрестности, радуясь от мысли, что скоро из любимый Рама вернется!

Глава 94. Рама описывает Сите красоту Читракуты

Они прожили на горе уже некоторое время, когда Рама, этот герой, наслаждаясь самой прекрасной из горных вершин и желая Ваидехи счастья, позволил себе отвлечься мыслью. Дашаратхи, подобный Богу, обращая внимание своей супруги на красоту Читракуты, заговорил, словно Пурамдара, беседующий с Сачи:

– О счастливая царица, как только я увидел эту восхитительную гору, я перестал печалиться о потерянном царстве или разлуке с моими друзьями! О удачливая, взгляни на эту гору, где так много птичьих стай всех видов, хранящую драгоценные металлы, чьи многочисленные вершины, кажется, целуют небеса! Посмотри, как одни из ее вершин отливают серебром, а другие – золотом, какие-то кажутся ализариновыми или желтыми, а какие-то сверкают как драгоценные камни или напоминают цветы, или кристаллы, или деревья кетакис; они мерцают, как ртуть; в этих местах много драгоценных металлов; эта гора – Индра среди гор, она полна ручных ланей, что бродят стадами, тигров, пантер и медведей, стаи птиц оживляют ее. Плотные ряды деревьев манго, джамбу, асаны, лодхра, приямала, панаса, дхара, анкола, бхавья, тиниша, билва, тиндука, а также бамбук, кашмая, аришта, варана, мадхука, тилака, бадари, амлака, нипа, ветра, дханвана, биджака (сноска 1, 383) и множество других деревьев, покрытых цветами и обремененных фруктами, даруют густую тень и делают эту гору очаровательной обителью! Посмотри, как на ее восхитительных плоскогорьях развлекаются прозорливые кинеры, опьяненные любовью, о удачливая царица! Их мечи и драгоценные украшения висят на ветвях деревьев; взгляни на эту чарующую обитель, в которой резвятся видьядхары! Повсюду из горных расщелин с шумом бьют водопады, отчего гора кажется слоном с сукровицей на лбу. Кто не преисполнится радости, глядя на эти прогалины, откуда доносится пьянящий аромат цветов? О несравненная царица, я проведу здесь с тобой и Лакшманой не одну осень, и никакое несчастье не достигнет меня! Гора эта с ее восхитительными вершинами, покрытая цветами и изобилующая фруктами, дающая прибежище стаям птиц, чарует мне сердце, о любимая! Живя в лесу, мы достигнем две цели: отцу моему не в чем будет упрекнуть меня, потому что я должным образом исполню свои обязанности, и Бхарата будет счастлив! О Ваидехи, не правда ли, здесь, на Читракуте, где все приносит наслаждение уму, телу и чувствам, ты не находишь особого очарования в общении со мной? О царица, знаменитые царственные риши, умиря, говорили, что жизнь в лесу – это смысл обретаемого после смерти освобождения. (сноска 1, 384) Посмотри, как сверкают эти скалистые утесы всеми оттенками цветов – голубым, желтым, белым и красным! Ночью травы на этой лучшей среди гор, подобно искрам огня, чудесно сверкают и светятся! Некоторые утесы на этой горе напоминают дворцы, другие похожи на парки, а третьи срослись в сплошной массив, о прекрасная. Оторвавшись от земли, Читракута стоит прямо, и вершина ее выглядит несравненно прекрасной, с какой стороны на нее ни взглянуть. Посмотри на эти ложа для влюбленных из листьев кришты, штагары, паннаги и бхуджи, которые тесно переплелись с цветами водяной лилии! Взгляни, о возлюбленная, увядшие гирлянды разбросаны, так же как надкушенные фрукты всех видов. Эта гора Читракута, изобилующая кореньями, фруктами и водой, прекраснее Васвауксары (сноска 2, 384), Налини (сноска 3, 384) и Уттаракору (4, 384). О возлюбленная Сита, время, которое я проведу здесь вместе с тобой и Лакшманой, следуя путем добродетели и предаваясь благотворной аскезе, принесет мне радость процветания, обретаемого исполнением возложенного долга.

Глава 95. Рама прославляет реку Мандакини

Повелитель Кошалы спустился с горы и показал Маитхили на реку Мандакини с ее свежими искристыми водами. Лотосокий Рама сказал дочери царя Ваидехи прекрасного облика, чей лик напоминал луну:

– Посмотри на прекрасную реку Мандакини с бесчисленными островами, излюбленным пристанищем лебедей и диких гусей, покрытую цветами и по берегам поросшую деревьями всех пород, склоняющимися под тяжестью цветов и плодов, на реку, чарующую своей красотой, словно река в обители Куверы; ее прекрасные броды, куда на водопой пришли стада ланей, замутнив воду, повергают меня в восторг! Это время, когда риши, спутавшие свои волосы и

Рама. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
облаченные в шкуры антилопы и древесную кору, спускаются к реке Мандакини омыться, о возлюбленная. О дева с прекрасными очами, эти знаменитые мунисуровых аскез по традиции подняли руки к солнцу, взывая к Сурье! Из-за деревьев, чьи высокие кроны волнует ветер, со всех сторон проливая на реку дождь из цветов и листьев, гора кажется танцующей! Посмотри, ее песчаные берега полны совершенных созданий, совершающих омовение в ее водах! О Кальяни, взгляни на сладкоголосых гусей, с криком взмывающих в небеса. О прекрасная женщина, когда я смотрю на Читракуту и реку Мандакини, мне кажется, они сулят мне больше радости и счастья, чем жизнь в Айодхье или даже твои чарующие очи! Войдем со мной вместе туда, где исполненные совершенства создания, свободные от порока, богатые подвигами аскетизма и владеющие чувствами, постоянно волнуют речные воды, и, словно дружеской груди, о любимая Сита, ты доверишься реке Мандакини, украшенной голубыми и белыми лотосами. Отныне думай о диких зверях вокруг как о жителях Айодхьи, о прекрасная, а об этой реке – как о Сараю! О Ваидехи, твоя преданность и послушание Лакшмана моей воле делают меня счастливым! Трижды в день омываясь в реке, питаюсь медом, кореньями и фруктами, не расставаясь с тобой я не сожалею об Айодхье или всем царстве! Кто в мире не нашел бы отрады и покоя на берегах этой чудесной реки, часто посещаемой стадами слонов, которые вместе со львами и обезьянами приходят сюда на водопой, пышно украшенные цветами!

Рама, источник радости для своего рода, описывая своей возлюбленной супруге многочисленные красоты реки Мандакини, бродил по горе Читракута, сиявшей, как огонь.

Глава 96. Лакшмана видит приближающуюся армию Бхараты

Показав царевне Митхилы реку, которая, кружась в водоворотках, продолжала свой бег, Рама вместе с Ситой сел на склоне холма у подножия горы и предложил ей немного поесть. (сноска 1,386) Пока добродетельный Рагхава гулял с Ситой, к горе Читракута приближалась армия Бхараты, поднимая облако пыли и шума. Повсюду стоял такой грохот, что вожаки диких зверей в ужасе бежали, уводя свои стаи вглубь лесов. Рагхава услышал шум, поднятый армией и увидел вожаков стай, стремглав бежавших прочь. Нисколько не смутившись и прислушавшись к приближающемуся шуму, Рама сказал сыну Сумитры, Лакшмане, обладавшему необычайной отвагой:

– Пойди, о Лакшмана, благородный сын Сумитры, выясни причину столь устрашающего шума, подобного нарастающим раскатам грома, который доносится до нас. Или это стада слонов в лесу или буйволов в великих лесах, или это дикие звери, вспугнутые львами и разлежавшиеся во все стороны.

Должно быть, это царь, охотящийся в лесу, о царевич, или свирепый дикий зверь! О Саумитри, узнай, что случилось! Горы этой трудно достичь даже птицам, О Лакшмана. Раскрой мне истину!

Лакшмана поспешно забрался на цветущее дерево шала, откуда обследовал горизонт; сначала он обратил свой взор на восток, затем – на север и заметил огромную армию, состоящую из слонов, коней, колесниц и хорошо вооруженной пехоты.

Описывая коней и колесницы, украшенные стягами, он сказал Рама:

– Погаси огонь, мой господин, и пусть Сита укроется в пещере; приготовь свой лук, стрелы и доспехи!

Рама, тигр среди людей, отвечал Лакшмане:

– Посмотри, о Саумитри, кому, по-твоему, принадлежит эта армия?

Лакшмана, равный Павাকে, отвечал Рама так, словно огнем своего гнева готов был испепелить приближающееся войско:

– Очевидно, Бхарата, сын Кайкеи, взойдя на трон и желая укрепить свою корону, пришел убить нас! Вон, из-за того прекрасного раскидистого дерева появилась колесница с широкоплечим воином, который несет в руках свою традиционную эмблему с изображением дерева ковидара (сноска 1, 387). Среди конницы некоторые весело скачут на своих быстрых конях, тогда как другие, громко смеясь, возвышаются на слонах. Давай возьмем свои луки, о воин, и поищем на горе прибежище, или же давай останемся здесь с оружием в руках,

Рамайна. Книга 2. Айодхья-канда filosoff.org
готовые сразиться. Несомненно, мы покорим в битве того, кто несет традиционную эмблему с изображением дерева ковидара. Увижу Бхарату и призову его к ответу за все беды, обрушившиеся на тебя, Ситу и меня, я заставлю его отвечать за твое изгнание из вечного царства. Поскольку Бхарата пришел как враг, о добродетельный царевич, он заслуживает смерти; я не вижу греха в таком убийстве, о Рагхава! Закон позволяет сразить того, кто нападет.

Бхарата – наш противник, мы можем покончить с ним, о Рагхава; с его смертью ты будешь править над всей вселенной! Сегодня несчастная Кайкеи, жаждавшая власти, увидит своего сына сраженным моими стрелами в бою, словно дерево, сломанное сломанное сломанное! Я убью и Кайкеи вместе с ее подружкой горбуньей и другими приспешниками. Сегодня я освобожу землю от величайшего порока! О гордый воин, сегодня в неистовой ярости, вызванной содеянной несправедливостью, я раскидаю вражеские отряды, как огонь истребляет валежник! Эти острые стрелы пронзят моих врагов, лес Читракута утонет в крови. Слоны и кони, растерзанные моими дротиками, станут пищей для диких зверей, так же как и люди, сраженные мною. Я непременно исполню свой долг, взяв свои лук и стрелы и убив Бхарату и всю его армию в этом великом лесу!

Глава 97. Рама успокаивает Лакшману
Рама принялся успокаивать Лакшмана, преисполнившегося гнева против Бхараты: (сноска 1, 388)

– Зачем браться за лук, стрелы и доспехи, если сюда пришел доблестный Бхарата? Дав отцу обет послушания, а потом убив Бхарату в сражении, какой толк мне от царства, на котором лежит пятно греха, о Лакшмана? Царство, добытое ценой убийства друзей и родных, принесет мне так же мало радости, как отравленная пища. Только ради тебя я желаю добродетели, законно обретенного богатства, счастья или даже самой земли, о Лакшмана, несомненно, это так! Только ради защиты и счастья моих братьев, о Лакшмана, я жажду трона и берусь за оружие в знак верности им! Земля эта, окруженная морем и недоступная для врага, не принадлежит мне, о друг! Я стану править ею незаконно, о Лакшмана! Если есть в этом какое счастье, которым я мог бы наслаждаться без Бхараты или без тебя и Шатругхны, о благородный царевич, пусть Агни испепелит его! Я думаю, что Бхарата, вернувшись в Айодхью, преисполнился любви к своим братьям; всегда верный долгу, он мне дороже собственной жизни! Услышав о моем изгнании, о том, что я облачен в шкуру антилопы, а волосы мои спутаны, о том, что ты и Джанаки сопровождаете меня, о самый доблестный среди воинов, в своей преданности мне, разбитый печалью, Бхарата пришел увидеть меня; нет иной причины в его приходе сюда. С негодованием упрекнув свою мать Кайкеи, великодушный Бхарата в угоду отцу пришел отдать мне трон! Выбрав благоприятное время, Бхарата увидится с нами, у него и мысли не было причинить нам зло. Разве он обидел тебя когда-нибудь, что ты так испугался его сегодня? Несомненно, он не должен слышать ни одного резкого или неприятного слова из твоих уст; если ты оскорбишь его, этим ты оскорбишь меня! Может ли сын ударить отца, пусть даже негодяя, или брат брата, который дорог как сама жизнь?

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!